

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Светские и религиозные стратегии построения жизненного мира

**Сборник научных статей
по материалам VI Всероссийской
научно-практической конференции
(Омск, 9–10 июня 2017 г.)**

© Оформление.

ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2017

ISBN 978-5-7779-2153-6

2017

УДК 008
ББК 71я43
В421

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф. *П.Л. Зайцев* (ответственный редактор)
канд. филос. наук, доц. *С.Н. Оводова*
канд. истор. наук, доц. *Е.В. Кузьмина*
канд. филос. наук, доц. *Н.Г. Красноярова*
канд. филос. наук, доц. *Е.Ж. Шуплецова*

Рецензенты:

д-р экон. наук, проф. *Ю.П. Дусь*
канд. филол. наук, доц. *В.А. Мартынов*

В421 Визуальные образы современной культуры: светские и религиозные стратегии построения жизненного мира [Электронный ресурс] : сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 9–10 июня 2017 г.) / [редкол. : П. Л. Зайцев (отв. ред.) и др.]. – Электрон. текст. дан. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

ISBN 978-5-7779-2153-6

В сборник вошли научные статьи и доклады ведущих ученых, молодых научных работников, аспирантов и студентов университетов Урала и Сибири. Материалы конференции отражают современный уровень осмысления визуальных маркеров региональной идентичности, светских и религиозных форм ориентации человеческого поведения в современном мире. Издание адресовано философам, культурологам, дизайнерам, преподавателям и студентам высших учебных заведений.

Рекомендовано для обучения по направлениям подготовки бакалавров 44.03.04 Профессиональное обучение, профиль Декоративно-прикладное искусство и дизайн, 51.03.01 Культурология, 48.03.01 Теология; магистрантов 47.04.01 Философия, 48.04.01 Теология, 47.04.03 Религиоведение; аспирантов 47.06.01. Философия, этика и религиоведение.

**УДК 008
ББК 71я43**

*Работа выполнена в рамках общественно полезного проекта
«Омск – город развитой межкультурной коммуникации»
по итогам муниципального конкурса грантов 2017 г., реализуемого
профсоюзной организацией студентов ОмГУ им. Ф.М. Достоевского*

*Текстовое электронное издание
Самостоятельное электронное издание*

Минимальные системные требования:
PC, Pentium и выше с частотой не ниже 500 MHz; ОЗУ 256 Mb;
Microsoft Windows 2000/XP/Vista/7;
Adobe Acrobat Reader 4.0 и выше; CD-ROM; мышь

© Оформление. ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2017

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
DOSTOEVSKY OMSK STATE UNIVERSITY

**VISUAL IMAGES
OF CONTEMPORARY CULTURE
(Secular and religious strategies
for building a vital world)**

**Collected articles
on materials of VI All-Russian
scientific-practical conference
with international participation
(Omsk, 9–10 June 2017)**

© OmSU design. Dostoevsky Omsk State University, 2017

ISBN 978-5-7779-2153-6

Omsk
Omsk State University Publishing House
2017

UDC 008
LBC 71z43
V421

Recommended for publication Editorial Committee OmSU

Editorial team:

Dr. philos. sciences, prof. *P.L. Zaitsev* (editor)
cand. philos. sciences, assistant professor *S.N. Ovodova*
cand. hist. sciences, assistant professor *E.V. Kuzmina*
cand. philos. sciences, assistant professor *N.G. Krasnoyarova*
cand. philos. sciences, assistant professor *E.J. Shupletsova*

Reviewers:

Dr. economic sciences, prof. *Y.P. Dus*
cand. filol. sciences, assistant professor *V.A. Martynov*

V421 Visual images of contemporary culture: Secular and religious strategies for building a vital world : Collection of scientific articles based on VI All-Russian scientific-practical conference (Omsk, 9–10 June 2017) / [editorial board. : P. L. Zaitsev et al.]. – Electronic text data. – Omsk : Omsk State University Publishing House, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

ISBN 978-5-7779-2153-6

The collection includes scientific articles and reports of leading scientists, young scientists, graduate students and students of the universities of the Urals and Siberia. The conference materials reflect the current level of understanding of visual markers of regional identity, secular and religious forms of orientation of human behavior in the modern world. The publication is addressed to philosophers, culturologists, designers, teachers and students of higher educational institutions.

Recommended for training in the areas of bachelor's training Vocational training, Culturology, Theology; Masters Philosophy, Theology, Religious Studies; graduate students Philosophy, Ethics and Religious Studies

**UDC 008
LBC 71z43**

*The work was performed as part of socially useful project
“Omsk is a city of developed intercultural communication”
the results of the municipal grant competition in 2017, implemented
trade-union organization of students of Dostoevsky Omsk State University*

Minimal system requirements:

PC, Pentium and higher with minimum 500 MHz fre.; 256 Mb RAM;
Microsoft Windows 2000/XP/Vista/7;
Adobe Acrobat Reader 4.0 and higher; CD-ROM; mouse

Издается в соответствии с оригиналом,
предоставленным редакционной коллегией.
Макет подготовлен в Издательстве ОмГУ

Технический редактор *Е.В. Лозовая*
Программно-техническая реализация *Е.А. Малыгиной*

Дата выпуска: 30.09.2017.
1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.
Тираж 20 копий. Объем 2,5 Мб.

Издательство
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
тел.: 8 (3812) 67-32-55, 64-30-61, 64-13-07

Навигация по сборнику: инструкция для читателей

1. Для быстрого перехода к нужной статье используйте интерактивное содержание сборника:

– нажмите кнопку «Закладки» (иконка имеет вид или) на боковой (левой) панели;

– в открывшейся панели, прокручивая Содержание, найдите название статьи;

– кликнув по названию статьи, перейдите к ее тексту.

2. Если боковая панель с кнопкой «Закладки» отсутствует, настройте ее следующим образом:

– если вы используете раннюю версию Adobe Reader, зайдите в меню «Просмотр», выберите «Панели навигации», нажмите кнопку «Закладки»;

– если вы используете последние версии Adobe Reader, зайдите в меню «Просмотр», выберите «Показать / Скрыть», далее – «Области навигации», в выпадающем меню нажмите «Закладки».

Далее действуйте в соответствии с указаниями п. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

ИНВАРИАНТНЫЕ СТРУКТУРЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Разумов В.И.</i> Когнитивные визуализации в диалоге между мирами	9
<i>Зайцев П.Л.</i> Жизненные миры постсекуляризма: исповедующиеся на ток-шоу. Мишель Фуко и Диана Шурыгина	11
<i>Ополев П.В.</i> Сложность как инвариантная структура жизненного мира	14
<i>Куликов С.Б.</i> Феноменологическая реконструкция смысла визуальных образов в политической сфере и ее границы	17
<i>Колесник М.В.</i> Формы символизации финансовой сферы в контексте современности	20
<i>Медведева О.А.</i> Визуальный поворот в культуре и «ускользание» теоретического	24
<i>Фомичева М.В.</i> Свобода «от» в структуре постмодерна	27
<i>Шихов Г.Л.</i> Боль как пространство коммуникации в рок-культуре	30
<i>Кузьменко А.В.</i> Боль и страдание в СМИ: феноменологический анализ	33
<i>Токарев С.С.</i> Образ монастырского юродивого в кинофильме Павла Лунгина «Остров»: тест на соответствие канону	37
<i>Мандрыгина Н.С.</i> Метафизические парадоксы научной фантастики советской эпохи	40
<i>Антонов А.С.</i> Теология Книги Иова как теология пограничных ситуаций	43
<i>Приймак И.В.</i> Идея «Третьего Завета» в духовных поисках русской интеллигенции Серебряного века	46
<i>Клементьева Е.А.</i> Василий Розанов: христианство в жизненном мире философа русского модерна	49

ЖИЗНЕННЫЙ МИР В ГЕОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ГОРОДСКИХ ПРАКТИКАХ

<i>Годава М.</i> Религиозное созерцание как фактор изменения жизни города	51
<i>Оводова С.Н.</i> Гражданские и религиозные сообщества в городе: отпечатки социального порядка в пространственной конфигурации	55
<i>Шуплецова Е.Ж.</i> Гармонизирующее преобразование визуальной среды города	61
<i>Головнёва Е.В.</i> Амбивалентный характер образа Сибири	64
<i>Яшин В.Б., Иванова М.В.</i> «Оставь свой город, брось его...» кейс-стади неоязыческих сельских поселений в России первой четверти XXI в.: «природеведы» в Омской области	67
<i>Воробьёва М.В.</i> Инновации + консерватизм = кейс района «академический», город Екатеринбург	72
<i>Порозов Р.Ю.</i> Культурологическая интерпретация визуального объекта в городской среде	78
<i>Коноплева Н.А., Бывалина Е.В.</i> Территориальный имидж (на примере города Владивостока)	81
<i>Ефремова И.В.</i> Влияние субкультуры хипстеров на формирование городского пространства	87

СВЕТСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ФОРМЫ ОРИЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

<i>Зверева Ю.Ю.</i> Наука и религия в XXI веке: гносеологическая стратегия ислама	90
<i>Данилова Ю.Н.</i> Мяко – итибамати – дайтоси: путь от очарования к отчуждению	93
<i>Кузьмина Е.В.</i> Теология в светском государстве: вопросы научной идентификации	97
<i>Блинова Д.В.</i> К проблеме «теологии цвета»: восприятие черного цвета в христианской религии и теологии	100
<i>Шарапова М.А.</i> Игровая фантастика и инвариант мана	103
<i>Емелина А.Д.</i> «Фильмы для взрослых» в преломлении феминистской риторики	105
<i>Ушаков А.Е.</i> Религиозный конфликт как разновидность социального конфликта: общее и особенное	108
<i>Нагаметян К.Ж.</i> Сакральный и секулярный модусы русского фольклора	110
<i>Визирда А.С.</i> Религиозная дискриминация в постсекулярном обществе	112
<i>Моржевилова Ю.О.</i> Практика Русской Православной Церкви по работе с трудными подростками	115
<i>Остатчук К.А.</i> Женское юродство в русском православии: Ксения Петербургская	118

**ОСВОЕНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В СОЦИАЛЬНОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ**

<i>Гребенникова Н.Б.</i> Социальная работа и социальное служение: «сходство и различие»	121
<i>Осколкова Ю.В.</i> Современные подходы к развитию визуальной культуры студентов профессионально-педагогического вуза в процессе освоения дисциплины «Методика обучения видам профессиональной деятельности»	125
<i>Кузьмина А.Н.</i> Исследование проблем социальной адаптации детей-сирот, обучающихся в Омском казачьем колледже им. К.Г. Разумовского	127
<i>Гребенникова Н.Б., Шайдулов А.В.</i> Киноклуб как инновационный метод формирования профессиональной культуры специалистов социальной сферы	130
<i>Тархова Ю.В., Шуплецов В.Ж.</i> Формирование образа города	134
<i>Степанов А.В., Степанова Т.М.</i> Иммерсионный подход в освоении визуальной культуры	137
<i>Степанов А.В., Маврин А.Н.</i> Моделирование подхода к стратегии инновационных образовательных проектов в области дизайна	140
<i>Кукенков В.И.</i> Типология пространства интерьера на основе когнитивной деятельности в визуальной культуре	145
<i>Чувашов А.С.</i> Фуд-дизайн и его структурная схема	147

ИНВАРИАНТНЫЕ СТРУКТУРЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Владимир Ильич Разумов
заведующий кафедрой философии,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: RazumovVI@omsu.ru

КОГНИТИВНЫЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ В ДИАЛОГЕ МЕЖДУ МИРАМИ

Аннотация. В начале XXI в. актуализируется древний вопрос о том, един или множественен мир. Преобладание в культуре рационалистических установок поддерживало представление о мире как Универсе. С критикой рационализма, с развертыванием неклассических и постнеклассических философии и науки мировоззрение переориентируется с моно на полицентричность, а это делает более привлекательной идею Мультиверса. Человек в XXI в. оказывается в чрезвычайно сложной ситуации: он, не научившись ориентироваться в Универсе, оказывается помещенным в Мультиверс. В качестве средств, помогающих индивидам ориентироваться в современности, предлагаются инструменты когнитивных визуализаций и интеллектуальные схемотехники.

Ключевые слова: диалог; интеллектуальные схемотехники; когнитивные визуализации; Мультиверс; Универс.

Vladimir Razumov
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

COGNITIVE VISIONS IN THE DIALOGUE BETWEEN THE WORLDS

Abstract. At the beginning of the XXI century there was the ancient question about the world: is it unique or multiple. The predominance of rationalistic attitudes in culture supported the idea of the world as a Universe. With criticism of rationalism and the unfolding of nonclassical and postnonclassical philosophy and science, the worldview is reoriented from mono to polycentricity, and this makes the Multiverse idea more attractive. Man in the XXI century is in extremely difficult situation: he can't navigate in the Universe, is placed in the Multiverse. As tools to help individuals navigate in the modern world, offers tools for cognitive visualization and intellectual circuitry are offered.

Keywords: dialogue; intellectual circuitry; cognitive visualizations; Multiverse; Universe.

Понятия об Универсе и Мультиверсе возникают в спорах средневековых схоластов, и они посвящены следующему вопросу: единственен ли мир или мы воспринимаем привычно только один из множества миров. Одна из фундаментальных проблем античности, от которой уместно отталкиваться при обсуждении оппозиции Универс/Мультиверс – установление единства/множественности субстанции, проявившееся в линиях: монизм/плюрализм, выделенных в философии древнего мира. Стоит обратить внимание на то, как догадки Д. Бруно соотносятся с физической гипотезой Х. Эверетта, которая не доказана, но и не опровергнута.

Рационализм уместно рассматривать как установку на монистический подход к мироустройству. Стремление создать единую онтологию, гносеологию, аксиологию, логику и методологию – отличительная черта классической философии от Античности до середины XIX в. Фактически, от возникновения неклассической философии, вместе с критикой традиционного рационализма, усиливаются плюралистические подходы к пониманию устройства

Мироздания и его объектов. Плюралистическое миропонимание возрастает с распространением культуры и мировоззрения постмодернизма.

В постмодернизме разворачивается масштабная критика рационализма, что поддерживает и в известной мере обосновывает переход к неклассической и постнеклассической философии и науке. Постмодернисты осуществляют деструктивную критику рационализма и усиливают движение в культуре и в мировоззрении от «моно» к «поли» миропониманию. Это ярко проявляется в отказах от поисков единства и обращении к поли-онтологизму, гносеологизму, множествам методологий и т. п.

Замена Универса Мультиверсом, поддерживается, в том числе, установкой на идеи феноменологии об индивидуальности жизненных миров для всякого индивида.

Как ориентироваться в Мультиверсе? Человек в русле рациональной культуры не научился находить надежные ориентиры в Универсе, а оказывается, что он странник в Мультиверсе, не знающий сам в какой части он находится.

Пребывание в междумирье объективной и субъективной реальности проявляют себя как признаки существования индивида в XXI в.

В значительной мере означенные проблемы обусловлены ориентациями интеллекта на подачу информации и знаний в формах аудиализаций и линейаризованного письма, что и продолжает тиражироваться на всех уровнях образования.

Эпоха Гуттенберга окончилась. Совершился визуальный поворот в восприятиях информации и знаний. Визуализации в подаче любых материалов оказываются не только педагогическими инструментами, но и представляют собой также способы для согласования миров индивидов в себе и вне себя.

Особое место в ключе изложенных соображений занимает понятие когнитивных визуализаций (КВ). КВ есть изображения (пиктограммы, схемы, чертежи ...), концентрирующие в себе знание об устройстве предмета, о плане деятельности.

КВ представляют собой средства для переходов от линейаризаций мысли, речи, письма к гипертекстовым способам передачи знаний. КВ активно участвуют в диалоге миров.

КВ есть универсальный язык, позволяющий согласовывать реальности разного типа.

КВ являются гипертекстовыми инструментами с большими разрешающими способностями в сравнении с линейаризованными текстами за счет разнообразных композиций категорий.

КВ позволяют взаимодействовать с мультиверсом инструментами полисценарности, актуализируя, например, вопросы альтернативных историй.

Когнитивные визуализации тесно связаны с интеллектуальными схемотехниками.

Интеллектуальные схемотехники есть разновидность когнитивных визуализаций, реализующих разработки по категориально-системной методологии, теории динамических информационных систем.

С представленными в настоящем материале идеями и разработками, включая публикации, можно познакомиться подробнее, если обратиться проекту: Методологическая школа профессора Разумова (<http://razumovschool.ru/>), а также к серии видеолекций.

Литература

1. *Разумов В.И.* Методология научных исследований. Видеолекция. URL: https://www.youtube.com/watch?v=tbUcqq_zONE (дата обращения: 12.06.2017).
2. *Разумов В.И.* Новые интеллектуальные технологии – ответ на вызовы XXI в. Видеолекция. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=jyASqwFoAsQ&app=desktop> (дата обращения: 12.06.2017).
3. *Боуш Г.Д.* Введение к диссертации как инструмент разработки программы исследования и упорядочения результатов. Видеолекция. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ISBRtWuXXxY&feature=em-upload_owner (дата обращения: 12.06.2017).
4. *Разумов В.И.* Методология междисциплинарных исследований. Видеолекция. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IXJj2bW86wU> (дата обращения: 12.06.2017).
5. *Разумов В.И.* Методы определения понятий. Видеолекция. URL: <https://youtu.be/Cty8wQtiUpI> (дата обращения: 12.06.2017).

Павел Леонидович Зайцев
декан социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: zaitsevpl@rambler.ru

ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ ПОСТСЕКУЛЯРИЗМА: ИСПОВЕДУЮЩИЕСЯ НА ТОК-ШОУ. МИШЕЛЬ ФУКО И ДИАНА ШУРЫГИНА*

Аннотация. В статье обращается внимание на феномен «исповедальных ток-шоу». Необходимость в изучении исповедальных техник, заимствованных российским телевидением из западных аналогов объясняется всеобщим характером современной медиа-сферы. Частный интерес религиоведа здесь может быть интересен гуманитаристике в целом. Эволюция общества потребления в общество потребления впечатлений рождает все более рафинированные формы саморепрезентации «я», вызывая аналогии из позднего средневековья.

Ключевые слова: М. Фуко; Д. Шурыгина; исповедь; исповедальное ток-шоу; медиа-среда.

Pavel Zaitsev
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

LIFE WORLDS OF POST-SECULARISM: CONFESSORS ON TALK SHOWS. MICHEL FOUCAULT AND DIANA SHURYGINA

Abstract. The article draws attention to the phenomenon of «confessional talk shows». The need to study confessional techniques borrowed by Russian television from Western analogues is due to the general nature of the modern media sphere. The private interest of a religious scholar here may be of interest to humanities in general. The evolution of the consumer society into the society of consumption of impressions gives rise to increasingly refined forms of self-representation of self, evoking analogies from the late Middle Ages.

Keywords: Michel Foucault; Diana Shurygina; confession; Confessional talk show; Media environment.

Определенный перелом в осмыслении идентификационных стратегий современности связан с Ю. Хабермасом выступившим в октябре 2001 года с речью «Вера и знание» при вручении ему ежегодной Премии Мира немецких книгоиздателей. В ней немецкий философ обозначил основные черты формирующегося на осколках модерна постсекулярного мира. Идея постсекулярной коммуникации следует из логики разрабатываемой Ю. Хабермасом во второй период его творчества (с 80-х годов XX века) теории коммуникативного действия. Модерн стал временем разделения и дифференциации просвещенческой идеи о простоте естественного разума. На необратимость этого процесса указывает С.Н. Оводова, рассматривая эволюцию европейских представлений о разумности культуры: культура воспринималась разумной ровно столько, сколько существовал культ разума [2, с. 67]. Смеем предположить, что сегодня идея разумности культуры и происходящих в ней процессов найдет немного сторонников. И не потому, что культура вдруг стала неразумной, а потому что представления о разуме стали дифференцированы. Ключевыми модусами современной, дифференцированной рациональности следует считать «систему» или «**системный мир**», состоящий из анонимных и формализованных отношений. Мир системы не возникает ниоткуда, а является следствием рационализации «жизненного мира». В нем существуют наши социальные и межличностные отношения, строящиеся на коммуникативных и языковых связях. Если формальное, инструментальное взаимодействие с миром системы ориентировано на достижение

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Омской области, проект № 17-13-55002, номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта: АААА-А17-117041310093-8.

результата, то коммуникативное взаимодействие ориентировано на взаимопонимание. Проблема кризиса модерна – размыкание этих миров, в результате которого индивиду не удается без потерь для себя переключать режимы рациональности и соответственно себя вести. Следует согласиться с В.И. Разумовым, считающим, что «Одним из достижений НТП выступает расширение возможностей для развертывания культуры и совершенствования внутреннего мира человека. Вместе с тем, оказывается, что большинство людей не самодостаточноны в своем внутреннем мире» [3, с. 182].

Сциентизм и фундаментализм лишь малые локусы секулярного и религиозного мира, граница между ними неявна, а при детальном рассмотрении между мирами давно налажен трансферт смыслов. То в секулярном мире вдруг распространяются способы коммуникации ему не свойственные, то в религиозном тоже, они материализуются. В храмах действуют не только воскресные школы, но театральные студии, детские клубы и книжные лавки. Зайдя в 2ГИС по одному к тому же адресу можно обнаружить храм, некоммерческую организацию и гуманитарный фонд. В мегамоллах появляются не только кинотеатры, но и культурные площадки. Как «Дом Культуры» в МEGE. «Вы сможете провести свое мероприятие или же присоединиться к насыщенной программе лекций и мастер-классов, а также увлекательных представлений и различных интерактивов. Кроме того, в МEGE Дом Культуры работает зона буккроссинга. Приносите старые книги и меняйте их на те, что еще не прочитаны», – гласит информация с сайта проекта [1]. В день проведения нашей конференции, 9 июня в 17:30-19:00 лектор Игорь Сулов в рамках проекта Астрология выбора прочтет лекцию «Родилась красивой, хочу быть счастливой!». По субботам в этом же пространстве проходит научный лекторий «Вольнослушатель» научного журналиста Рената Атаева, моего бывшего студента биолога, философа и аспиранта. Образец диалога жизненных миров. Теперь перейдем к институту исповеди. В той или иной форме она присуща всем аврамическим религиям, но наиболее рафинированные формы принимает, конечно, в христианстве (до разрушения Храма, например, иудеи не знали личной исповеди, первосвященник исповедовался раз в год, в день искупления, за весь народ и перед всем народом).

Мишель Фуко видел в институте исповеди смысловой центр всего современного общества, производящий отношения между эмоциями, отношениями и опытом. В «Воле к истине» Фуко пишет о институте исповеди, его становлении... отмечает многие нюансы, рассматривает средневековые руководства... и сам процесс как человек становится «исповедальным животным». Основные вехи этого процесса: IV Латеранский собор 1215 года, когда исповедь стала обязательной для всех взрослых прихожан; Собор в Тулузе 1229 года объявивший всех жителей Лангедока в целях борьбы с ересью альбигойцев исповедоваться и причащаться трижды в год; Констанцкий собор в 1418 году подтвердивший необходимость исповедоваться перед священником; Тридентский собор 1545–1563 гг. провозгласивший таинство исповеди божественным законом и объявивший анафему всем тем, кто посмел бы отрицать данное утверждение. В целях опровержения протестантских учений М. Лютера и Ж. Кальвина было признано, что смертный грешник не может быть прощен вне тайной исповеди в присутствии священника. В итоге: «Сначала Реформация, затем Тридентский собор маркируют важную мутацию и раскол в том, что можно было бы назвать «традиционной технологией плоти». Раскол, глубина которого не должна недооцениваться; это не исключает, однако, определенного параллелизма католических и протестантских методов исповедования совести и пастырского руководства: и тут и там вместе со всякого рода ухищрениями устанавливаются способы анализа «вожделения» и его выведения в дискурс. Это была богатая и рафинированная техника, которая, начиная с XVI века, развивалась благодаря длительным теоретическим разработкам и фиксировалась в формулах, которые могли бы выступить символом для умеренного ригоризма» [4, с. 209]. Таким образом, из способа выявления отклонения от истины, исповедь становится универсальным методом нахождения истины. «Исповедь» Ж-Ж. Руссо, это уже не столько исповедь, сколько самозащита, говоря современным языком брендинг собственного «я». Важнейший фактор, запускающий исповедь – публично перенесенные страдания, унижение – исповедь Руссо, в отличие от испове-

ди Августина обращена не к Богу, а к читающей публике. Сегодня читающую публику сменила публика смотрящая, организованная медиа-средой и медиа-сообществами. Талантливая телеведущая с непростой судьбой Опра Уинфри, которую в детстве, как и Фридриха Ницше называли «маленьким пастырем» освоила жанр телеисповеди первой. Российские клише ее ток-шоу «Прямой эфир» сначала с ведущим Михаилом Зеленским, потом с Борисом Корчевниковым и «Пусть говорят» Андрея Малахова. Рейтинги этих передач идущих в лучшее эфирное время говорит о готовности современного постсекулярного общества исповедоваться и исповедовать. Если М. Фуко писал о методе покаяния разработанных святым покровителем исповедников и моралистов Альфонсо Мариа де Лигуори и правилах предложенных основателем методизма Джоном Уэсли как о образчиках скрупулезного распознавания возжеления обобщивших исповедальный опыт средневековья, то применительно к современной эпохе вершиной работы со страданием, собирания новой системы зрелищности, стирающей грань между звездой и обычным человеком представляет серия ток-шоу Андрея Малахова с Дианой Шурыгиной. На этих передачах, не только сама Диана, но и медиа-аудитория следящая за ее судьбой прошли целую школу распознавания и выделения греха. Из инстанции требующей исповеди ведущий становится соисповедающимся в выявленном коллективном грехе. Этот грех выводится на всеобщее обозрение, каждый получает возможность его прочувствовать. Эффект исповеди обычной девушки, признающей в своих ошибках, неумело защищающей себя от приглашенных профессиональных «исповедников» распространился на публику заполнившую сеть личными историями распознанных перенесенных страданий. Марафон исповедей не остановить. Секулярное общество не только готово чувствовать, но и обмениваться чувствами, самыми потаенными, готово исповедоваться.

Литература

1. МЕГА Дом Культуры. URL: <https://mega.ru/omsk/service/5992/> (дата обращения: 08.05.2017).
2. *Оводова С.Н.* Антропокультурная реальность: от парадокса к проекту: монография / С.Н. Оводова. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. 190 с.
3. *Разумов В.И.* Номологический статус общества: динамика культуры и внутреннего мира человека // Вопросы социальной теории. 2017. Т. IX. С. 176–183.
4. *Фуко М.* Воля к знанию. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/05.php (дата обращения: 08.05.2017).

Павел Валерьевич Ополев
доцент кафедры философии,
Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ),
Россия, г. Омск.
E-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru

СЛОЖНОСТЬ КАК ИНВАРИАНТНАЯ СТРУКТУРА ЖИЗНЕННОГО МИРА

Аннотация. Идея концептуализации переживания человеком своего бытия запечатлена в понятии «жизненный мир». В работе рассмотрено понятие «сложность» как априорная характеристика допредикативного опыта человека. Сложность рассматривается как инвариант жизненного мира, позволяющий связывать конкретно-индивидуальный опыт отдельного человека и социально-историческую практику всего человечества.

Ключевые слова: жизненный мир; инвариант; простота; сложность.

Pavel Opolev
Siberian State Automobile and Highway University (SibADI),
Russian Federation, Omsk

COMPLEXITY AS AN INVARIANT STRUCTURE LIFE WORLD

Abstract. The idea of conceptualizing the experiences of man's existence is embodied in the concept of «life-world». The paper discusses the concept of «complexity» as an a priori feature depreciating of human experience. The complexity is considered as an invariant of the life-world, allowing you to bind specific-individual experience of the individual and socio-historical practice of all mankind.

Keywords: life-world; invariant; simplicity; complexity.

Чем бы человек ни занимался, его деятельность оказывается связанной с упрощением или усложнением. Подумать о чем-то, значит, в какой-то мере упростить мыслимое, обеднить многообразие его проявлений, удалить поле случайных связей, отношений и т. д. Любое рациональное познание в таком случае оказывается лишь упрощенным «осадком» действительности. Вместе с тем отчуждение от вещи, ее качеств онтологически усложняет действительность посредством расщепления вещи в сознании на ее бытие и множественные атрибуты.

Читая стихотворение, мы неизбежно обнаруживаем, что каждое последующее слово, с одной стороны, изменяет смысл предыдущего, а, с другой стороны, предвосхищает последующее слово, оказывая существенное воздействие на конечный смысл. Аналогия со стихотворением вполне применима как к познавательному процессу, так и к человеческой жизни в целом. Каждая последующая мысль, оказывает воздействие на конечный результат познания. Конечный результат познания изменяет наше представление о той простой мысли, через призму которой мы могли прийти к ее развернутой, сложной интерпретации.

Сложность характеризует не только системы объектов, но выражает сложность нашего сознания, многообразие переживаний человеком действительности. Одна из особенностей изучаемого феномена состоит в том, что она – сложность, не мыслится как самостоятельно существующий объект. Сложность видится то в минимально необходимом уровне знаний, то в самих элементах, составляющих сложный объект, то в постоянно ускользающей от сознания взаимосвязи между элементами, то в недостатке информации об объекте, а то и вовсе в оценке человеческой деятельности. Так, познавательная деятельность рассматривается как сложная, если познание осуществляется в ситуации неопределенности, недостаточной информации.

Упрощение природы человека является одним из ключевых методологических приемов его познания. Философская антропология наглядно демонстрирует попытки концептуально обозначить границы человеческого бытия, снять противопоставление между «сложным» многообразием человеческих проявлений и потребностью найти «простое», общезначимое

выражение его сущности. Несмотря на то, что существование человека видится богаче и содержательней его сущности, философская и научная традиции склонны выводить его природу (пускай даже на уровне метафоры) из какого-то единого основания.

Человек не обладает своим бытием, он всякий раз вынужден его переживать. Идея концептуализации переживания человеком своего бытия запечатлена в понятии «жизненный мир», которое призвано обозначить допредикативный опыт человека, мир непосредственных переживаний и интуитивно схватываемых образов. Жизненный мир обладает рядом априорных структурных характеристик, которые позволяют нам утверждать единство не только нашего опыта, но и обнаруживать сопричастность культурно-историческому опыту всего человечества.

Опуская историографические подробности описания понятия «жизненный мир» и его инвариантов, отметим, что среди них отсутствует такое понятие как «сложность». Мы полагаем, что любой опыт есть знакомство с многообразием (действительности и собственных переживаний), а, значит, и с объективной сложностью. Субъективная сложность связана с необходимостью ориентации в пространстве собственного опыта. Простое и понятное слабо запечатлевается в нашем сознании. Повседневное, раз за разом повторяющееся событие или действие плохо запечатлевается в нашей памяти. Столкновение же с разнообразными формами проявления сложности – объективного многообразия и его субъективной оценки способствует разнообразию нашего опыта. Индивидуальный опыт сложности оказывается приобщением к теоретической сложности, снятой в культурно-историческом опыте.

Первый внетеоретический отклик человеческого мышления на сложность окружающего бытия мы обнаруживаем в рамках сознания, называемого «первобытным». Переживание сложности предшествует сознательному принятию индивидом каких-либо теоретических установок. Так, первобытное сознание «раздваивает», усложняет действительность через переживание в вещах «иногое». Это «иногое», с одной стороны, имеет объективное основание, а с другой – существует идеально. «Иное» не представляет собой теоретический концепт, вместе с тем оно психологически и онтологически усложняет бытие человека, требует от человека учитывать то, что выходит за границы его непосредственного восприятия. К примеру, в верованиях народов Полинезии такого рода «иногое» представлено в виде «мана» – сверхъестественной силы, незримо присущей всему окружающему. Мы согласны с А. Валлоном, что обращение к «невидимому» является существенным условием для работы интеллекта, поскольку формируются способы реагирования на обстоятельства, отличающиеся от непосредственного сенсомоторного действия [1, с. 111–112]. Интересно, что в этом случае опыт сложности первобытного сознания обнаруживает свое единство с опытом сложности современного ученого. Ученый не видит атомы, но он предполагает их существование, что определяет характер его опыта и последующих теоретических выводов. Первобытное сознание также исходило из присутствия некоего невидимого всеобъемлющего дополнительного качества («мана», «прана», «ци» и т. д.).

Сложность является одним из системообразующих инвариантов жизненного мира человека, позволяющих связывать конкретно-индивидуальный опыт и социально-историческую практику человечества. Всякий коллективный или же индивидуальный опыт представляют собой опыт обнаружения и преодоления сложного. Сложность – это понятие, выражающее единство нашего опыта. На уровне мировоззрения человеческое «Я» выделяет себя из мира и одновременно определяет свое место в нем. Человек обнаруживает свое собственное сознание, как единство которое тем не менее представлено множеством одновременных переживаний. Статус в социальных сетях «все сложно» отражает не только объективное положение вещей, но и его субъективное переживание.

Сложность определенным образом выражает логику развития человеческого познания: от вещного многообразия – к теоретическому единству нашего знания и от единства обнаруженных законов – к многообразию их проявлений в действительности. Содержательное многообразие философских и научных систем отражает аспекты процесса гносеологического упрощения с целью охватить онтологическую сложность и многообразие. Представления о

сложности как теоретической конструкции укоренены в сложности как допредикативной структуре нашего опыта.

Сложность обнаруживается как инвариант жизненного мира человека, что позволяет нам обнаруживать многообразие и дифференцировать свой собственный опыт, учитывать «нечто», выходящее за границы непосредственного переживания действительности и онтологически ее усложняющего. Подобного рода опыт лежит в основе способности абстрагирования, идеализации и рефлексии. Опыт сложности всякий раз упорядочивает жизненный мир, заставляя переосмысливать границы и внутреннее содержание человеческого «мезокосма».

Литература

1. *Валлон А.* От действия к мысли. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 238 с.

Сергей Борисович Куликов
декан факультета общеуниверситетских дисциплин,
Томский государственный педагогический университет,
Россия, г. Томск,
E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛА ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ И ЕЕ ГРАНИЦЫ

Аннотация. В статье представлены варианты применения феноменологического подхода к истолкованию визуальных образов в политической сфере: жесты, позы, мимические реакции. Автор показал возможности учесть сильные стороны современных форм феноменологии, а также линии исследований, восходящей к Г. Гегелю и Э. Кассиреру.

Ключевые слова: феноменология; визуализация; искусство; миф; культура; наука; история.

Sergey Kulikov
Tomsk State Pedagogical University,
Russian Federation, Tomsk

PHENOMENOLOGICAL RECONSTRUCTION OF MEANING OF VISUAL IMAGES IN THE POLITICAL SPHERE AND ITS LIMITS

Abstract. Article has presented options of application of phenomenological approach to interpretation of visual images in the political sphere, namely, gesticulations of political leaders, their poses, and mimics reactions. The author has shown the possibilities of researches that allow considering strengths of the traditional phenomenology, which is going back to works made by G. Hegel and E. Cassirer.

Keywords: phenomenology; visualization; art; myth; culture; science; history.

Применение феноменологического подхода, в основе которого лежат разработки Э. Гуссерля, позволяет получить нетривиальные результаты в плане анализа визуальных образов в политической сфере. При этом обращение к феноменологии в целом имеет следующую мотивацию:

Феноменология является одним из наиболее влиятельных направлений в современной континентальной философии, что и отражает обширный список новейших публикаций [4–7; 9]. Сугубо же исторически (причины обращения к данному аспекту станут понятны чуть позже) феноменология как область философского знания получила свое начало в XVIII веке в школе, основоположником которой выступил Х. Вольф. Позднее Г. Гегель разрабатывал эту область, хотя данное утверждение и не означает, что он развивал воззрения самого Х. Вольфа. Э. Кассирер придал завершенные формы традиционной феноменологии, позволяющие выразить окружающий мир в совокупности символов, которые и составляют природу человека [2–3].

Традиционная феноменология отличается от линии исследований, основоположником которой был Э. Гуссерль (а в плане разработки идеи интенциональности – Франц Brentano). Традиционная феноменология мыслилась философской дисциплиной, ориентированной на поиск упорядочивающих умозрительных (духовных) принципов, лежащих за хаотичными формами эмпирической действительности. Описание духовных явлений, воплощенных в материальном бытии, должно было дать исходный материал, который в дальнейшем осмысливался и систематизировался в свете общих принципов, в особенности принципа самосознания у Г. Гегеля.

В линии феноменологических исследований, восходящей к Э. Гуссерлю, признается необходимость разработки особого подхода, основанного на понимании неаподектичности

любых допущений об исследуемых предметах и попытках понять смысл этих предметов, исходя из горизонтов познающего сознания. Современная феноменология – это по большей части метод получения знания, который ориентирован на работу с сознанием и способами данности предметов сознанию. Феноменологический метод предполагает понимание вещей как они есть сами по себе до того, как кто-либо уяснил их смысл. Данный метод исходно включал три процедуры: редукцию как результат воздержания от суждений (или «эпохе»), эйдетическое усмотрение сущности, реконструкцию. Выразиться все это могло в виде попыток прояснить данность предметов в поле познавательных способностей (из этого выросла феноменология восприятия М. Мерло-Понти), либо же в рамках текста (отсюда берет свое начало герменевтика Г.-Г. Гадамера).

В то же время особый исследовательский интерес представляет применение феноменологической реконструкции к изучению такого класса объектов, как визуальные образы. Визуальная культура захватывает все новые территории [1], и есть основания полагать, что процедуры визуализации проникают даже в такую область, как сфера абстрактного мышления. Современный человек все более мыслит образами (т.е. не «видит» действительность сквозь призму образов, а именно «мыслит» действительность в качестве более или менее связной картины впечатлений о ней). В связи с этим философия должна во многом менять познавательные стратегии в подходах к описанию актов мышления в современном мире.

Феноменологическая реконструкция позволяет выявить способы смысловой нагруженности визуальных образов в политической сфере. С данных позиций образы политических лидеров могут получить свое нетривиальное прочтение. Для аргументации данного утверждения достаточно затронуть три образа: сложивший на груди руки крестом и слегка откинувшийся назад Наполеон; курящий трубку Сталин; поджавший губы и выпятивший вперед подбородок Муссолини. Первый образ отображает властную жестикуляцию политического лидера; второй указывает на загадочность и отстраненность, а потому пугающую таинственность; третий показывает мимическое доминирование над окружающими. Поразительно, но эти образы могут быть поняты как способы олицетворения власти и вне связи с представлением о конкретной роли упомянутых личностей в истории. Необязательно даже знание имен и социальных положений. И вот почему.

Первый образ, редуцированный к застыванию тела в неестественном, но напряженном состоянии, позволяет зафиксировать как минимум самую такую напряженность. Даже если не апеллировать к психологическим источникам и не считать жестикуляцию Наполеона выражением комплекса неполноценности, остается оправданным интуитивное понимание того, что перед нами волевой человек, способный отдавать распоряжения другим людям или хотя бы старающийся таким казаться. Аналогично, трубка Сталина (равно как и «трубка Шерлока Холмса») показывает нам личность задумчивую, слегка отстраненную от окружающих и потому неординарную, возможно, даже с налетом мистики и гениальности. Неординарные люди необязательно пугают окружающих, но они точно вселяют в них момент неуверенности и потому готовности к подчинению. Мимика Муссолини показывает ощущение степени превосходства, которое испытывает носитель такой мимики; проясняется внутренняя готовность отдавать приказы и не терпеть ослушания.

Довольно сложно в кратком сообщении полностью раскрыть возможности феноменологического подхода к анализу визуальных образов в политической сфере. Например, можно было бы указать на перспективы реконструкции сочетания смыслов реального влияния и формального отсутствия власти в образе шляпки, которую в различных ситуациях надевала королева Великобритании Елизавета II. В дальнейшем потребуются расширение круга изучаемых объектов, совершенствование методологического арсенала средств, критика родственных точек зрения. Но один существенный момент важно отметить уже и в контексте данного исследования.

Перечисленные выше характеристики позволяют эксплицировать суть властных отношений, оставляя за кадром то, что такая экспликация достигнута путем анализа артефактов: живописных изображений, фрагментов фото- и кинохроники. Статус артефакта, однако,

сближает эти образы с характеристиками культурного символа. Вполне оправданным становится обращение к наработкам Э. Кассирера, понимавшего связи и отношения между людьми как мир символических форм. Сюда входят миф, религия, искусство, наука, история. Поскольку же корни исследований Э. Кассирера восходят к трудам Г. Гегеля, то одним из позитивных результатов представленного исследования совпадает с необходимостью возврата к гегелевским представлениям о феноменологии. Также актуализируется поиск смежных областей знания, которые заполнили бы пробелы между традиционным пониманием феноменологии и современными ее видами, например, в трудах А. Шюца [8].

Литература

1. *Пирогов С.В.* Горизонты исследований визуального // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 4 (24). С. 124–131.
2. *Cassirer E.* An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture. N. Y.; Garden City: Doubleday & Company, Inc., 1957. 294 p.
3. *Cassirer E.* The Philosophy of Symbolic Forms Vol. 3: The Phenomenology of Knowledge. New Haven and London: Yale University Press, 1957. 534 p.
4. *Endress M., Psathas G., Nasu H.* (eds.) Explorations of the Life-world. Continuing Dialogues with Alfred Schutz. Berlin: Springer, 2005. 395 p.
5. *Foti V.M., Kontos P.* (eds.) Phenomenology and the Primacy of the Political. Essays in Honor of Jacques Taminiaux. Berlin: Springer, 2017. 262 p.
6. *Jung H.Y., Embree L.* (eds.) Political Phenomenology. Essays in Memory of Petee Jung. Berlin: Springer. 444 p.
7. *Madison G.B.* The Politics of Postmodernity. Essays in Applied Hermeneutics. Dordrecht / Boston / London: Kluwer Academic Publishers, 2001. 298 p.
8. *Schutz A.* Collected Papers. Volume 1. The Problem of Social Reality. The Hague / Boston / London: Martinus Nijhoff, 1962. 452 p.
9. *Thompson K., Embree L.* (eds.) Phenomenology of the Political. Dordrecht / Boston / London: Kluwer Academic Publishers, 2000. 209 p.

Михаил Васильевич Колесник

магистрант социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.

E-mail: kolesnikbox12@gmail.com

ФОРМЫ СИМВОЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье представлена идея о том, что актуальная социальная реальность наполнена симулякрами капитала, символизирующими ценности глобального рынка современности в виде тех или иных вариантов экономик-симуляций. Результаты классификации форм символизации получены посредством категориально-системной методологии (КСМ, Разумов В.И., 2004).

Ключевые слова: современность; финансовая сфера; капитал; симулякр; формы символизации; категориально-системная методология; симуляция; экономика; дизруптивность; децентрализация; инкрементальный; централизованны; экономика финансов; экономика трансформаций; экономика впечатлений; экономика пропаганды.

Michael Kolesnik

Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

FORMS OF SYMBOLIZATION OF THE FINANCIAL SPHERE IN THE CONTEXT OF THE PRESENT

Abstract. The idea that the urgent social reality is filled with the capital simulacra symbolizing values of the global market of the present in the form of these or those options of economies simulations is presented in article. Results of classification of forms of symbolization are received by means of categorial and system methodology (KSM, Razumov V. I., 2004).

Keywords: present; financial sphere; capital; simulacrum; symbolization forms; categorial and system methodology; simulation; economy; dizruptivnost; detsentralization; incremental; are centralized; economy of finance; economy of transformations; economy of impressions; promotion economy.

Говоря о символизации финансовой сферы и ее возможных формах посредством симуляции, мы помним о том, что капитализм, создав предельно рационализированное производство, столкнулся с проблемой перепроизводства, что в конечном итоге привело к перенакоплению капитала в области реального сектора экономики и ограничению возможностей прибыли.

Как считают В.В. Николин и Д.М. Федяев, капитализм нашел принципиально иные пути, открывающие несравненно большие возможности для расширения производства. Для этого капитализму необходимо было совершить три осознанных шага [6].

Первый шаг связан с превращением всей массы наемных работников в полноценных потребителей продукции; *второй шаг* – это всемирное форсирование потребностей, так как капитализм через повышение норм бытового комфорта, стремился создать в нем и потребность и тем самым стимулировать покупателя; *третий шаг*, капитализм превращает предмет потребления в символ [Там же]. Таким образом, в условиях рыночного капитализма человек одновременно овеществляет и потребляет символы в процессе производства, а современный капитал контролирует разработку символов, которыми являются товары-симулякры, и держит в руках их производство, извлекая прибыль и снимая проблему перепроизводства или перенакопления.

Согласно Ж.Ф. Лиотару, «нам надлежит не поставлять реальность, но изобретать намеки на то мыслимое, которое не может быть представлено. И решение этой задачи не дает повода ожидать ни малейшего примирения между различными «языковыми играми», создающими симулякры, симулякры симулякров и т.д.» [4]. Взяв эту мысль за отправную точку дальней-

шего дискурса, мы попробуем визуализировать в тексте основную проблему заявленной темы. Выйдя за рамки уже привычной в историко-философской классификации симулякров при условном делении их на репрезентативные и нерепрезентативные (от античности в лице Демокрита, Эпикура, Лукреция и Платона и до постмодерна в лице Ж. Батая, П. Клоссовски, Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра), рассмотрим симулякры капитала в контексте символизации финансовой сферы относительно «рынка симулякров» [2].

Чтобы определить какие возможные варианты современных форм символизации финансовой деятельности могут существовать, мы будем использовать одну из схемотехник категориально-системной методологии (КСМ), разработанной В.И. Разумовым. Данная категориальная схема называется «крестообразная». Эта схема предполагает проработку пары противоречий в рамках исследуемой системы. Противоречия между объектами сопоставляются с длинными отрезками символа, а противоречия внутри объектов – с короткими. Точке пересечения отрезков соответствует третий или средний компонент противоречия, выражающий состояние компенсации. Компонент, занимающий центральную позицию, опосредствует взаимодействия крайних компонентов и управляет их динамикой. Затем внутри каждого компонента уже имеющихся противоречий осуществляется выделение внутренних противоречий [8].

Классифицировать варианты формы символизации финансовой деятельности мы будем через проработку пар противоречий между типами симулякров: «централизованный» – «децентрализованный»; «инкрементальный» и «дизруптивный» (см. рис.).

Формы символизации финансовой деятельности в социальной реальности современности

«Централизованный» симулякр – возникает как совокупность образов и знаков, символизирующих властное начало капитала, ему свойственно вертикальное влияние по типу «сверху вниз», закрытая элитарная ритуальность, директивный характер самопроявлений, авторитарный дух, доминирование за счет силы или хитрости, цинизм как инструмент конкурентоспособности, стремление побеждать любой ценой. Ценности, которые симулируются посредством это симулякра капитала и обеспечивают его внутреннюю динамику, это – «Власть» и «Влияние».

Прямой оппозицией «централизованного» симулякра – является «децентрализованный» симулякр капитала. Он представлен через такие характеристики как интерактивность, мо-

бильность, гибкость, толерантность и многополярность коммуникации, индивидуальная этика и миссия, личная и социальная ответственность, ориентация на партнерские отношения и креативность в совокупности со стремлением к созданию новых знаний и построению «умных» экосистем. Другая сторона этого обозначающего образа в том, что в внутри данного симулякра идет внутренний конфликт между личной автономией и коллективным существованием, который может возникать при присутствии единых ценностей и целей, но при наличии непрерывной симуляции желаний, что обостряется в моменты влияния симулякров централизации в гиперреальности рыночного капитализма. Ценности этого симулякра – *«Доверие»* и *«Независимость»*.

Другая пара у нас представлена, симулякрами капитала, которые мы обозначали как «дизруптивный» и «инкрементальный».

«Дизруптивные» означает (от лат. disruptu, то есть «разрывающие»). В биологии дизруптивный отбор одна из форм естественного отбора, благоприятствующая двум или нескольким направлениям изменчивости (классам фенотипов), но не благоприятствующая среднему (промежуточному) состоянию признака (фенотипа) [3]. Интересно, что термин «дизруптивный» в значении взрывной, например, «взрывная технология» применяется не только в биологии, но и в технологической инноватике и футурологии. В современности технологические инновации бывают «прорывными, качественно меняющими нашу жизнь, и подрывными или дизруптивными (от английского слова «disruptive»), меняющими соотношение ценностей на рынке и делающими некоторые технологии устаревшими и неконкурентоспособными» [7].

Дизруптивные симулякры капитала обладают следующими характеристиками: с одной стороны тенденции создания новых инновационных форм бытия культуры, новой картины мира путем квантового скачка, новых ценностей путем революционных изменений. С другой стороны это всегда отрицание целостности, ее разрыв, стремление к экстремальным культурным практикам или неморальным нормам поляризации ценностей, а самое главное, крайне отрицательное отношение к любым усредненным формам. Ценности в основе этого типа симулякра – это *«Инновация»* и *«Риск»*.

И четвертый тип, это инкрементальный симулякр капитала находящийся в противоречии с дизруптивной симуляцией капитала.

«Инкрементальный» означает пошаговый, задаваемый приращениями, поэтапный (напр. о внедрении технических средств), приростной, постепенно нарастающий. Также «инкрементальный» в значении «поступательный» можно попробовать интерпретировать как «эволюционирующий». Но здесь же возникают такие смысловые характеристики как «зависимость», «бесконфликтность», «конформизм», говорящие о стремлении к безопасности. Поэтому ценности внутри «инкрементального» симулякра капитала мы обозначим как *«Стабильность»* и *«Безопасность»*.

На базе сопоставления внешних противоречий между симулякрами капитала и внутренними противоречиями, между ценностями внутри них, а также в их пересечении, столкновении и даже интеграции, что создает отчасти эмерджентный эффект, нами были зафиксированы и представлены формы символизации финансовой деятельности в виде 4 квадрантов, которые мы условно обозначили как специфические варианты экономик-симуляций.

I – *Экономика финансов*. Централизованные и дизруптивные симулякры, пересекаясь между собой, активно запускают процессы симуляций в области «символического» воспроизводства финансового сектора. Это выражается «в создании симулякров, создаваемых процессом финансиализации в сфере виртуального фиктивного капитала («начинка» искусственно «надутых» финансовых пузырей – деривативы и другие финансовые производные), ставшего столь значимым в условиях современного «казино-капитализма» [1].

II – *Экономика трансформаций*. Сочетание децентрализованных и дизруптивных симулякров создает ситуацию, в которой возникают независимые от крупного корпоративного капитала автономные рыночные и креативные платформы, участники которых уже не признают логику «экономики финансов» капитализма XX века. На этом этапе меняются ценно-

сти, а значит меняются и потребности, и в этом состоянии финансовой системы симуляция имеет не разрушительное, а, наоборот, созидательное свойство. Это связано с тем, что экономика трансформаций реализуется в онлайн среде Интернета с учетом всех социальных и коммуникативных технологий современности. Здесь уместно говорить об реализации идей экономики совместного потребления, экономики по требованию, посткапитализма [5] с его внутренними идейными тенденциями от криптоанархизма до криптокапитализма. Экономика трансформации ориентирована уже не на развитие и стимуляцию потребностей у личности, а, наоборот, на саму личность и ее экологичное ментальное развитие. Развития самой экономики трансформации строится на доверии, заботе и взаимной ответственности, а деструктивные инновационные технологии, создавая ситуацию переоценки ценностей, направлены на создание современной экосистемы в рамках 4 промышленной революции XXI века [9].

III – *Экономика впечатлений*. Это еще одна область симуляции, которая символизирует создание симулякров капитала посредством практики airtelling – «продажи воздуха». Примерами здесь могут быть фетишизация монетизации сознания, продажа и обучение в сетевом инфобизнесе, монетизация через создание тематического видеоконтента в хостинге YOUTUBE или приложении Instagram, сетевой маркетинг и построение финансовых онлайн пирамид, активная практика SMM (Social Media Marketing), направленная на заработок в Интернете.

IV – *Экономика пропаганды*. Этот вариант симуляции связан с внедрением потока знаков и символов в контексте пропаганды официальной идеологии, политического маркетинга и конъюнктуры, рекламы транснациональных корпораций, «федерализацией» Интернета и активной цензурой в нем.

Таким образом, мы можем предположить, что социальная реальность нашей эпохи наполнена симулякрами капитала, символизирующими ценности глобального рынка современности в виде тех или иных вариантов экономик-симуляций.

Формы символизации финансовой деятельности в контексте современности представлены совокупностью символических ценностей, которые воспроизводятся посредством симулякров и становятся основанием мировосприятия и миропонимания в условиях гиперреальности современного капитализма.

Литература

1. Бузгалин А. Колганов А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ // Вопросы экономики № 1. 2009. С. 119–131.
2. Бузгалин А. Колганов А. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // Журнальный клуб «Интелрос Альтернатив». 2012. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a2-2012/15619-rynok-simulyakrov-vzglyad-skvoz-prizmu-klassicheskoy-politicheskoy-ekonomii.html> (дата обращения: 15.06. 2017).
3. Деструктивный отбор // Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М. С. Гиляров. 2-е изд., исправл. М.: Сов. энциклопедия, 1986. С. 177.
4. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ad Marginem'93: Ежегодник лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. М.: AdMarginem, 1994. С. 322.
5. Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему / пер. с англ. А. Дунаева. М.: AdMarginem, 201. 416 с.
6. Николин В.В., Федяев Д.М. Техника в потоке истории: социальные факторы технической эволюции. Омск: Омский гос. пед. ин-т, 1992. 243 с.
7. О технологиях «disruptive» и трудной жизни футуролога. URL: <http://radiopolsha.pl/6/249/Artykul/184430> (дата обращения: 15.06. 2017).
8. Разумов В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: учебное пособие. Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. С. 156.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2017. 208 с.

Ольга Анатольевна Медведева
аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Гуманитарный Университет»,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: arcadia31@mail.ru

ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В КУЛЬТУРЕ И «УСКОЛЬЗАНИЕ» ТЕОРЕТИЧЕСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь теоретического мышления и процесса «визуализации» как эстетического отношения к действительности в историко-философском ключе. Автор опирается на концепт логики культуры, предложенный советским философом В. Библером в работе «От наукоучения к логике культуры».

Ключевые слова: теоретическое мышление; визуализация; «поворот» в культуре; «вещественность» вещи; «теоретическое» как произведение.

Olga Medvedeva
Humanitarian University,
Russian Federation, Yekaterinburg

THE VISUAL TURN IN CULTURE AND «ESCAPE» THEORETICAL

Abstract. The paper deals with the relationship between theoretical thinking and the process of «visualization» as an aesthetic attitude to reality in the historical-philosophical key. The author relies on the concept of the logic of culture proposed by the Soviet philosopher V. Bibler in «From nauku-chiya to the logic of culture»

Keywords: theoretical thinking; visualization; the «turn» in culture; «thingness» of things; «theoretical» as the creation.

Современный мир переживает поистине серьезные трансформации в способах коммуникации, в способах получения и обработки информации, в способах отношения со временем и пространством. То, что происходит с самим человеком, с его внутренним миром, миром его ценностей, возможно, понять по истечении какого-то промежутка времени. Но то, что человеческое общество переживает кардинальный перелом, это уже стало очевидным.

Подобные культурные трансформации общество переживало не раз. К ним относятся эпоха Возрождения и эпоха Просвещения, период Нового времени. Менялись парадигмы восприятия в понимании мира, говоря современным языком, менялись культурные коды.

Средневековье с его аскезой и табуированием всего телесного и чувственного породило всплеск чувственности. Ренессанс – это феноменальное явление в истории культуры. Никогда больше не было такой блистательной вспышки в сфере искусства. Скульпторы, архитекторы и художники эпохи Возрождения подарили миру бесценные произведения. Это и Сандро Боттичелли, и Тициан Вечеллио, и Мазаччо, и Микеланджело и, конечно же, Леонардо да Винчи.

Эпоха Возрождения, говоря словами советского философа и культуролога Вл. С. Библера, подготовила почву для возникновения «познающего разума». Эстетическое, «эйдетическое» отношение к действительности разорвало оковы телесности, маркеры табуирования, созданные культурой Средневековья. На «сцене» культуры родился Разум, «разум» во плоти, «разум» экспериментирующий, «разум» верящий в свои силы и свое могущество, осваивающий новые территории.

Для античного Ума понять предмет – это значит определить его границы, определить хаос через создание его эйдоса, через украшение эстетически значимого бытия. И это было равнозначно пониманию предмета в его творящейся сущности, не «сущности» как отличающей его от других предметов, а в длительности бытия существования. Не то, что в предмете

существенно, и чем он отличается от других предметов (это – лейтмотив Нового времени), но именно загадочность бытия вещей озадачивала разум античного человека. «Эйдос» как внутренняя форма, был загадкой. Быть означает быть многим и единым, единым в эстетическом образе своем.

Эпоха Возрождения, опираясь на ценности античности, создает основания для возникновения собственно теоретического мышления.

Только в Новое время разум становится разумом познания, логика – истиной гносеологии. Как пишет Вл. С. Библер в работе «От наукоучения к логике культуры»: «В первом акте познающего разума бытие вещей устраняется, выталкивается из всей вопрошающей сферы мышления. Его следует понять как стоящее вне ее теоретического интереса. Вопрос «что есть бытие? Что означает быть?» [1, с. 6–7]. И далее Вл. С. Библер уточняет, что знать о предметах в Новое время возможно только при условии их действия на человека. И по этим операционным воздействиям, мы можем предполагать или угадывать сущность предмета. Бытие при этом само по себе остается для нас недоступным, его нельзя ни познать, не помыслить, оно может быть снято только в идеи «сущности».

Таким образом, предметом разумения для античного разума является «сущее», для средних веков «присущее» и сущность становится предметом вопрошания разума Нового времени. Но теоретическое мышление Нового времени попадает в ловушку: смысл вещей и их бытие ускользает от взгляда познающего. Движение теоретической мысли к предмету познания обнаруживает его принципиальную внеположенность. Явным становится оппозиция «разума» и «предмета». В челноке движения «мысль-предмет» мысль бытийствует исключительно в рамках теоретического мышления. Только во второй половине XX века начинается обратное движение к «позитивности» предмета. М. Хайдеггер в работах «Наука и осмысление», «Вещь», «Вопрос о технике» обнажает проблематику «вещности» и «предметности», уходя от «оконечности» (Кв. Мейясу) вещи и предмета к их бытийной бытийности. М. Хайдеггер обозначает траекторию, опрокидывает взгляд в сторону того визуального поворота в культуре, который мы наблюдаем. «Все красочное, звучное, твердое, плотное, чувственный напор, постоянство и упорство – это все вещественность вещи» [7, с. 271]. И далее «сочетание вещества-формы» определяет бытие вещи-изделия. А исток сочетания вещества-формы находится в творческой сути художественного творения. «Красота есть способ, каким бытийствует истина – несокрытость» [7, с. 293]. В этом смысле работы М. Хайдеггера можно назвать «исследовательской программой», которая задала «образы будущего» на «визуализацию» как на способ бытия теоретического знания в форме визуальных образов.

«Визуализация современной культуры включает две тенденции: с одной стороны, преэминентность коммуникативных технологий, а с другой – создание новой иконичности визуального образа как некой картины мира» [3]. Визуальная реальность становится предметом интерпретаций, толкования и прочтения наряду с текстом вербальным.

Андрей Вознесенский экспериментировал в области художественной формы. Он создавал «видеомы», в которых стихи совмещались с рисунками, фотографиями, шрифтовыми композициями. Он считал, что такая визуальная поэзия соединяет зрительное восприятие с духовным. Вознесенский строил свои композиции из букв, и эти стихи лучше не читать, а рассматривать и всматриваться, пытаясь понять, какое сообщение сообщает автор читателю. Андрей Вознесенский слагает многочленные, «гусеничные» однослова, в которых конец одного слова становится началом другого: «матьматьматьма» («мать» переходит в «тьма» и обратно), «ударникударникударникуда» («ударник» чередуется с «никуда»), «шаланды шаландышаландыша – ландыша хочется!» Такие потенциально бесконечные «словословия» записывались в виде спирали или круга, где нет входа и выхода, но только переход одного слова в другое, своего рода буквенная вибрация. Произведения А. Вознесенского наполнены философским смыслом, метафорами, иносказательностью и отсылками к другим смысловым контекстам, что создает полиморфизм, многомерность и то сочетание вещества и формы, о которых говорил М. Хайдеггер.

Современный американский философ Грэм Харман в работе «Эстетика как первая философия: Левинас и нечеловеческое», говорит, что эстетика может претендовать на роль «исследовательской программы современной философии как таковой» [8]. Эстетика важна для меня, отмечает философ, потому что это та сфера, которая касается каждого в его повседневности. На место теоретическим конструкциям бытия приходят визуальные образы повседневности, насыщенные плотной тканью социальной и культурной коммуникации. Как отмечает Дроздова А.В.: «Вторжение в повседневность «потока образов» привело к парадоксальной ситуации: «не мы смотрим на образы, а образы смотрят на нас» [3]. В этой тотальности «визуального» «теоретическое» начинает ускользать. Однако, «маргинальность гносеологически ориентированного разума, обнаруженная в XX веке, вовсе не означает краха самой идеи разумения» [1, с. 9].

«Теоретическое» претерпевает трансформацию, сдвиг в сторону разума и логики культуры, в «многоместность» и множественность или, иначе говоря, актуализацию бесконечно-возможного бытия в план произведения. «Произведение» становится произведением, если оно предполагает в самом себе результат самого себя, а мысль обеспечивает случаемую событийность, так как только мысль может утверждать случай и разветвлять каждую мысль, соединяя «однажды» с «каждый раз» ради «навсегда». Но тогда это становится «идеальной игрой» Ж. Делеза – «игрой без правил, без победителей и побежденных, без ответственности, игра невинности, бег по кругу, где сноровка и случай больше не различимы [5, с. 80]. По мнению Ги Дебора, «современное общество – это “общество спектакля”, которое „не является зрелищным случайно или поверхностно – в самой своей основе оно является зрительским» [4, с. 23]. Тот бум и поток визуальности, который происходит в современном обществе вуалирует «теоретическое». Оно «ускользает» и становится потаенным. Но возможно, как на смену эпохи Возрождения пришла эпоха высокого рационализма, так и на смену эпохи «визуального» придет иной другой уровень рациональности.

Литература

1. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М.: Из-во политической литературы, 1991.
2. Библер В.С. М.М. Бахтин или поэтика культуры. (На путях к гуманитарному разуму). М., 1991.
3. Дроздова А.В. Визуальность как феномен современного общества // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». URL: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=1208> (дата обращения: 02.05. 2017).
4. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000.
5. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995.
6. Хайдеггер М. Преодоление метафизики. Европейский нигилизм // Время и бытие. 1993.
7. Хайдеггер М. Исток художественного творения. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М.: Из-во МГУ, 1987.
8. Грэм Харман. Эстетика как первая философия: Левинас и не-человеческое. URL: <http://syg.ma/@burdina-anastasia/estietika-kak-piervvaia-filosofia-lievinas-i-nie-chieloviechieskoie> (дата обращения: 02.05. 2017).
9. Электронная библиотека Института Философии РАН. URL: <http://iphras.ru/elib.htm> (дата обращения: 02.05. 2017).

Марина Витальевна Фомичева
студентка социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: Fomhom29@gmail.com

СВОБОДА «ОТ» В СТРУКТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. В статье представлен анализ свободы воли современного человека и ее зависимости от социальных, культурных и политических изменений.

Ключевые слова: свобода; воля; человек; поступки; постмодерн; ценности.

Marina Fomicheva
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

FREEDOM OF «FROM» IN THE STRUCTURE OF POSTERMODER

Abstract. The article presents an analysis of the freedom of the will of modern man and its dependence on social, cultural and political changes.

Keywords: freedom; will; man; deeds; postmodern; values.

Постмодерн отличает признание плюрализма мнений. Сложно говорить о культурной норме современной эпохи и о том, что она собой представляет. По сути ограничений нет, как и нет четкого определения понятия постмодерн. В данном случае особенно актуально изучать сущность и проявление свободной воли человека, когда она не обременена рамками. Признание за человеком права проявления своей воли возлагает на него ответственность за свои поступки, что в современном мире «культы потребления» и «машины желаний» вызывает вопросы о дальнейшем направлении культурного прогресса или наоборот регресса.

Принимая в данной статье существование свободной воли, следует сказать, что в это понятие вкладывается возможность выбора, вне зависимости от определенных обстоятельств. Термин свободной воли был создан в Античности и именно тогда, софисты впервые утверждали, что ответственность человека за свой поступок должна рассматриваться совместно с обстоятельствами конкретной ситуации. Нет шаблона, по которому можно давать оценку тому или иному проявлению воли. Действия, вынужденные природными или не зависящими от человека факторами, не могут быть в полной мере вменены человеку и могут даже заслуживать сострадания. Трудности данного отношения к проблеме свободного выбора встают, когда дело доходит до восприятия и оценивания самих обстоятельств, потому что каждая эпоха прививает человеку определенную картину мира и ценностей. Говоря о современных тенденциях можно заметить увеличение скорости жизни. Данный фактор вносит коррективы в образ человека, который становится более динамичным, коммуникабельным, умеющим подстраиваться под окружающую среду. Идеал успешного человека современности – человек, умеющий чувствовать окружающие настроения и умеющий пользоваться ими. Вместе с этим в современной повседневной практике, юридических документах и политических лозунгах все чаще делается акцент на толерантность, что меняет понятие этики в современном обществе. Мягкость и терпимость пропагандируются в массовой культуре, из-за чего границы нравственных ценностей становятся все более размытыми. Любой человеческий поступок можно оценить и как положительный и как отрицательный. Размытость моральных норм и относительность нравственной системы координат создает большие проблемы для общества и отдельного человека. Непонимание, как поступить, и как объяснить свой поступок, создает стрессовую ситуацию, из-за чего у человека по отношению к своим поступкам возникает самооправдание, что приводит к вседозволенности. Рассуждая о вседозволенности, Э. Фромм [3, с. 46–50] в своей работе назвал это свободой «от». Приставка «от» обозначает свободу от

духовных и общечеловеческих ценностей: от социума, зависимостей, оценок, социальных связей. Чаще она несет негативный характер, со временем порождая в человеке чувство ненужности, трусости, заставляя его совершать опасные поступки. Данный тип свободы не может существовать долгое время, он должен либо переродиться в следующую стадию свободу «для», либо перестать существовать полностью. Существующее сейчас потребление, как одну из форм гедонизма, несомненно, можно отнести к свободе «от» и прогнозируя его дальнейшее развитие по системе Фромма можно сказать, что нас ждет либо отказ от свободы и переход к типу рабства или фашизма, либо освоение свободы «для», причем как личной, так и общечеловеческой. Свобода «для», носит созидательный характер и требует более высокой цели и более фундаментального понимания человека. В данном случае он вынужден отвечать на вопросы о смысле жизни, о ценностях, творчестве и т.д. Истинно свободный человек, живущий по принципам свободы «для» выбирает не только поступок, но и обосновывает его, согласно своим внутренним убеждениям.

Проблема поиска свободы «для» заключается в ее нереальности. Современный человек перестает различать истинную свободу воли от ее образа. А, если точнее, как говорил Бодрийяр [1, с. 5–8], симулякров. Пытаясь найти проявление своей свободы, человек сталкивается с ее подавлением, так как не может найти ее истинную форму. Окружающее пространство становится полем для реализации своих сценариев и планов на жизнь. Когда мы выбираем цель или путь своего развития, то для его достижения мы пользуемся симулякрами, которые искажают наши истинные понятия, смыслы и желания в угоду достижения цели. Искажая свои истинные намерения и поступки, мы создаем свой новый образ, с которым постепенно сливаемся, подавляя часть своей свободной воли, которая должна направлять и координировать наши действия, заменяя ее симулякром. Все чаще человек становится управляемым, отказываясь от свободы «от», он переходит в подчинение мира материальных ценностей, потребляя и воспроизводя образы массовой культуры. Свобода становится некоторым товаром, продаваемым образом. В различных товарах массовой культуры есть очень много примеров создания видимости вариативности выбора, от посыла товара, до его ассортимента. Представление о рациональной личности, обладающей свободой воли, начинает становиться абсолютным мифом. Потребительское общество так же не оставляет человека без навязанной видимости выбора, потому что сценарное планирование становится все менее интересным. Это наглядно можно проиллюстрировать примером из различных видеоигр, в которых человек может выбирая действия персонажа, повлиять на развязку. Сценарное планирование жизни так же отходит на второй план и проявляется уже в возможности выбора, возможности совмещения и эксперимента, ключевым вопросом которого встает: «а что если?». Тем самым мы «играем» в жизнь, проверяя, насколько сильно могут изменяться ее правила и формы.

Закономерный вопрос о границах постмодерна работает и здесь. Где существуют эти рамки дозволенного, когда весь мир считает, что все вокруг это симулякр и игра? Они заключаются в личной ответственности каждого за свои поступки. Отказавшись от многих духовных ценностей, у человека остается понятие культурной нормы, которая корректирует поведение человека со свободой «от». Как писал Келле в работе «Культура и свобода» [3, с. 52–53] к культурным нормам относят не только понятия культуры, но и юридические законы, которые формируют понятие свободы, выбора и устанавливают границы воли. По его мнению, именно правовое государство обеспечивает свободу личности человека и делает возможным ее воплощение.

Несмотря на то, что постмодерн предлагает игру с культурными смыслами предшествующих эпох, а в современном обществе торжествует плюрализм мнений, тем не менее, это не отрицает возможности использовать на практике опыт и позитивные достижения прошлых поколений. Мы предполагаем, что дальнейшее развитие человеческой свободы воли, будет целиком и полностью зависеть от развития гражданского общества и понимания общей цели общества и единичной цели личности, что будет способствовать поиску и воплощению свободы «для».

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
2. *Келле В.Ж.* Культура и свобода // *Философский журнал.* 2008. № 1. С. 44–53.
3. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.

Глеб Леонидович Шихов
преподаватель кафедры иностранных языков,
Омский государственный технический университет,
Россия, г. Омск.
E-mail: shikhoffgleb@gmail.com

БОЛЬ КАК ПРОСТРАНСТВО КОММУНИКАЦИИ В РОК-КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье рассматривается создание пространства коммуникации через различные болевые аспекты рок-музыки, выявляется терапевтическое воздействие рок-концерта и его сходство с драматическим жанром и мистериальным действием.

Ключевые слова: шок; экстаз; физическая боль; душевная боль; рана; драма; театр; религия; коммуникация; татуировка.

Gleb Shikhov
Omsk State Technical University,
Russian Federation, Omsk

PAIN AS A SPACE OF COMMUNICATION IN ROCK CULTURE

Abstract. The paper focuses on creating communication space through various pain aspects of rock music. Therapeutic effects of the rock concert and its resemblance to dramatic genre and mystery actions have also been revealed.

Keywords: shock; ecstasy; physical pain; spiritual pain; wound; drama; theatre; religion; communication; tattoo.

Современный мир характеризуется многообразием культурных феноменов, при этом рок-культура, противопоставляя себя поп-культуре, выражает себя через рок-музыку, рок-атрибутику и связанным с ними специфическим отношением человека к себе и к окружающему миру.

Говоря о рок-концерте, необходимо отметить не только желание аудитории получить удовольствие от музыки и шоу, но и ощутить на себе определенный терапевтический эффект. Как метко заметил Чед Грей (Chad Gray), вокалист популярной рок-группы *Hellyeah*: *This is more than a rock concert, this is f... therapy* («Это больше, чем рок-концерт, это чертова терапия») [7]. Так болезненные переживания и не дающие покоя экзистенциальные вопросы на рок-концерте на концерте медиализируются, разрешаясь в экстатических состояниях, где преодолевается индивидуальный план бытия и открывается сверхличностное коллективное измерение.

Встречаются случаи, когда рок-музыкант обращается непосредственно к физической боли, причиняя во время выступления себе увечья. Такого рода боль оказывает сильное воздействие на публику, вызывая у нее шок. Существует даже термин «шок-рокер», описывающий подобный стиль выступления рок-музыканта.

Разрушая свое тело, музыкант высвобождает внутреннюю душевную боль, придавая ей телесное измерение и пытаясь засвидетельствовать в ране свое глубоко трагическое чувство жизни, что дополняет художественную картину музыканта. Таким образом, боль является неотъемлемым элементом обращения к зрителю: приковывая внимание зрителя, она устанавливает между ним и музыкантом особую, основанную на эмпатии, связь.

Зритель, наблюдая за актом членовредительства, эмоционально переживает боль музыканта и вовлекается в определенное драматическое действие, что позволяет сравнить рок-концерт с театральной постановкой и выявить корни этого современного феномена своеобразных обрядовых игр. На культурно-генетическую связь между театром и культовыми обрядовыми играми глубокой древности указывал историк античности Д.П. Каллистов [2, с. 31].

Рок-музыкант, используя театральные приемы, делает шоу не только динамичным и интересным для зрителя, но и концептуальным.

Боль можно рассматривать как художественный прием, использующийся для придания рок-шоу особого неподдельного драматизма. Причиняя себе боль и мужественно перенося ее, музыкант воссоздает конфликт между собой и внешней разрушающей силой, что сближает рок-шоу с классическим искусством. Так, герои Софокла стремятся преодолеть силы злого рока и действуют согласно своей воле и нравственным побуждениям, стойко вынося страдания, при этом, как отмечает В.В. Головня, атрибуты боли – крики и судорожные движения – не искажают пластичность их поз и жестов [1, с. 136]. Точно так же и выступление причиняющего себе боль рок-музыканта у публики отторжения не вызывает.

Среди жанров классического репертуара драма занимает особое место. Героическая трагедия, по словам великого актера Ю.М. Юрьева, связана с самой сущностью человека [5, с. 352-353]. Драматургия, основанную на внутреннем конфликте и страдании, в своем шоу использует и рок-музыкант. Причиняя боль себе, он символически разрушает себя, вынося себя за рамки общества и освобождая творческое начало от социальной оболочки. Маргинальное и даже антисоциальное поведение рок-музыкантов может представлять собой вызов обществу, как источнику подлинного зла. Такой взгляд на рок-музыканта позволяет рассматривать боль не просто как шокирующий элемент шоу, а как символическое умерщвление тела – части глобального социального организма. Именно в пространстве боли происходит коммуникация между музыкантом и зрителем и донесение послания, что совершенно невозможно в пространстве «легкого» представления – на концертах поп-коллективов.

Таким образом, боль создает пространство драматерапии, в которое вовлечены как и зритель, так и музыкант и особенность которого заключается в его способности избавить человека от причиняемых повседневностью дискомфорта и боли.

Как известно, рок-музыка выражает бунт человека против повседневности, что нередко достигается за счет использования религиозных смыслов и образов, в то время как современная массовая культура предлагает свой антропологический проект – человека, лишённого трансцендентного измерения и ориентированного на потребление. Рок-культура в целом – это культура бунта против конформизма и гегемонии массовой культуры. В таком разрезе бунт является «продуктивным». Можно вспомнить слова А. Камю, раскрывающего христианское мироощущение и подчеркивающего, что «в крике бунта миру был объявлен образ величайшего страдания» [4, с. 144]. Религиозный же феномен мученичества оставил глубокий след в западноевропейской культуре. На наш взгляд, рок-музыканту удастся совместить «крик бунта» с причинением себе страдания во имя идей рок-музыки, используя хорошо знакомые образы из сферы религии.

Рок-музыкант берет на себя миссию избавить мир от конформизма и утилитаризма. Так, известный своим эпатажным поведением на сцене американский рок-музыкант GG Allin, называет себя «андеграундным мессией» («underground messiah») [6]. В отличие от исцеляющего Иисуса Христа, музыкант во время концерта наносил себе и зрителям увечья, тем самым формируя единое болевое пространство, призванное «излечить» слушателя. В болевом пространстве находился и другой популярный рок-музыкант Marilyn Manson, наносивший себе во время выступления порезы. Также известны случаи, когда фанаты рок-группы вырезали ее название на своих телах, претерпевая боль и выражая свою любовь к группе через символическое принесения в жертву части своего тела. Такая модель поведения абсолютно не характерна для любителей поп-музыки, генерирующей совсем иные, исключаящие болевую реальность, смыслы.

Потребность человека в сакральном осознается рок-музыкантом, нередко использующим религиозные образы и символику и превращающим шоу в подобие сакральной мистерии. Тем самым рок-музыкант, бессознательно открывая новые религиозные смыслы, через поиск трансцендентного проявляет творчество, принимающее нередко эксцентричные и даже нездоровые формы.

Рок-музыка зачастую обращается к таким «болевым точкам» человеческого существования, как проблема страдания, смерти, депрессии, одиночества и пр., причем в некоторых экстремальных направлениях рок-музыки болевой дискурс доминирует. Так, например, в направлении depressive suicidal black metal (депрессивный суицидальный блэк-метал) подробно раскрываются аспекты душевной боли, в то время как в brutal death metal – аспекты боли физической. Музыканты depressive suicidal black metal на концертах часто прибегают к увечьям своего тела, в частности нанесению порезов кожи бритвой, что к тяжелым травмам не приводит, но производит на зрителя сильное впечатление.

Рок-музыкант, разрушая свое тело, дополняет боль душевную болью физической, тем самым усиливая свое страдание. Лишь непосредственно испытывая боль и делая ее частью своего образа, рок-музыкант может репрезентировать ее как фундаментальный план бытия.

Во время концертов тяжелой музыки аудитория также создает пространство боли, принимая участие в *слэме* и *моше*, толкая друг друга и нанося друг другу удары. Причем, такое коллективное легкое причинение боли контролируемо и не создает конфликтных ситуаций. Таким образом, *слэм* и *мош* формируют своего рода пространство невербальной коммуникации, в котором люди телесно сближаются друг с другом, становясь единой живой системой, коллективно достигая состояния экстаза под музыку выступающего рок-коллектива.

Важным атрибутом рок-культуры является татуировка. Сам процесс нанесения татуировки, достаточно длительный и болезненный, можно сравнить с ритуалом телесного обновления. Татуировка не только преображает человеческое тело внешне, она подчиняет мысли и фантазии природное измерение, превращая биологическое тело в культурное. Культурное тело со «знаком как шрамом» становится транслятором новых смыслов, о чем писал Кампер, рассматривая связь нанесения древними людьми знаков фиксации опыта с причинением боли миру [3, с. 30–33]. Предлагая человеку особую форму телесного самовыражения, татуировка позволяет ему вступать в невербальную коммуникацию с другими людьми, обрести коллективную идентичность на уровне субкультур.

Таким образом, боль в рок-культуре создает особое пространство коммуникации, в котором происходит не только информационный обмен между аудиторией и рок-музыкантами, но и достигаются новые экзистенциальные состояния и осуществляется выход за пределы повседневного опыта.

Литература

1. Головня В.В. История античного театра. М.: Искусство, 1972. 399 с.
2. Каллистов Д.П. Античный театр. Ленинград: Искусство, 1970. 175 с.
3. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 174 с.
4. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
5. Мокульский С.О. О театре. М.: Искусство, 1963. 544 с.
6. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bn4jd_Pc0T4.
7. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Zz9gs21wUxg>.

Андрей Владимирович Кузьменко
магистрант социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: kuzmenko.andrey.sgf@gmail.com

БОЛЬ И СТРАДАНИЕ В СМИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В данной статье проводится феноменологический анализ боли и страдания, их репрезентации в качестве концептов в СМИ и влияние на зрителя. Обосновывается идея медийности боли и страдания.

Ключевые слова: боль; страдание; СМИ; феномен; контент; контекст.

Andrey Kuzmenko
Dostoevsky Omsk State
University, Russian Federation,
Omsk

PAIN AND SUFFERING IN THE MEDIA: A PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. In this article, a phenomenological analysis of pain and suffering, their representation as concepts in the media and influence on the viewer is carried out. The idea of the media of pain and suffering is substantiated.

Keywords: pain; suffering; media; phenomenon; content; context.

Боль, как физиологическое явление, представляемая как некое неприятное сенсорное ощущение, давно стала объектом исследования медицины, вылившиеся в возникновение понятия ноцицепции – совокупности восприятия, передачи и обработки информации о вредных процессах. Но, если проследить историю данного понятия, можно сделать вывод, что боль никогда не рассматривалась как понятие чисто физиологическое. Множество специалистов, исследовавших данное явление, вносили в его характеристику эмоциональную составляющую. Физиолог Иван Михайлович Сеченов еще в 1878 году в своей работе «Элементы мысли» писал о том, что: «Люди с сильной волей побеждают свои ужасные, невыразимые, невыносимые мучения».

Говоря об эмоциональном переживании, следует вспомнить о довольно часто употребляющейся фразе «Душевная боль». Душевная боль, как психическое переживание, имеет полное право на существование наравне с физической болью, что доказала работа Эйзенбергера, Уильямса и Либермана, опубликованная в журнале Science 10 октября 2003 г. [11]. В этой работе было доказано, что боль от социального отторжения на приборе МРТ проявлялась идентично боли физического характера. Также, психогенная боль является неотъемлемым симптомом таких психических расстройств, как депрессия, тревожные состояния, истерические расстройства и ряд других.

Обратившись к феномену боли, мы с вами можем заметить, что ему сопутствует понятие страдания, которое следует охарактеризовать особо. Страдание, согласно словарю В. И. Даля: «чувство муки, мучение, ощущение беды, боли, скорби, тоски» [9]. Философская энциклопедия определяет страдание, как: «физическая или нравственная боль, мучение – состояние горя, страха, тревоги, тоски» [9]. Оба этих определения в целом перекликаются с иными источниками, что позволяет сделать вывод о тождественности данных понятий. Также, впоследствии мы можем увидеть, что целый ряд ученых и мыслителей, используя понятия боли и страдания исходя из контекста, дают понять, что речь идет о двух составляющих одного целого. Но следует понимать, что понятие страдание является более широким, нежели боль, подтверждение чему можно найти в «Сумме Теологии» Фомы Аквинского [1].

Задолго, до оформления психологии как самостоятельной науки, боль становилась объектом изучения философов, многие из которых на своем опыте познавали ее. Аристотель

считал физическое страдание важнейшим испытанием мужества. Эпикур, сам страдавший от мучительной болезни, призывал преодолевать страдания радостью духа и нравственной стойкостью. Христианство, в свою очередь, трактует страдание (и боль, как ее составную часть), как результат отчуждения от Бога в результате личных грехов человека, и первородного греха. Фома Аквинский пишет: «Что такое так называемая телесная боль, как не быстрое повреждение того предмета, который до порчи довела душа тем, что дурно пользовалась им» [1]. Одновременно страдание – это средство его искупления, нравственного совершенствования и спасения. Но обращаясь к церковному пониманию боли, следует отдельно отметить мотив подражания страданиям Иисуса Христа в процессе распятия, во искупление грехов человеческих.

И. Кант, написавший работу: «О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения», признавал необходимость для человека учиться управлять своими страданиями, чтобы не потерять свободу. Блез Паскаль свою болезнь понимает как вовремя полученное Божье предупреждение. В своей «Молитве об обращении болезней во благо», он обращается к Богу: «Вразуми меня, что телесные боли не что иное, как наказание и в то же время прообраз мук душевных. Но сделай, Господи, чтобы они стали лекарством против недугов душевных, чтобы в ощущаемых мною болях я видел ранее не ощущавшихся иною недуги души, хотя она очень больна и покрыта язвами» [8]. Монтень, в 14 главе своих «Опытов» пишет о физической боли: «...Она наихудший из спутников нашего существования... но ведь в нашей власти, если не устранить ее полностью, то, во всяком случае, до некоторой степени умерить терпением и, как бы ни страдало наше тело, сохранить свой разум и свою душу неколебимыми». Опираясь на многолетний опыт переживания собственной болезни, Монтень пишет следующее: «Я благодарен судьбе за то, что она так часто нападает на меня с одним и тем же оружием. Так что я, приучаюсь переносить его удары, закаляясь, приобретаю навык к сопротивлению и, во всяком случае, знаю, чего мне ожидать» [2, с. 26]. Фридрих Ницше в 225-м афоризме работы «По ту сторону добра и зла» пишет: «Воспитание страдания, великого страдания, – разве вы не знаете, что только это воспитание возвышало до сих пор человека?» [7, с. 346]. Аналогичное мнение до Ницше также было озвучено Шопенгауэром: «Человеку даже необходимо, как кораблю балласт, чтобы он устойчиво и прямо шел, во всякое время известное количество заботы, горя или нужды». Особо следует выделить экзистенциалистов, говорящих о раскрытии структуры экзистенции через страдание («страх» у Хайдеггера, «пограничные ситуации» у Ясперса) [6, с. 217]. Э. Юнгер, один из ярчайших философов модерна пишет отдельную работу «О боли», в которой анализирует проблему всеобщности страдания единичного человека, «обнаруживающего, когда его без раздумий могут принести в жертву» [3, с. 130].

В последние годы в отечественной науке формируется междисциплинарный дискурс боли и страдания. Работы, освещающие проблематику «предельных состояний» в религиозно-философском контексте принадлежат П.Л. Зайцеву [4] и Г.Л. Шихову [10]. Философско-феноменологический ракурс боли и претерпеваемых страданий дают П.Л. Зайцев [5] и А.В. Антюхина [2].

Обращаясь к вопросу присутствия феноменов боли и страдания в средствах массовой информации, нужно понимать, что основу новостного контента в основном составляет как раз демонстрация этих явлений. Каждый день мы можем наблюдать подлинные видеоматериалы с мест различных трагических событий – аварий, эпидемий, войн... С развитием электроники каждый очевидец может снимать происшествие, что в свою очередь отразилось на содержании контента, сделав его более жестким и откровенным. Первенство в негласном соревновании средств массовой информации по присутствию кровавого контента, отображающего страдания людей, принадлежит Интернету. Здесь любая новость с сообщением о, к примеру, теракте, сопровождается многочисленными фото и видеозаписями, демонстрирующими жертв и пострадавших. Может ли это свидетельствовать об отсутствии сострадания и стремление к эпатажу? Только лишь отчасти. Учитывая особенности современной культурной и информационной сферы, а также развитие коммуникационного оборудования, но-

востное пространство просто переполнено сообщениями о травмах, смертях, чрезвычайных происшествиях со всего мира. Такой переизбыток информации, особенно несущей негативную эмоциональную окраску, неизбежно порождает эмоциональную выхолощенность у всех, кто с этим сталкивается. Это можно воспринимать как форму психологической защиты от таких тяжелых последствий, как ПТСР. В клинической практике описаны случаи приобретения данного расстройства в результате просмотра репортажей с мест природных катастроф и боевых действий. Исследователи Национальной академии наук США, проанализировав 4500 граждан, следивших ежедневно более 6 часов за новостями, после теракта на Бостонском марафоне, в результате которого погибли 3 человека, а 260 были ранены. После проведения проверки было выявлено, что от депрессий и негативных психологических состояний больше страдали люди, следившие за СМИ, нежели непосредственные свидетели теракта [12]. Исходя из этого, мы видим, что попытка сострадания может стать опасна для человека. Согласно опросу, проведенному мной среди 61 потребителя жесткого контента, основная причина его популярности – желание «закалиться», «испытать себя», «получить новый необычный опыт». Именно последний вариант ответа наиболее полно объясняет присутствие в СМИ большого количества демонстраций боли и страдания. Со времен передач Уолтера Кронкайта о войне во Вьетнаме, журналисты стремятся доставить «войну в каждый дом». Следует также отметить, что чем больше СМИ освещают подобные события, тем менее героизированными они кажутся. Фактически, наблюдая весь этот поток бедствий ежедневно, и не будучи способным хоть что-нибудь предпринять, чтобы это остановить, среднестатистический человек либо приобретает психологические проблемы, либо учится «фильтровать» новостной поток под свои интересы.

Нельзя отрицать и применение сцен боли и страдания в конкретных политических целях, и для этого не обязательно сам журналист должен непосредственно работать на противника. В этом контексте довольно красноречив пример т.н. «Тетского наступления» начавшегося 30 января 1968 во Вьетнаме, когда силы АСВ и Вьетконга атаковали американскую армию. Фактически наступление закончилось разгромным провалом для коммунистов, но многочисленные американские журналисты, транслирующие кадры с мертвыми американскими же солдатами фактически спровоцировали массовую волну антивоенных протестов.

Таким образом, при анализе фактов демонстрации феноменов боли и страдания необходимо учитывать:

- особенности человека, воспринимающего информацию (пол, возраст, степень личной агрессивности);
- контекст, в котором представлен акт насилия на телеэкране (манера подачи, жанр передачи);
- особенности внешней среды (межличностные, общественные и семейные отношения).

Подводя итог, следует сделать вывод, что сам по себе феномен боли и страдания является неотъемлемой частью нашей медийной действительности, а основная проблема лежит в целях, которые преследуют авторы.

Литература

1. *Аквинский Ф.* Сумма теологии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-5/11_3 (дата обращения: 20.03.2017).
2. *Антюхина А.В.* Боль и страдание: Философское осмысление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3 ч. Ч. I. С. 25–28.
3. *Зайцев П.Л.* Идея жертвенности в антропологических конфигурациях философии модерна // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 129–131.
4. *Зайцев П.Л.* Структура и Антиструктура: мужская инициация в становлении человечества: монография. Омск: Амфора, 2010. 164 с.
5. *Зайцев П.Л.* Феноменология религии: учебное пособие: в 3 ч. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. Ч. I: Инициация. 2015. 272 с.

6. *Крылов А.Н.* Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: ИКАР, 2012. 306 с.
7. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 238–406.
8. *Паскаль Б.* Молитва об обращении болезней во благо. URL: <http://www.initeh.ru/txt/tpaskal28.shtml> (дата обращения: 22.03.2017).
9. Стрaдание. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1044542> (дата обращения: 20.03.2017).
10. *Шихов Г.Л.* Боль в ритуале // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2 ч. Ч. I. С. 203–205.
11. *Naomi I. Eisenberger, Matthew D. Lieberman, Kipling D. Williams* Does Rejection Hurt? An fMRI Study of Social Exclusion. URL: <http://science.sciencemag.org/content/302/5643/290> (дата обращения: 20.03.2017).
12. URL: <http://tass.ru/nauka/824293> (дата обращения: 22.03.2017).

Сергей Сергеевич Токарев
*студент социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: tokino1@mail.ru*

ОБРАЗ МОНАСТЫРСКОГО ЮРОДИВОГО В КИНОФИЛЬМЕ ПАВЛА ЛУНГИНА «ОСТРОВ»: ТЕСТ НА СООТВЕТСТВИЕ КАНОНУ

Аннотация. В статье утверждается, что если следуя отцу Павлу Флоренскому началом и центром культуры предполагать культ, то элементы христианского культа не должны быть заключены только за монастырской или церковной оградой. Современная культура при всем ее многообразии является не менее христианской, чем в иные времена. Необходимо только научиться выделять религиозную составляющую во множестве дискурсов современной культуры. В статье анализируется современный дискурс юродства.

Ключевые слова: юродство; юродство ради Христа; монастырское юродство; современный кинематограф.

Sergey Tokarev
*Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk*

THE IMAGE OF THE MONASTIC HOLY FOOL IN THE FILM «THE ISLAND» BY PAVEL LUNGIN: A TEST FOR CONFORMITY TO THE CANON

Abstract. The article states that if one follows the Paul Florensky beginning and the center of culture to assume a cult, then the elements of the Christian cult should not be confined to a monastery or church fence. Modern culture with all its diversity is no less Christian than in other times. It is only necessary to learn how to single out the religious component in the many discourses of modern culture. The article analyzes contemporary discourse of foolhood.

Keywords: foolishness; foolishness for Christ's sake; monastic foolishness; modern cinematography.

Словосочетание «Христа ради», которое так часто можно услышать в нашем бытовом обиходе чаще всего упоминается, как призыв быть милосердным и любимым к Богу, ради доброго дела, одолжения или помощи ближнему. «Юродивый Христа ради» – является более поздней формой, но проявляющей более явный свет на значение данной фразы. Быть безумным в быту, ради мудрости небесной и во славу Божью.

Это форма выражения является основополагающей и объясняющей юродство, как некий религиозный, теологический слоган. Одним из самых показательных и между тем признанных церковью форм проявления юродства – монастырское юродство. Описания о симуляциях в монастырях и киновиях оставили нам Иоанн Лествичник (VI в.) и Исаак Сирийский (VII в.). Как один, так и другой горят о притворстве праведников, дабы не обнаружить остальным свою святость. У данных авторов есть несколько ярких примеров.

Одна из первых историй, это история о киновийном монастыре и симулянте Исидоре. Она единственная женщина во всем византийском юродстве. Притом, что в античности и западном средневековье женщина считалась ближе к безумию, нежели мужчина. Полное отсутствие женщин среди византийских и русских юродивых (пожалуй за исключением Ксении Петербургской) является загадкой. Легенда об Исидоре принадлежит Палладию (V в.) иногда эта легенда приписывается Ефрему Сирию.

Вся история выглядит так, что в Тавернисиотском монастыре (Верхний Египет) жила инокиня, которую все считали сумасшедшей и держали на кухне. Она терпела поношения и издевательства от сестер ровно до того момента как в монастырь не приходит великий пра-

ведник Питирум, которому ангел сказал, что здесь живет та, которая святее него. Ему надо было узнать ее по короне на голове. Подвижнику показали всех монахинь монастыря, но ни одна не подходила под описание, пока не вспомнили, что есть еще одна на кухне, но уточнили что она умалишенная. Силой приволокли «сумасшедшею» с грязной тряпкой на голове к праведнику. Узнав «корону» Питирум пал ниц. Монахини хотели остановить и поднять его, чтобы авва не срамил себя перед безумной. На что получили ответ: «Это вы безумны, а она мне и вам (так называют духовных матерей). И я молюсь о том, чтобы оказаться быть достойным ее в день Суда» [2]. Когда они услышали эти слова, то уже сами пали к ногам праведника и начали каяться в своих грехах перед ней. Одна – что выливала на нее помои, вторая – что била кулаком, третья – о том, что мазала нос горчицей. Все до одной покаялись. На этот счет есть мнение С. Поляковой, что агиограф «по наивности или неосмотрительности... не замечает, что... дает неприглядную картину нравов монастыря» [1, с. 257]. В итоге праведница убежала из монастыря. [1, с. 15–16]. Еще один пример византийского монастырского юродства мы находим в другом житии, относящимся к V веку, в легенде о монастырском поваре Евфросине [1, с. 181–183]. Этот же рассказ по мнению того же С.А. Иванова присутствует в житии X века Власия Аморийского. Евфросин проходил послушание на кухне, где готовил еду более чем для четырехсот монахов. Он совершил много тайной добродетели. Всем он казался грязным после поварской работы и в жалкой одежде. Покрывал себя угольной сажой, словно облачаясь в роскошную одежду... он ежечасно подвергался прилюдным укорам и притеснениям монастырской братии. Колотили и относились как к извергу, томили голодом и жаждой, а он принимал это все как самые почетные похвалы.

Однажды благочестивый пресвитер монастыря, увидев во сне рай, где вдруг оказался Евфросин. Как оказалось, что повар служит там сторожем, в то время, как пресвитер попал туда после трех лет неустанных подвигов. По просьбе Евфросин дал ему три райских яблока, которые после пробуждения оказались в кельи благочестивого. Пресвитер бросился в церковь и сообщил о том, что надо молиться, так как в монастыре есть драгоценная жемчужина – Евфросин, достойный благодати Божьей. В это время повар открыл боковую дверь и покинул монастырь навсегда, избегая славы и признания своей святости.

На соотнесение этого житийного материала с произведениями современной культуры, нас натолкнула одна рецензия на известную фразу отца П. Флоренского о культуре и культе: «Для Флоренского культура может существовать только в связке с религией, вне этого человек вырождается, а культура перестает быть культурой» [3, с. 51]. Первый юродивый в кинематографе последних двадцати лет, он же первый среди первых не только по хронологии, но и по объему изображенного юродства и художественной демонстрации святости, точнее ее юродского сокрытия – отец Анатолий в фильме Павла Лунгина «Остров» (2006) [4].

Первое на что стоит обратить внимание слоган фильма, заложенный авторами фильма: «Здесь происходит необъяснимое» [4]. И действительно рядовому зрителю, как и обычному прохожему в древние времена будет непонятно, а затем необъяснимо то, что будет вытворять этот чудак-человек. Между тем, на наш взгляд, кинематографический образ отца Анатолия выдерживает проверку на соответствие признанным примерам монастырского юродства.

Первое, на что следует обратить внимание, юродские элементы усматриваются с начала фильма, после окончания первой сцены, когда на титрах мы видим указание 1976 года и монастырь, располагающийся на острове. Сразу выделяется первая черта – речь идет о монастырском юродивом.

Второе, монастырский юродивый представляется как грязнуля, невежда. Мы видим монаха заходящего с ведрами в кочегарку, где тут же он отдыхает и вновь принимается за работу. Монастырские юродивые Византии, зафиксированные в образах монастырских кухарок, пьяниц и истопников, людей выполняющих самую грязную работу.

Третье, это разговор с прихожанками, когда отец Анатолий выходит, и никто из сидящих около кочегарки и подумать не может что этот грязный, сутулый и скверный на доброе слово монах и есть старец, к которому они сидят в очередь. Они спрашивают его о старце, на, что тот отвечает «дрыхнет отец Анатолий» тут есть элемент насмешки и кощунства, раз-

гар рабочего дня, а старец позволил себе спать, на что возникает еще больше вопросов и у прихожан: «как же так?». Тут старец просто заставляет их смиряться – хотите помощи сидите, ждите и молитесь. В свой след он слышит только причитания, что нет времени сидеть, люди хотят чудо и совет сразу.

Четвертое, и, пожалуй, последнее касается смерти отца Анатолия. Сначала старец делает самодельный кораблик и пускает его по воде, объясняя Иову, что просит Бога перезимовать еще один год. И коли поплывет то все хорошо. Как показывает режиссер – кораблик после ухода героев опрокидывается и тонет. Затем юродивый присылает отцу Иову ладан и смирну, на что тот, навещая котельную, спрашивает, зачем это?: «в среду хоронить будем» на вопрос кого хоронить, тот отвечает вновь загадкой «кому Бог присудил» и «Волны смерти омыли меня. И сети смертные окутали меня».

На предложение Иова заказать хороший гроб, тот отвечает, что он готов. Им является обычный ящик из-под сетей и канатов. Завет его таков хоронить в нем. Тут вновь самоуничтожение и провокация монастырскому уставу и традициям. Юродивый чаще всего знает время своей смерти. В случае с Анатолием, он отдает душу буквально в тот час, в который его душу призывают. Сама смерть происходит все-таки в гробу, примерившись с отцом Иовом, он все-таки ошарашивает его, появившись в белых одеждах, но той угольной кучи, которая обычно являлась ночлегом ложиться в гроб: «Ну вот, хорошо. А теперь пойдя, скажи отцу Филарету, что раб божий Анатолий преставился».

Герой Петра Мамонова юродивый в полной мере режиссерского замысла и актерской реализации, которую только можно отыскать и увидеть в нашем кинематографе последних лет. Кладезь для современного дискурса юродства «за церковной оградой».

Литература

1. Византийские легенды / изд. подгот. С.В. Полякова. Л.: Наука, 1972. 303 с.
2. *Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с. URL: <http://predanie.ru/ivanov-sergey-arkadevich/book/91934-blazhennye-rohaby/#toc13> (дата обращения: 19.03.2017).
3. *Оводова С.Н.* Антропокультурная реальность: от парадокса к проекту: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. 190 с.
4. Остров. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/257337> (дата обращения: 29.05.2017.)

Наталья Сергеевна Мандрыгина
студентка социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: nkultr@gmail.com

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. Данная статья посвящена парадоксальным метафизическим явлениям, представленным в произведениях научно-фантастического жанра советской эпохи. На примере рассказов И. Ефремова, А. Беляева, С. Павлова и братьев Стругацких представлен анализ различных метафизических концепции.

Ключевые слова: научная фантастика; метафизика; парадокс; постчеловек; сверхчеловек.

Natalia Mandrygina
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

METAPHYSICAL PARADOXES OF SCIENTIFIC FANTASTICS OF THE SOVIET EPOCH

Abstract. This article is devoted to the paradoxical metaphysical phenomena presented in the works of the science fiction genre of the Soviet era. On the example of the stories of I. Efremov, A. Belyaev, S. Pavlov and the Strugatsky brothers, an analysis of various metaphysical concepts is presented.

Keywords: science fiction; metaphysics; paradox; posthuman; supermen.

Существует несколько вариантов подходов, определения термина научная фантастика. Мы будем придерживаться следующего определения: «В узком понимании, научная фантастика повествует о технологиях и научных открытиях, их захватывающих возможностях, их позитивном или негативном влиянии, о парадоксах, которые могут возникнуть» [4, с. 800]. Основным таким парадоксом является несоответствие описываемых реалий существующим законам физики.

В данной статье речь пойдет конкретно о парадоксе присутствия некоторой метафизической силы в научно-фантастических произведениях эпохи СССР. При определении метафизической силы мы закладываем в понятие некие «сверхчувственные, недоступные опыту, принципы бытия» [3].

Согласно официальной идеологии, в Советском Союзе действовала программа научного атеизма. Основной упор в произведениях научно-фантастического жанра был сделан на рациональное познание, научный прогресс, технические открытия, качественную эволюцию человеческого вида, как в романах А. Беляева «Ариэль» и «Человек-Амфибия». В этих произведениях рассказывается о медицинских опытах, направленных на видоизменение и усовершенствование физиологии человека. Таким образом, человек берет на себя функции и роль творца нового антропологического вида – постчеловека. Социокультурный советский проект являлся одним из ярких проектов эпохи модерна. Несмотря на некоторую «запоздалость» реализации и рефлексии модернизационных основ, Советский Союз реализовывался как рациональный проект. Как отмечает Зайцев П.Л.: «в Советском Союзе идейная избранность тотальных мобилизационных стратегий получила мировоззренческую фиксацию несколько позднее – в эпоху хрущевской «оттепели». Советская модернизация изначально была догоняющей, разогнанной государственной машиной до сумасшедших оборотов, и поэтому ее значительно больший «тормозной путь» не должен нас смущать. Эти десять – пятнадцать лет могут считаться особым, реликтовым периодом советского модерна, отдельные артефакты которого живы до сих пор» [2, с. 75]. Рациональность социокультурного проекта Советского Союза проявлялась в разных сферах культуры: «Культь разума характерен для то-

талитарных режимов, презентующих миру свою разумность и целесообразность. Рациональность тоталитаризма проявляется в подчинении личного и временного – всеобщему и вечному, позволяет достигать «великих» целей, вырваться в авангард мировой истории. Необходимость придерживаться выбранного политического курса аргументировалась формулой «это разумно». Отказ от религии, создание коллективных хозяйств, покорение космоса, проекты по повороту рек, изменение климата в СССР – все это обосновывалось как разумное поведение, а следовательно, самое достойное» [5, с. 68]. В связи с ориентацией Советского Союза на рациональные основания является закономерным репрезентация в советской научной фантастике принципов рационального оперирования с реальностью и изменения ее посредством научных достижений и прорывов.

Наряду с этими аспектами наличие любого метафизического проявления является крайне парадоксальным. Причем, как правило, человек не может справиться с этой силой и найти какого-либо рационального объяснения. Что является также причиной возникновения космологических проблем. Как пример, можно привести роман И. Ефремова «Гуманность Андромеды». Одна из сюжетных линий повествует об экспедиции, в ходе которой экипаж звездолета «Тантра» сталкивается с неизвестной враждебной сущностью, которая имеет свойство уничтожать все, с чем сталкивается. Эта сущность не предполагает какого-то вербального контакта и не имеет конкретного физического воплощения.

Еще одним парадоксальным явлением некой метафизической силы в произведениях научно-фантастического жанра является феномен «оживания» каких-либо технических изобретений. Наиболее яркий пример «Массачусетская машина» из повести братьев Стругацких «Далекая Радуга». Это пугающее устройство, способное «вести себя», обладающее «необозримой памятью», «феноменальным быстродействием», она «стала умнее человека и подмяла его под себя» [6].

Также в произведениях научно-фантастического жанра проецируется некогда сформулированный Ф. Ницше концепт сверхчеловека. Он подразумевает под собой «человека в духовном и физическом отношении превзошедшего возможности человеческой природы и представляющий собой качественно иное, высшее существо» [7, с. 594]. Таким образом, имеет место проявление определенных сверхспособностей, выходящих за рамки законов физики и рационального понимания: возможность проходить сквозь стены, становится невидимыми, способность к левитации, телепатии, изменение физической формы и пр. И если ранее, касаясь концепта постчеловека говорилось о каких-либо медицинских опытах над природой человека, то в данном случае речь идет о физиологических изменениях в результате аномальных событий. Пример такой модификации мы можем увидеть в романе С.И. Павлова «Лунная радуга». В произведении повествуется об экспедиционной группе, которой удалось пережить катастрофу на спутнике Урана Обероне, в результате чего у выживших членов команды обнаруживаются различные сверхспособности.

Говоря об антропологических идеях, выдвинутыми советскими писателями-фантастами, стоит сказать, что «в отличие от сверхчеловека Ф. Ницше, который всегда недостижим, постчеловек – это реально достижимый образ будущего, от которого нас предостерегают философы и футурологи» [5, с. 142]. Их опасения связаны с тем, что человек в процессе искусственных биологических модификации над собственной физиологией уходит от естественного эволюционного процесса, тем самым увеличивая разрыв с природой.

Согласно словам А. Бритикова, «научная фантастика предлагает не только пути развития человечества, но и помогает адаптироваться к стремительно меняющимся мировым реалиям» [1, с. 9]. Этот тезис касается только научно-технического прогресса, но те вопросы, которые затрагивают метафизические аспекты, остаются без ответов. Зачастую, идеи писателей-фантастов оказываются пророческими, многие социокультурные проекты, представленные в их произведениях, находят реальное воплощение. Например, полеты в космос, когда-то были за гранью реальности, а сейчас это развивающееся направление в туризме, и все это благодаря невероятным идеям Циолковского.

Метафизические парадоксы научной фантастики Советской эпохи заключаются в том, что при наличии стремления продемонстрировать проект будущего, достигнутый благодаря научным прорывам, все равно в произведениях фантастов появлялась некая метафизическая сила, трансцендентное начало, находящее за гранью понимания и постижения человека. Таким образом, наука как рациональный способ постижения действительности ставилась фантастами под сомнение, т.к. не все тайны Вселенной можно постигнуть рациональным способом, есть некоторые силы, которые непостижимы. Если ввести допущение, что встреча с метафизической субстанцией все же возможна, то вопросы «как на нее реагировать» и «как с ней выстраивать коммуникацию» остаются открытыми.

Литература

1. *Бритиков А.Ф.* Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы). Книга вторая. Некоторые проблемы истории и теории жанра. СПб., 2005. 404 с.
2. *Зайцев П.Л.* Инициационные стратегии «большого модерна» // Омский научный вестник. 2011. № 6 (102). С. 74–77.
3. Исторический словарь // GUFO. ME: сайт. URL: https://gufo.me/dict/history_dict/Метафизика (дата обращения: 13.07.2017).
4. *Молчанова С.Е., Касаркина В.Е.* Особенности метафорической образности в современной англоязычной научной фантастике // Молодой ученый. 2015. № 13. С. 799–802.
5. *Оводова С.Н.* Антропокультурная реальность: от парадокса к проекту: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. 190 с.
6. *Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н.* Далекая радуга // Книги онлайн: сайт. URL: https://www.bookol.ru/fantastika/nauchnaya_fantastika/93836/fulltext.htm (дата обращения: 20.07.2017).
7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

Антон Сергеевич Антонов
*студент социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: genesis.hiro@mail.ru*

ТЕОЛОГИЯ КНИГИ ИОВА КАК ТЕОЛОГИЯ ПОГРАНИЧНЫХ СИТУАЦИЙ

Аннотация. В статье делается предположение, что пограничная ситуация как феномен жизненного мира осознается человечеством задолго до появления пограничной ситуации как термина. Осознание неподлинного бытия, необходимости возвращения к древу жизни, к творцу всего существующего мы наблюдаем в Книге Иова, входящего в «твердое ядро» культуурообразующих текстов европейской цивилизации.

Ключевые слова: пограничная ситуация; Книга Иова; инициация; подлинное бытие; неподлинное бытие.

Anton Antonov
*Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk*

THEORY OF THE BOOK OF IOW AS A THEOLOGY OF FRONTIER SITUATIONS

Abstract. The article makes the assumption that the border situation as a phenomenon of the life world is realized by mankind long before the emergence of the boundary situation as a term. The realization of an inadequate existence, the need to return to the tree of life, to the creator of all that exists, we see in the Book of Job, which is part of the «hard core» of the culture-forming texts of European civilization.

Keywords: boundary situation; The Book of Job; initiation; Authentic being; Non-genuine being.

Пограничные ситуации – это некие ситуации, оказавшись в которых, человек подходит к границе своего бытия. Они характеризуют свойство, которое С. Кьеркегор выделил с помощью концепции парадокса. Они подобны «жалу в плоти», благодаря которой несовершенство его личного существа убедительно раскрывается перед человеческим глазом. Большинство экзистенциалистов согласятся с тем, что в пограничных ситуациях конец существования индивида признан наиболее решительно, поскольку они определяют жесткую границу, которая делает невозможным любое познание мира и человеческой жизни гармоничным. Пограничные ситуации противостоят любому душевному спокойствию в гармоничном мире, они его поддерживают в состоянии бодрствования, потому что чувство тревоги побуждает двигаться вперед. Это объясняется тем, что они не могут быть разумно объяснены, никакая причина не находится под их контролем, они убедительно делают очевидным глубокое беспокойство и неуверенность в человеческом существовании. Они позволяют довести человечество до состояния полной напряженности его существования: поскольку человек, находящийся в состоянии утраты и отдачи миру, не может превознести себя до состояния экзистенциального существования. Только благодаря опыту пограничной ситуации появляется полная и конкретная концепция существования подлинного бытия. Только на основе концепции пограничной ситуации возникает существенная острота, которая свойственна подлинному бытию. Хотя человек может и избежать попадания в пограничную ситуацию, скрываясь в повседневном существовании. Оказавшись в таких ситуациях, человек непременно начинает пытаться выйти из них, используя свои силы, ум и волю для восстановления своей разрушенной действительности. В связи с этим возникает вопрос: «пограничные ситуации» как явление появились в XX веке, когда их начали изучать, или же они существовали задолго до написания К. Ясперсом работы «Разум и экзистенция»? Можно считать распространенной точку зрения, что неотъемлемым элементом жизненного мира пограничные ситуации стали в

эпоху модерна [1]. Тем не менее, нам представляется что «пограничные ситуации» возникли вместе с самим человеком. Ведь на протяжении всей своей истории человечество всегда стремилось преодолеть смерть и обрести свое «подлинное бытие». В поисках текста, в котором бы пограничная ситуация была представлена во всей своей полноте, будучи уже явлена, но еще не названа, мы обратились в Книге Иова. Основанием для такого предположения стало утверждение Д.В. Пивоварова о наличии в культуре «твердого ядра» текстов, детерминирующих культуру [4, с. 256–257], проинтерпретированного С.Н. Оводовой как связь человека, текста и культуры при которой именно текст «определяет вектор развития культуры и человека» [3, с. 109]. Наша цель: на примере Книги Иова обосновать, что ветхозаветные тексты являются примером не только исторической, религиозной, общественной и даже повседневной жизни еврейского народа, но и несут в себе глубокий объяснительный материал, подтверждающий правоту теории пограничной ситуации, наиболее востребованной сегодня при объяснении феномена религиозного сознания и религиозно-этического выбора.

Все «пограничные ситуации» есть путь к Богу. Ведь они раскрывают перед человеком окружающее его небытие с одной стороны и «истинное бытие» с другой. В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» автор все свое внимание сконцентрировал на страданиях главного героя. Сам главный герой не в состоянии ни выйти из страдания, ни преодолеть его собственными силами. Он может только вытерпеть эти страдания. Потому что, выйдя из одной «ситуации», человек непременно попадает в другую. Страдание испытывает и инициирует, что верно для «примитивных культур и современной городской среды» [2, с. 27]. Священное Писание дает пример таких людей, которых настигли страдания и страшные испытания и которые смогли их вытерпеть: Иов (главный персонаж ветхозаветной книги Иова). Иов перенес страшные страдания, но он не отвернулся от Бога в самые страшные часы его жизни. Причиной его бедствий стала зависть, зависть сатаны, который хотел доказать, что праведники не являются таковыми, а что они корыстны и не нарушают законов Божьих, потому что ждут от Бога даров за их праведность. Но Иов не зря упоминается в Новом Завете в послании апостола Иакова (5:11) в роли примера терпеливого человека, а в книге пророка Иезекииля (14:14) наряду с Ноем и Даниилом – как один из праведников. Человек, у которого было богатство и семья, вмиг лишается всего. Заболевает проказой, и его выгоняют жители деревни в которой он жил. Еще вчера он был богатым и счастливым отцом, а сейчас он лежит на земле и соскребает струпись с помощью черепка. Сатана ошибся, Иов не отвернулся от Бога и остался верен Ему. Но все же начал осознавать ту несправедливость, что с ним приключилась. Ведь, по сути, он не знал о споре дьявола и Бога. Иов начинает требовать у Бога ответов за все происходящее. Иов стал замечать, что жизнь начала терять смысл, что его праведность не спасла его от этих страданий. Он, обращая свое внимание, что зло безнаказанно существует в этом мире, стал чувствовать себя беспомощным перед высшими силами. В язычестве ему бы объяснили, что есть хорошие боги, которые помогают людям, и есть плохие, которые этому мешают, и что все несчастья, которые с ним происходят, происходят потому, что злые боги одерживают победу. Но Иов был верующим в единого Бога, поэтому данное объяснение не могло помочь ему. И потому обратился он со своими вопросами к Богу, ведь только он мог дать на все ответ. И все же, несмотря на все страдания, в голове у него не появилось мысли о том, что Бог плохой и он не утратил веру. Поэтому Иов с такой силой требовал ответов от Бога. И ответ был получен и звучал он так: «...где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. ...Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя? Такая ли у тебя мышца, как у Бога? И можешь ли возгреметь голосом, как Он? Укрась же себя величием и славою, облекись в блеск и великолепие; излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое и смири его; взгляни на всех высокомерных и унизь их, и сокруши нечестивых на местах их; зарой всех их в землю и лица их покрой тьмою. Тогда и Я признаю, что десница твоя может спасти тебя» (Иов 38:4; 40:3–9).

Получив ответ, Иов успокоился. Потому что суть его вопросов была не в получении определенного ответа о наличии у Бога мышц и зычного голоса, а получение ответа как такового. Ответ от лица бытия вопрошающему человеку – выход из пограничной ситуации,

открытый в книге Иова задолго до появления экзистенциализма. Можно было бы заключить что экзистенциализм как философское направление есть ни что иное как рецепция книги Иова, но мы выберем более мягкую форму для выражения этой мысли, книга Иова и ветхозаветная литература явилась необходимым культурным условием для появления экзистенциализма, даже в его атеистической форме.

Литература

1. *Зайцев П.Л.* Идея жертвенности в антропологических конфигурациях философии модерна // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 129–131.
2. *Зайцев П.Л.* Феноменология религии: учебное пособие: в 3 ч. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. Ч. I: Инициация. 2015. 272 с.
3. *Оводова С.Н.* Антропокультурная реальность: от парадокса к проекту: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. 190 с.
4. *Пивоваров Д.В.* Философия религии: учеб. пособие. М.: Академический проект, 2006. 638 с.

Ирина Владимировна Приймак
студентка социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: priymak1997@mail.ru

ИДЕЯ «ТРЕТЬЕГО ЗАВЕТА» В ДУХОВНЫХ ПОИСКАХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается идея «Третьего Завета», нашедшая своих приверженцев в лице творческой интеллигенции Серебряного века русской культуры. Неприятие Д. Мережковским, З. Гиппиус, Д. Filosofov антигуманистической сущности модернизации и, при этом, тяготение косоностью православных устоев направило их философско-этические размышления в направлении «Третьего Завета». Автором рассматривается точка зрения, что идея «Третьего Завета» не несла в себе антихристианского настроя, будучи ориентирована на возвращение к первоначальному христианству, новому открытию Евангельской Вести.

Ключевые слова: «Третий Завет»; «Серебряный век»; модерн; христианство; Д. Мережковский.

Irina Priymak
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

THE IDEA OF THE «THIRD TESTAMENT» IN SPIRITUAL SEARCHES OF THE RUSSIAN INTELLECTUALS OF THE SILVER AGE

Abstract. In the article the idea of the «Third Testament», which found its adherents in the person of Creative intelligentsia of the Silver Age of Russian culture. The rejection of D. Merezhkovsky, Z. Gippius, D. Filosofov of the anti-humanist nature of modernization and, at the same time, the gravitation of the inertness of the Orthodox principles directed their philosophical and ethical reflections towards the «Third Testament». The author considers the point of view that the idea of the «Third Testament» did not carry in itself an anti-Christian attitude, being oriented toward a return to original Christianity, a new discovery of the Gospel News.

Keywords: «Third Testament»; «Silver Age»; Modernity; Christianity; Dmitry Merezhkovsky.

Серебряный век русской литературы богат новыми поисками, открытиями и жанрами. В эту эпоху появляется символизм, имажинизм, модернизм и множество других направлений. В кругах русской интеллигенции наблюдается творческий и интеллектуальный подъем, появляются новые идеалы и мысли. Идея «Третьего Завета», разработанная творческим союзом Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, вызвала бурный резонанс среди духовенства и литературной элиты.

После подъема русской культуры, названным «Серебряным веком», актуально прояснить его главные фигуры и характеристики, с представлений современного взгляда на это время. Разбор проблем, заботивших литературных и духовных деятелей и мыслителей начала прошлого века, определение и анализ созданных ценностных ориентаций и направлений на примере феномена «Третьего Завета» и поиск нового религиозного сознания актуальны для нашего времени, так как и сейчас наблюдается кризис веры, переоценка ценностей и поиск определения и понимания духовности человека.

Сама идея «Третьего Завета» появилась еще в XII веке. Ее автор – Иоахим Флорский – итальянский монах, христианский мистик. Он изложил ее в труде: «Согласование Ветхого и Нового заветов» и «Комментарии к откровениям Иоанна Богослова». Уже тогда Иоахим Флорский разделил всю историю человечества на три периода: Отца (от Авраама до Иоанна Крестителя), Сына (от воплощения Сына Божия – до 1260-го года) и Святого Духа (с

1260 г.). Но до появления этого творческого тандема до конца XIX века она оставалась без особого внимания. Благодаря Мережковскому идея «Третьего Завета» становится популярной у участников философских кружков, беспокоит православное духовенство. Их творчество наполнено идеей о «тройственном устройстве мира». Для них особое место занимает цифра «три» – «Третий Завет», «тройственный союз» (Мережковский, Гиппиус и Философов), одно из самых важных произведений Мережковского «Тайна трех», позже с В. Соловьёвым основной точкой соприкосновения стала его книга «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории»...

Как отмечает С.Н. Оводова: «Функция культуры по сохранению и передаче норм и традиций почти полностью обслуживается текстом» [5, с. 9]. Мы считаем, что творчество отечественных мыслителей Серебряного века, их тексты, являют собой непосредственное обращение к сакральным текстам прошлого, в попытках установить сакральность настоящего. Не похожая на материализм и традиционное христианство, концепция «Третьего Завета» вызвала интерес. В поэзии и, в общем, в литературе этого времени появляются характерные образы, связанные с кризисом веры и духовности, с внутренней дисгармонией. Полная переоценка ценностей, вбиравшая в себя наследие Библии, античной мифологии, русский фольклор и западную литературу, сделала идею «Третьего завета» актуальной и необходимой для своего времени.

В книге «Не мир, но меч» Дмитрий Сергеевич пишет: «Ветхий Завет есть откровение единого в едином; Новый – двух в едином. Третья ступень – откровение третьей ипостаси – будет окончательным синтезом тезиса и антитезиса, объекта и субъекта, плоти и духа, последним соединением первого Царства Отчего и второго Сыновнего – в третьем Царстве Духа Святого, плоти святой. Третий Завет будет откровение трех в едином» [3]. Жесткость если не жестокость Первого Завета Д.С. Мережковский видит в жертвовании плоти Духу: «Нравственное выражение этого внешнего и объективного единства есть внешняя же и объективная норма закона, принудительное иго единообразного действия, обряда, субботы; выражение символическое – жертва, поглощаемая пламенем, как всякое отдельное существо поглощается Божественною сущностью. В древнейших культах существовали жертвы человеческие. И в начале Израиля Бог повелевает Аврааму принести в жертву Исаака. Остаток этих человеческих жертв, в которых выражалась некогда глубочайшая метафизика всех объективных религий, сохранился в обрезании плоти – таинстве первого Завета, первого единства Творца с тварью, Духа с плотью» [4]. Мучительно переживаемое Мережковским настоящее, а именно требующее огромных человеческих затрат и жертв тела уже не Духу, а Машине время модерна (о чем подробно писал П.Л. Зайцев) [1; 2], находило свое соответствие в Ветхом Завете, а не в Евангелиях. Тем острее переживалась Дмитрием Сергеевичем необходимость «Третьего Завета».

В начале книги «Иисус Неизвестный» Д.С. Мережковский вдохновенно рассказывает о Евангелии, осуждая человеческий мир в том, что он все превращает в привычку. «Слепо читают люди Евангелие, потому что привычно... Страшно думать так? Нет, привычно. Две тысячи лет люди спят на острие ножа, спрятав его под подушку – привычку. Но «Истиной назвал Себя Господь, а не привычкой». «Темная вода» в нашем глазу, когда мы читаем Евангелие, – не удивление – привычка». В первой главе «Был ли Иисус?» Мережковский говорит о Христе так: «Всем, у кого есть исторический глаз, слух, вкус, обоняние, осязание, бесконечно вероятнее, что такое единственное в мире явление, как Христос, было в действительности». И, в поиске путей к Третьему Завету, первую главу он заканчивает словами: «Путь Церкви – ко Христу Известному; путь мира – к Иисусу Неизвестному». Итак, книга «Иисус неизвестный» является толкованием Евангелия, так как Мережковский сам был уверен, что Иисуса не так поняли, а книга была истолкована неправильно. Он был уверен в необходимости окончательной формы толкования книги, обличенную в собственные религиозно-философские взгляды. Стоит согласиться с А.Д. Корыхаловым, что «Д. Мережковского необходимо понимать не как религиозного реформатора и проповедника новой религиозности, а как мыслителя, укорененного в философской традиции поиска истинного, первоначального христианства» [3].

Эти идеи появились в момент обострения отношений Церкви со взглядами Л.Н. Толстого. Если Толстого предали анафеме, то предать анафеме Мережковских не удалось. С одной стороны, их идеи были настолько сильны и убедительны, что церковная цензура и церковные иерархи опасались их анафематствовать, так как был страх еще большего распространения, возникновение конфликта с «официальной» церковью и появления сторонников их идей. Его яростными критиками стали Н. Бердяев, С. Булгаков. С другой стороны и некоторые православные деятели, были на их стороне, так как Мережковские выносили мысли о возвращении всего общества в православие и воцерковлении интеллигенции. Соловьёв, Карташов долгое время были сторонниками идеи «Третьего Завета». Мережковский чувствовал ритм времени и, поэтому ему удалось безошибочно оказаться в центре внимания интеллигенции и Церкви. Он смог воплотить их ожидания, интересы и новаторства в идее «Третьего Завета». И популярность литературно-философских собраний и вниманием к ним, споры, разворачивающиеся вокруг этой идеи, наличие ее последователей и противников неумолимо доказывает влияние идеи «Третьего Завета» на духовные поиски интеллигенции Серебряного века.

Литература

1. *Зайцев П.Л.* Идея жертвенности в антропологических конфигурациях философии модерна // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 129–131.
2. *Зайцев П.Л.* Инициационные стратегии «большого» модерна // Омский научный вестник. 2011. № 6 (102). С. 74–77.
3. *Корыхалов А.Д.* Поиски истинного Христа в творчестве Д. Мережковского: истоки, контекст, идейное содержание. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1141 (дата обращения: 09.03.2017).
4. *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. К будущей критике христианства. URL: <https://unotices.com/book.php?id=49491&page=5> (дата обращения: 09.03.2017).
5. *Оводова С.Н.* Техники анализа текстов культуры: учеб. пособие. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 108 с.

Елизавета Андреевна Клементьева
студентка социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: elisaveta.klementeva@mail.ru

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ: ХРИСТИАНСТВО В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ ФИЛОСОФА РУССКОГО МОДЕРНА

Аннотация. Отношение Василия Розанова к христианству требует особого исследовательского внимания. Сегодня, философия русского модерна переоткрывается исследователями, в творчестве Н. Бердяева, Л. Шестова, И. Ильина находятся не отголоски идей западных мыслителей, а интеллектуальные новации опередившие европейскую и североамериканскую философскую мысль. Василий Розанов может по праву считаться не только «русским Ницше» по стилистике своих работ, но одним из основоположников гендерного и постсекулярного дискурса.

Ключевые слова: Василий Розанов; христианство; русская религиозная философия; аскетизм.

Elizabeth Klementyeva
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

VASILY ROZANOV: CHRISTIANITY IN THE LIFE WORLD OF THE RUSSIAN MODERN PHILOSOPHY

Abstract. The attitude of Basil Rozanov to Christianity requires special research attention. Today, the philosophy of Russian modernity is rediscovered by researchers, in the works of N. Berdyaev, L. Shestov, I. Ilyin, there are no echoes of the ideas of Western thinkers, and intellectual innovations have outstripped European and North American philosophical thought. Vasily Rozanov can rightfully be considered not only a «Russian Nietzsche» in the style of his work, but one of the founders of gender and postsexual discourse.

Keywords: Vasily Rozanov; Christianity; Russian religious philosophy; asceticism.

Василий Розанов может считаться одним из ведущих философов русского модерна. Характерные черты философии русского модерна, а именно эстетизация всех сторон человеческого бытия, поиск гармонии человека и мира, человека и религии, человека и техники [2, с. 213–239], жертвенность [3, с. 129], активное жизнестроительство в полной мере проявляются в творчестве Василия Розанова. Нас заинтересовал постсекулярный пласт идейного наследия мыслителя. Розанов твердо был уверен, что он православный христианин. Но его понимание христианства расходилось с догматами Церкви. Розанов вообще питал упорную антипатию к догматизму, ссылаясь на Христа. Что сам Христос не оставил никаких догматов и так же был этому чужд. В том он видел и обвинял христианство: догмат как нечто твердое и непоколебимое сминало нежное первозданное учение. «Христианство в них потеряло наивность и сердечность», – говорит Розанов на одном из собраний Религиозно-философского кружка 1903 года [1]. Догмат отвлек от непосредственного, живого слова Божия, углубил в себя, заставил разбираться во мнениях и примирять противоречия. Учителя Церкви вместо того, чтобы «умиляться» Священным Писанием разложили его на строчки, исследовали и изъяли весь «аромат». Христианство заостенело, потеряло трогательность и силу привлечения. Люди, шедшие за гласом Божиим, теперь проходят мимо Церкви.

Но с призывом к живому слову Христа, в 1908 году выходит «О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» [5, с. 417]. Два дитя Божия – Иисус и мир – противопоставлены друг другу и полюбивши Иисуса нельзя уже полюбить мир. Вкусив небесной сладости Спасителя, прогорк вкус семьи, искусства и земной радости.

Возможно, в догматизировании есть причина появления различных сект. Ведь все они имеют различное понимание учения Христа, умаляют истинную суть учения. Появление в этот период сект скопчества и хлыстовства только подтверждают убежденность Розанова в правоте и дают новую пищу для рассуждений по вопросу пола. С закостенелостью, в свою очередь, связано появление самого феномена нового религиозного сознания, как необходимость обновления понимания, сущности. «Религия есть самое первое, самое важное, самое нужное» [1, с. 56]. Потребность в личном Боге, в личном Спасителе двигала интеллигенцией. Розанов защищал свободное религиозное творчество, которое было необходимо им самим, народу и самому христианству.

Кроме чрезмерности догм Розанов критиковал христианство за аскетическое учение. Много сил он положил на борьбу с аскетизмом, еще больше – с монашеством. Именно аскетизму он приписывает печаль и уныние всего мира. Будто поставив идеалом аскетический образ жизни, христианство уничтожило всю радость и счастье. Но ранее, чем автор обвинил христианство, в 1897 году была выпущена брошюра «Смысл аскетизма». В ней Василий Васильевич приводит доказательство того, что аскетизм и монашество начало свое существование на положительном значении пола. Богатство темперамента, живость, чувствительность возводится в высшую точку и «запирается», тогда возникает «лучистость». «Лучистость» в свете аскезы – это святость. Теплота, которая идет от пола, любовь запертая поднимается в берегах человека все выше и выше и выливается в нежность, уступчивость, сострадание, «высшая деятельная героическая любовь, неустающего подвига» [4, с. 180]. То есть изначально, аскетизм Розановым представляется как благо, он познает его и делает свои выводы. Осуждение аскетизма найдет свое отражение в труде по вопросу пола, которое будет рассмотрено в следующей главе.

Совершенно особой является, без малого, любовь Василия Васильевича к Египту, египетскому культу. Лишь здесь не было двойственного отношения. Египет у Розанова – корень всего мира, всех религий, всех цивилизаций. Особо это отражено в книге «Возрождающийся Египет», чью публикацию он назвал юбилейной и мирной на закате своего многолетнего труда. «Авраам, первенец от иудеев, пришел в Египет, когда он уже сиял всеми огнями. Авраам лепетал, когда Египет говорил полным голосом взрослого мужчины» [6, с. 7]. Иудаизм, христианство – лишь две трети теизма, при том срединная и конечная. Начало же в Египте, они всегда верили в Творца, Отца-Вседержителя. Именно у египтян Розанов находит данные о молитве, которая даже более чувственная сердцем, более искренняя. Они создали образ филиамного курения, открыли мелодию молитвы и воздели руки к небу. Мелодия египетской молитвы открыла тайну познания псалма в действительном ощущении, способе познать Бога.

Таким образом, нами рассмотрена двойственность отношения Розанова к христианству. Семиты как первые воспринявшие Откровение Бога (знак плюс), но склонные к кровавым жертвоприношениям (знак минус). Христианство как «холодное» учение (знак минус), но делает возможной аскезу как высшую точку чувственности (знак плюс). И, абсолютно положительное, эстетически возвышенное, любовное отношение к Египту, как к колыбели мира.

Литература

1. *Голлербах Э.Ф.* В.В. Розанов. Жизнь и творчество. СПб.: Полярная звезда, 1922. 111 с.
2. *Зайцев П.Л.* Идея жертвенности в антропологических конфигурациях философии модерна // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 129–131.
3. *Зайцев П.Л.* Феноменология религии: учебное пособие: в 3 ч. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. Ч. I: Инициация. 2015. 272 с.
4. *Розанов В. В.* Религия и культура. Сборник статей. СПб.: Типография М. Меркушева. 1899. 269 с.
5. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. Т. 3 / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 472 с.
6. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Возрождающийся Египет. Т. 14 / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2002. 526 с.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР В ГЕОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ГОРОДСКИХ ПРАКТИКАХ

Марчин Годава

адъюнкт с габилитацией,
Папский университет Иоанна Павла II в Кракове,
Польша, г. Краков,
E-mail: marcin.godawa@upjp2.edu.pl

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗЕРЦАНИЕ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ЖИЗНИ ГОРОДА

Аннотация. В статье рассматривается проблема особого типа христианского созерцания, которое существенно связано с реализмом мира, рядом с формами влияния этого подхода на городскую среду.

Ключевые слова: Воплощение Бога; созерцание; мир (город); любовь; обращение; тайное свидетельство.

Marcin Godawa

The Pontifical University of John Paul II in Krakow,
Poland, Krakow

RELIGIOUS CONTEMPLATION AS FACTOR OF CHANGE IN CITY LIFE

Abstract. The article presents the meaning of Christian contemplation as relevantly connected with the realism of the world, along with the forms of the impact of this prayer on city life.

Keywords: God's Incarnation; contemplation; the world (city); love; conversion; secret testimony.

За пределами понятия созерцания, нуждающегося в отсоединении [5, с. 32–72], в XX веке была представлена постановка, тоже происходящая из традиции [5, с. 43–45], согласно которой созерцание (контемплиция) соединяется с миром, особенно с жизнью города. Влияние духовного опыта на окружающую среду мы наблюдаем как в западном, так и в восточном наследии. В соответствии с целью данной статьи производится анализ и представление текстов Малых братьев Иисуса [10] и Карло Каретто [2] продолжающих идеи К. де Фуколд (1858–1916), а также Екатерины де Гук Дохерти (Кольшкиной, 1896–1985) [4]¹, которая как эмигрант перенесла традицию русской пустыни к реальности Запада. Молитва в городе, привлекающая внимание [3; 8], является интересной темой для современного исследования.

Теологическое обоснование созерцания в городе

Идея контемплиции внутри города обосновывается истиной о воплощении Сына Божьего [1, *От Иоанна* 1: 14], где подчеркивается радикализм его приятия человеческого состояния и обстоятельств. Степень соединения Господа вселенной с человечеством, проявляющаяся через природу младенца, идентификацию с обществом, отрицание и крест, определяется как «безумность» Бога и вызывает аналогичный отзыв христиан [10, с. 9–13]: «Полное человечество их божественного Мастера станет призывом для всех христиан...» [10, с. 13]. Существенное значение уделяется здесь опыту живой веры, стремящемуся к настоящему – за пределами ограничений – восприятию Божьей любви [10, с. 19]. В ходе такой медитации выделяется Иисусова жизнь в Назарете, где Божий Сын стал вполне участником человеческой повседневности и труда [10, с. 22]. Те же образы задают координаты взаимосвязи божественного (созерцание) с человеческим (городская жизнь).

---

¹ Цитаты произведений этих авторов в переводе М. Годавы.

Погружению в повседневность соответствует понятие контемплиции, которое отклоняясь от традиционной роли интеллектуальной активности, а тем самым и от западной установки [7], мыслится как обнимающее совокупность естества отношение к Богу. Каретто замечает, что местом рождения контемплиции является не ум, а сердце и – иногда трудный – опыт обыденной жизни [2, с. 23], а Дохерти – что умом становится сердце [4, с. 39]. На сердце переносятся и черты мест отсоединения, как традиционной среды контемплиции. Пустыня вместе с тишиной не обозначает физического пространства, а состояние ума и сердца [4, с. 23–24] и находится в человеке [4, с. 74]; даже строение пустыни в городе начинается со изменения сердца [2, с. 21]. Консеквентно, молитва и есть связь с Богом, существование в любви, которое не нуждается в словах, а выражается через каждый жест [4, с. 64]. Наряду с периодическими выездами в места физического отсоединения, обычной формой «пустынной» жизни является контемплиция в городе [4, с. 39], а пустыня восстанавливается именно в «торговом центре» [4, с. 66–77], причем термин «молитва» у Дохерти по своим свойствам соответствует «контемплиции». Процесс следования воплощению Бога становится возможным в результате данных черт контемплиции: человек может проводить ее в суеде города и радикально соединять в своем способе существования божественное с естественным.

Вышеуказанная постановка контемплиции содержит обновленное понимание мира, не как препятствия, а как условия и пути духовности. Мир и реальность, рядом со множеством своих подробностей, воспринимается как мост, через который Бог приходит к людям. В связи с этим Каретто высказывает: «скорее найдешь Бога не посредством побега от жизни, а тогда как изменишь свое сердце, благодаря чему начнешь иначе смотреть на все это» [2, с. 21]. Потенциал созерцательного переживания повседневности лежит именно в трудностях, поскольку они, очищая от иллюзий, даже тех *набожных*, способствуют чистому опыту общения с Богом [2, с. 22–23]. Дело в том, что человек должен отказаться от формирования собственных планов, отражающих его «я» и противопоставляющихся богатству Божьего действия, в результате чего он может полностью и во всех обстоятельствах испытывать интимное и любовное соединение с Богом. По вероучению Церкви духовная зрелость человека состоит в признании Святого Духа принципом его жизни во всех пределах [6, с. 89], а одобрение ситуаций, на которые повлиять невозможно, имеет ключевое значение [9, с. 62–63]. Смысл и новизна этого подхода четко обнаруживается в плане языка. Бог, который превыше времени, может водителя в пробке обеспечить опытом общения с собой, как пророка [1, *Осия* 2: 16; 4, с. 24]; шум представляет собой эхо Божьего присутствия [4, с. 25], вагон поезда – место медитации, а улицы города – коридоры монастыря [2, с. 20]. Даже кофе можно пить вместе с Богом [4, с. 61–62]. Указание на обыденные элементы подчеркивает потенциал контемплиции в городе.

Эффективность «городской» контемплиции

Измерение эффективности представляемой контемплиции отличается от методологий употребляемых в сферах более точных наук. Различие проистекает из собственного, теологического основания. Связь с невидимым Богом в качестве принципа противостоит систематическому направлению на видимые эффекты [10, с. 19]. По этой причине Малые братья Иисуса отказываются измерять эффективность своего присутствия у людей, опираясь на веру, что жизнь посвящена любви и контемплиции даст плоды в означенном Богом времени. Согласно словам Христа: «один сеет, а другой жнет» [1, *От Иоанна* 4: 37] они воспринимают себя как предшественники Божьему действию [10, с. 22], оставляя Господу заботу о результатах. Ярко высказывается, что гарант эффективности это Бог самый [10, 20] и что задача человека это «осознание воздуха», который представляет мягкое действие Святого Духа [4, с. 58]. Отступление от мировой меры активности является следствием пути Иисуса, который отвергнул приобрести крупную позицию в обществе, а напротив жил как рабочий и принял крест ради спасения [4, с. 27]. Об этом свидетельствуют слова: «Приятие такого подхода, *антиуспеха*, человеческого не осуществления, выступает только в результате непосредственной встречи с Тем, который самое великое добро и счастье» [10, с. 37]. Таким образом, духовному открытию для города сопутствует одновременно особый способ участия в его жизни.

Ценность созерцательного подхода по отношению к обществу заключается в некоторых подробных аспектах. Первым является сама молитва, поскольку, как результат любви, она касается всех людей, называемых братьями во Христе [4, с. 30]. Существенная связь любви Бога и человека отражается в просьбе за всех. Но есть и другой аргумент: если человек отождествляется с миром [4, с. 57], а молитва обнимает всю его жизнь, то люди постоянно имеют место в его созерцании Бога [4, с. 63–64.70; 10, с. 38]. Особенно молитва соединена с жертвованием и покаянием как две руки Моисея [4, с. 65]. Она отвечает евхаристическому жертвованию Христа и вопреки трудностям характеризуется сверхъестественной радостью и духовным миром.

Следовательно, раскрытие проблемы обнаруживает важное значение внутреннего изменения человека, совершающего созерцание. Опыт пустыни состоит в неудовлетворении обычных способов действия, вместе с активностью ума, вследствие чего проявляется как шок, но на самом деле стремится к умению молиться через самую жизнь в любовном соединении с Богом [4, с. 62–64]. Каретто представляет свое очищение как переход от бесплодия к сласти, признавая суть дела в акцептации себя и в новом опыте Бога [2, с. 22–23].

Обновление духовной жизни созерцателей становится первой площадкой изменения города. Малые братья парадоксально подчеркивают, что прежде всего целью их присутствия в местах городской работы не является свидетельство веры, даже посредством только хорошего поведения, а очищение своего отношения к другим: «мы не пришли на работу обращать других в веру, но обращать нас самих» [10, с. 25]. Благодаря конфронтации происходит познание своей нищеты, отступление от эгоизма и отзывчивость принимать Иисусово действие. Здесь обнаруживается реализм духовного толкования жизни. С другой стороны предполагается возможность разговора о вере, которая, однако, следует постепенному возрастанию дружбы [10, с. 25]. Дохерти советует не приглашать людей к своей внутренней пустыне, но полностью принимать всех, которые придут по своей воле [4, с. 40–41.58]. Такой постулат подчеркивает значение первенства личного обновления созерцателя, которое отражается на других словно вибрации, привлекающие к этому способу и к Богу [4, с. 59–60]. Это превращение представляется посредством опыта, по которому созерцатель получает Божий мир рождающий молчание – глубокое состояние любви, которое объявляет другим присутствие Бога, его любовь и мир [4, с. 26–27]. Человек представляет собой визуализацию Господа, проходящую прежде всего в плане онтологии, существа (сохраняя разницу божественной и человеческой субстанций), а также в плане действий, например службы, слова, гостеприимства (человек в качестве моста между Богом и другими) [4, с. 40–41]. Жизнь созерцателя описывается как тайное «ношение Бога» каждому человеку, в принципе через простое присутствие [4, с. 70–75].

Данный подход представляет собой одну из возможностей религиозного влияния на мир. Его скрытая эффективность правильно обосновывается теологией и подтверждается как опытом созерцателей, так и потенциальными свидетельствами соучастников той же самой городской жизни. Он способствует интеграции личности, религиозного и светского, индивида и общества.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета [Синодальный перевод]. URL: <http://prav-book.ru/books/view/1-библия-книги-священного-писания-ветхого-и-нового-завета-синодальный-перевод> (дата обращения: 12.10.2016).
2. *Carretto C. Pustynia w mieście*. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1985.
3. *Chryssavgis J. W sercu pustyni. Duchowość ojców i matek pustyni*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007.
4. *Doherty de Hueck C. Pustynia. Duchowość chrześcijańska dla człowieka Zachodu*. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1991.
5. *Gannon T., Traub G. Pustynia i miasto*. Kraków: Wydawnictwo WAM, 1999.
6. *Garrigou-Lagrange R. Trzy okresy życia wewnętrznego wstępem do życia w niebie*. Niepokalanów: Wydawnictwo Ojców Franciszkanów, 2001.

7. *Godawa M.* Conditioning of Intellect in Christian Contemplation in the Light of Definitions and St. Augustine's Experience // *Bogoslovni vestnik* 75 (2015) 3, p. 525-540.
8. *Kozera M.* Idealy ojców pustyni. Pathos i apatheia. Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2000.
9. *Liguori A.M.* Umiłowanie Jezusa Chrystusa w życiu codziennym. Kraków: Wydawnictwo Homo Dei, 2010.
10. *Mali bracia Jezusa.* Kontemplacja na drogach ludzkich. Poznań: W drodze, 1991.

Светлана Николаевна Оводова
доцент кафедры теологии и мировых культур,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: sn_ovodova@rambler.ru

ГРАЖДАНСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ СООБЩЕСТВА В ГОРОДЕ: ОТПЕЧАТКИ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНФИГУРАЦИИ*

Аннотация. В статье обосновывается взаимосвязь физического и социального пространства города. Описываются методики исследования ареалов бытования гражданских и религиозных сообществ в городе, способы изменения ими пространства городской среды.

Ключевые слова: городские сообщества; город; религиозные организации; идентичность.

Svetlana Ovodova
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

CIVIL AND RELIGIOUS COMMUNITIES IN THE URBAN: REPRESENTATION OF A SOCIAL ORDER IN A SPATIAL PATTERN

Abstract. The article proves the relationship between the physical and social space of the city. Methods of research of the distribution areas of civil and religious communities in the city are described. The ways of changing the space of the urban environment by civil and religious communities are revealed.

Keywords: urban communities; city; religious organizations; identity.

В названии нашей статьи просматривается аллюзия на статью Р. Парка «Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок», в которой Парк пишет о социальной экологии, расселении горожан, ареалах их обитания. Рассмотрение города через городские сообщества позволяет выявить социальные механизмы и способы их проявления в пространстве городской среды.

Чикагская социологическая школа, представителями которой являются Л. Вирт, Р. Парк, Э. Бёрджесс, пытались выявить взаимообусловленность социального и физического пространства в большом городе. Для них было очевидным, что город порождает новые формы консолидации людей не свойственные деревне: «локальные сообщества можно сравнивать с точки зрения ареалов, которые они занимают, и с точки зрения относительной плотности населения в этих ареалах. Однако сообщества не являются простыми скоплениями населения. Города, особенно крупные, где отбор и сегрегация населения зашли наиболее далеко, проявляют ряд морфологических свойств, не встречающихся в меньших по размеру популяционных агрегатах» [7, с. 11].

Взаимозависимость физического облика города и социального порядка заключается в том, что физическое пространство: планировка города, пространственная конфигурация (социологи используют разные термины) предопределяет социальный порядок, способы взаимодействия и образ жизни людей в городе: «Структура города поражает нас своей зримой масштабностью и сложностью, но эта структура имеет свою основу в человеческой природе, выражением каковой она является. С другой стороны, эта широкая организация, возникшая в ответ на нужды его обитателей, однажды сформировавшись, навязывается им как грубый внешний факт и формирует их, в свою очередь, в соответствии с замыслом и интересами, которые она в себе воплощает» [8, с. 20]. Таким образом, городская структура навязывает го-

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Омской области, проект № 17-13-55002, номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта: АААА-А17-117041310093-8.

рожанам особые способы расселения, коммуникации и социального взаимодействия. Однако и горожане влияют на физическое пространства города, формируют его облик, именно поэтому мы можем сказать, что социальный порядок и физическое пространство в большом городе взаимообусловлены: «С течением времени каждая часть города и каждый квартал приобретают что-то от характера и качеств их обитателей. Каждая особая часть города неизбежно окрашивается особыми чувствами и умонастроениями своей популяции. Следствием этого является превращение того, что поначалу было всего лишь географическим проявлением, в соседство, т.е. место со своими особыми умонастроениями, традициями и собственной историей. В пределах такого соседства каким-то образом поддерживается преемственность исторических процессов» [8, с. 21]. В городе формируются особые законы сожителства людей, специфика которых отлична от сосуществования людей в деревне. В чем же проявляется специфическая природа социально порядка в городе? Исторически крупные города – это торговые и коммуникационные узлы. Город – плавильный котел, куда стекаются жители из областей, других городов и других стран. Следовательно, говорить о наличии развитых родовых традиций, охватывающих все население города невозможно. Изначально город представляет собой дробное образование. Г. Зиммель подчеркивал, что в городе происходит максимальная атомизация общества [4, с. 6]. Для того, чтобы описать специфический характер социальной коммуникации в большом городе, отличающийся равнодушием, Зиммель предлагает особый термин – блазированность. Желание людей в большом городе минимизировать усилия, затраченные на поддержание устойчивых социальных и родственных связей, для Зиммеля является неотъемлемой характеристикой городской жизни. Обратной стороной отчужденности и изолированности людей друг от друга является индивидуальность. Зиммель подчеркивает, что именно в городе возможно развитие индивидуальности, т.к. в родовой сельской жизни людей индивидуальность подчиняется общему.

Большие города – это плавильные котлы, порождающие переход от общины к сообществам. В больших городах разрушаются общинные связи, однако складываются особые городские сообщества. Существующие городские сообщества, несмотря на свою «невидимость» и порой не институционализацию играют очень большое значение. Таким образом, городские сообщества – это формы сплочения горожан для решения общих проблем. Городские сообщества влияют не только на социальное пространство, но и на физическое пространство города, перестраивая его под свои нужды.

Представители чикагской социологической школы стали исследовать локальные городские сообщества, формирующиеся в городе, описывали процессы мобильности и агрегации горожан. В своих работах Э. Бёрджесс пишет о росте городов и зонировании территории города [1]. Он описывает идеальную схему города, представляющую собой концентрические ареалы, расходящиеся от центра. В предложенной Бёрджессом схеме каждый район города функционально зонирован (бизнес-центр, промышленная зона, спальные районы и т. д.). В данной схеме иллюстрируется, как физическое пространство города репрезентирует и визуализирует социальную систему, выявляются особые городские сообщества в рамках этих функциональных зон: рабочие, бизнесмены, бедняки, мигранты и т. п.

Коррелят физического и социального пространств также прослеживается в исследованиях гетто, диаспор, мигрантов, осуществляемых чикагской социологической школой. Процессы миграции приводят к тому, что в городе образуются локальные сообщества, объединенные культурой и расово-национальными признаками. Данные сообщества селятся в пределах конкретного района города, что позволяет выделять данные городские сообщества не только по территориальному признаку или профессиональной консолидации, но и по культурно-ценностным основаниям. «Эти ареалы тяготеют к акцентировке определенных черт, привлечению и развитию своего особого типа индивидов и, тем самым, к углублению дифференциации» [1, с. 176]. В пространственных конфигурациях города запечатлется социальный порядок, жизнь в отдельных ареалах может быть описана за счет конструирования типичного жителя: «сообщество повсюду тяготеет к некоторому образцу (pattern) и этот образец неизменно оказывается конstellляцией типичных городских ареалов, которые могут быть геогра-

фически локализованы и пространственно определены <...> В больших городах расхождение в манере поведения, жизненных стандартах и общих взглядах на жизнь в разных городских ареалах часто поражает воображение» [7, с. 15]. Показательным является, что при смене социального статуса и улучшении качества жизни представитель сообщества гетто стремится его покинуть и сменить ареал своего обитания. Это демонстрирует, что конкретное локальное сообщество (в данном случае гетто), связанное с определенным физическим пространством города, обладает рядом ключевых моделей поведения, воспроизводимых в пределах данного ареала расселения, поэтому при изменении социального статуса, уклада жизни и модели поведения человек стремится переселиться в район, где доминирует вновь приобретенный им уклад жизни. Исследования гетто позволяют описать типичного жителя гетто посредством выявления ключевых свойств локального сообщества. Исследования мобильности позволяют обнаружить иерархию городских сообществ, а также описать ценностные ориентиры жителей сообществ. Изучение мобильности и передвижений в городе показывает стили жизни, это положение используется в современных исследованиях, осмысляющих мобильность в современном городе.

Ранее городские сообщества разграничивались территориально: это прослеживается в исследованиях Бёрджесса, когда он выделяет функциональные зоны в городе и описывает жителей и их интересы, также это прослеживается в подходе Парка, который также обращает внимание на ареалы расселения горожан и на мобильность, как на особый индикатор социальной дифференциации горожан, территориальный подход применяется при исследовании гетто, т.к. гетто селились в особой части города. Территориально-функциональное зонирование города являлось визуальным отражением социальной дифференциации, т.к. функциональным зонам соответствуют определенные образы жизни. Выделяемые по такому основанию (территориальное расселение, ареал расселения, принадлежность функциональной зоне) городские сообщества могут быть описаны как локальные, так как в пределах города они формируют особые замкнутые социальные группы, закрепленные за определенным районом города. Представители городских локальных сообществ сконцентрированы в особых районах города. Стоит заметить, что в связи с данным подходом к изучению города представители чикагской социологической школы используют понятия «локальные сообщества» и «городские сообщества» как синонимы. Изучение локальных городских сообществ вызывало интерес не только в связи с увеличением темпов урбанизации, ростом количества и масштабов городов, но и с тем, что посредством изучения локальных сообществ можно было изучать проявление социального неравенства в городе, выявлять ареалы неблагополучных сообществ.

В представлении родоначальника отечественного урбанизма Вячеслава Глазычева город складывается из трех составляющих: 1. Публичное пространство. 2. Досуг (в любой момент наличие в городе незанятого трудовой деятельностью населения). 3. Городские сообщества. Таким образом, с точки зрения Глазычева, город – это то, что формируется в процессе единения публичного пространства, городских сообществ, досуга. Глазычев называет четыре объекта, вокруг которых формируется городское сообщество и рядом с которыми складывается публичное пространство. Эти объектами являются: биржа, суд, театр, городской рынок [2]. Глазычев не называет в качестве объединяющего начала храм, церковный приход, хотя именно он во многих поселениях является тем объектом, которое создает публичное пространство и объединяет жителей в сообщество.

Городское сообщество объединяется вокруг чего-либо (проблемы, места и т. п.), ключевым для жизни сообщества является то, что его объединяет. В связи с этим интересным является терминологическое замечание В.Л. Глазычева: «Не удивительно, что в момент, когда после хрущевской «оттепели», мы вновь начали интересоваться тем, что делается в мире, и столкнулись с необходимостью найти эквивалент словам *neighborhood* и *community* (сообщество, как правило, объединяющее несколько соседств – вокруг церковного прихода или параллельно с ним), советские специалисты перевели его как «микрорайон» [3]. Приведенная цитата иллюстрирует, что европейское сообщество было объединено церковным приходом, в

советском же городе такого объединяющего начала не было, поэтому были попытки найти иные терминологические конструкции, называющие и определяющие градостроительные единицы. При этом микрорайон, в отличие от neighborhood и community не имел смыслового объединяющего центра.

Представление о связи физического пространства и его влиянии на жителей является ключевым положением в современных качественных социологических исследованиях, основанных на картировании территории. Пространство города является социальным продуктом, отражающимся в образном восприятии горожан своей территории. Картирование позволяет определить ареалы распространения городских сообществ.

Проект «Заповедник» фонда общественного мнения (ФОМ) направлен на изучение отражения жизни сообществ в физическом пространстве территорий. ФОМ изучает не только большие города, но и небольшие поселения. Для них является интересным выяснение повседневного отражения жизни специфических сообществ и отражение этой жизни в повседневных практиках и на карте территории. Внимание ФОМа привлекают не только городские сообщества, но и разные виды сообществ: религиозные, закрытые, экологические, профессиональные, национальные и т. п. «Мы пытаемся понять, что связывает людей в городах и селах России. Как устроены этнические, профессиональные, культурные сообщества. Чем они живут. Как видят пространство вокруг себя. Мы исследуем повседневную жизнь в регионах, организуем экспедиции, следим за событиями в жизни разных социальных групп» [6]. Это междисциплинарный проект, который создается силами социологов, антропологов, этнографов, журналистов, фотографов. Выявление сообществ в рамках данного проекта осуществляется на основе территориального признака. Выделяется конкретная территория, поселение, город, район, в котором находится интересное сообщество и происходит описание специфической повседневной практики. Как определяется «специфичность», «интересность» практики? Исходя из сопоставления данной практики с повседневной практикой исследователей. Если повседневная практика сообщества не укладывается в привычный фрейм исследователя, то эта повседневность вызывает интерес у исследователей и читателей. Выделяемые в ходе исследования сообщества скорее можно назвать локальными и соседскими, нежели городскими, так как основания их выделения является не интерес к переустройству города. Скорее основой для выделения этих сообществ являются ареалы их распространения.

Интерес вызывает неординарность и непохожесть повседневной практики. Нам видится, что исследователи фиксируют в повседневности некоторые формы проявления идентичности, что и позволяет им некоторую совокупность людей, обитающих на определенной территории определять как сообщество.

В качестве примера приведем статью «Дороги к храму» [5]. В ходе исследования Москвы было выделено три «квартала»: мусульманский, армянский и еврейский. Главными точками притяжения являются Соборная мечеть, армянский собор, Еврейский общинный центр. Вокруг религиозных центров группируются сувенирные лавки, магазины с религиозной атрибутикой, кафе с подходящей для каждой религиозной общины пищей и т.п. В городе были выявлены ареалы, маркированные жизнью религиозных общин, предложена карта, запечатляющая эти ареалы. У самих религиозных организация не вызывает интерес их жизнь, она для них обыденна, но именно взгляд извне, позиция Другого превращает их обыденность и уникальность и своеобразие. Взгляд исследователя позволил увидеть идентичность религиозного сообщества, проявляющуюся в отпечатках на карте города. Изучение религиозных сообщество через их повседневность, проявляющуюся в городской среде интересное направление исследований. Изучение повседневности позволяет реконструировать жизненные миры и те отпечатки, которые оставляет на карте города социальный порядок.

Гражданские городские сообщества также стараются запечатлеть на карте города жизнь своего городского сообщества. В качестве примера приведем кейс, связанный с деятельностью омских городских сообществ. В 2012 году произошли ключевые события, которые запустили цепную реакцию активистской деятельности в г. Омске. Основанием для начала деятельности городских сообществ, движений и проектов было желание улучшить среду города. Изна-

чальным желанием было, чтобы в процессе выработки решений, связанных с обустройством городского пространства учитывалось мнение местных жителей.

Представители городских сообществ занимаются восстановлением социальных связей посредством вовлечения жителей города в совместную деятельность по преобразованию публичного городского пространства. Данные социокультурные практики должны сформировать у горожан ощущение сопричастности жизни города, заставить их идентифицировать себя с регионом. Молодежные городские сообщества Омска стремятся к созданию модели региональной идентичности, отвечающей их самоощущению. Демонстрируемые ими социокультурные практики направлены на преобразование физического и социального пространства города. Процесс формирования идентичности городских сообществ Омска сопряжен с изменением городской среды и вовлечением горожан в активный досуг. Данный процесс происходит посредством воркшопов, в результате которых осмысливается идентичность и выработываются проекты по улучшению публичных пространств. Проекты развития Омска, сформированные представителями городских сообществ, подвергаются открытому обсуждению с дальнейшей совместной реализацией этих проектов, как руководителями городских сообществ, так и горожанами.

Городские сообщества Омска воспитывают гражданское общество, формируют навык самоорганизации социальных групп. Своей деятельностью городские сообщества Омска пытаются компенсировать существующие пробелы в социальной и культурной политике региона. Городское сообщество, начавшись с протеста против градостроительных решений, против конкретных преобразований публичного пространства и сформировавшись в активного актора, принимающего решения, отстающего свою позицию, также начало фиксировать себя в физическом пространстве города. Примерами такой маркировки являются не просто отдельные объекты установленные в городском пространстве, а создание точек притяжения для горожан, публичных пространств, вокруг которых собираются жители и где происходит формирование гражданских городских сообществ.

Стоит отметить, что интерес к качественным исследованиям городских сообществ растет. Во многих городах проводятся исследования, направленные на выявление социальных паттернов местного сообщества. Переключение интереса в исследованиях местных и городских сообществ от изучения ареалов и выявления проблем неравенства к изучению публичных пространств обусловлено изменением дискурса урбанистики, появлением нового урбанизма. Новый урбанизм акцентирует значение улицы, возврат социальности, спонтанности социальной жизни.

Взаимосвязь физического пространства и городского сообщества трансформировалась. Ранее городские сообщества понимались как локальные, так как они выделялись по территориальному признаку. Локусы, в которых селились городские сообщества, демонстрировали социальный статус горожан. В связи с развитием и ростом городов такая строгая взаимосвязь социального статуса и места жительства в городе размывается, поэтому городские сообщества начинают объединяться не просто по принципу соседства, а на иной основе. Городские сообщества выражают свое отношение к проблемам всего города. Однако связь городских сообществ и физического пространства остается, так как интерес современных городских сообществ направлен на публичные пространства: парки, улицы, места досуга и т. п. Несмотря на то, что Омское городское сообщества не является соседством, локальным сообществом, т. е. выделяется не по основанию территориального признака, оно все равно начинает маркировать территорию, оставлять отпечатки своего присутствия, посредством создания новых публичных пространств, которые являются точкой притяжения участников городского сообщества.

Изменение понимания городского сообщества от сообществ, связанных с экологией человека, со спецификой расселения в городе малых групп (гетто, диаспоры, мигранты и т.п.), к самоорганизующимся сообществам, которые представляют собой основу формирования гражданской культуры, демонстрируют изменение в самоидентификации городских сообществ.

Литература

1. *Берджесс Э.* Рост города: введение в исследовательский проект // *Личность. Культура. Общество.* 2002. Т. VI. Вып. 1–2 (11–12). С. 168–181.
2. *Глазычев В.Л.* Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов // Сайт Вячеслава Леонидовича Глазычева. URL: http://www.glazychev.ru/courses/1998-10-30_predstavlenie_o_gorode.htm (дата обращения: 20.03.2016).
3. *Глазычев В.Л.* Урбанистика: Европа. М., 2008. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/104260/17/Glazychev_-_Urbanistika._chast%27_2.html (дата обращения 20.03.2016).
4. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // *Логос.* 2002. № 3 (34). С. 6. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения 16.08.2015).
5. *Кожевина Е.* Дороги к храму // URL: <http://zapovednik.space/material/dorogi> (дата обращения: 31.08.2016).
6. О проекте // *Заповедник: сообщества и места их обитания.* URL: <http://zapovednik.space/about> (дата обращения: 31.08.2016).
7. *Парк Р.Э.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // *Социологическое обозрение.* Т. 5. 2006. № 1. С. 11–18.
8. *Парк Р.* Избранные очерки: сб. переводов. М.: РАН ИНИОН, 2011. 320 с.

Елена Жановна Шуплецова
заведующая кафедрой дизайна интерьера,
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: el-jane@yandex.ru

ГАРМОНИЗИРУЮЩЕЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые способы преобразования визуальной среды, влияющие на создание эмоционально-позитивного пространства города.

Ключевые слова: город; визуальная экология; среда; эмоциональное восприятие; комфорт; позитивный образ.

Elena Shupletsova
Russian State Professional Pedagogical University,
Russian Federation, Yekaterinburg

HARMONIZING TRANSFORMATION OF VISUAL ENVIRONMENT OF THE CITY

Abstract. The article discusses some ways of transforming the visual environment that affect the creation of an emotionally positive space of the city.

Keywords: city; visual ecology; wednesday; emotional perception; comfort; positive image.

Глобальный и многоплановый процесс урбанизации оказывает отрицательное воздействие на окружающую нас среду, трансформирует городское пространство, что ведет к психологическому дискомфорту человека. Плотная городская застройка мегаполиса, неизбежная скученность людей, транспорта, рекламы изменяет визуальную среду города. В подобных условиях стратегическую важность имеют мероприятия, направленные на повышение качества окружающей среды, благоустройство и озеленение города, формирование зон экологического комфорта, так как из совокупности настроения жителей, гостей города в общественном пространстве и визуальной городской среды формируется эмоциональный фон города (способность городской среды влиять на настроение и эмоциональное состояние и горожан, и приезжих).

Первой характеристикой визуальной экологии является эмоциональный аспект, составляющими которого являются образные характеристики, цветовое, световое и формообразующие предпочтения. Второй характеристикой визуальной экологии является пространственная организация: структурные коммуникации между жильем, работой, местами отдыха. Пространство города занимает одно из основных мест нахождения человека в течение дня, поэтому элементы предметно-объектной среды, так или иначе, оказывают свое влияние на человека.

К истощению визуальной среды ведет бесконечное однообразие форм (предельно функциональная жилая и промышленная застройка, бесконечные заборы и ограждения, плоскости бетона и стекла общественных зданий), доминирование уныло-серого цвета, преобладание прямых линий, углов и плоскостей. Современная среда города пронизана гомогенными и агрессивными видимыми полями, первые из которых представляют малонасыщенную визуальными элементами среду (монотонность застройки, глухие плоскости зданий, туннели, подземные переходы и пр.), когда не за что «зацепиться» взгляду; вторые – среду, наоборот, перенасыщенную множеством одинаковых элементов (ряды однотипных членений, тиражируемость окон домов, ритмы геометрических модулей и т. д.) [3, 5].

К деградации визуальной городской среды ведет и *избыточность* визуальной информации, влекущая за собой, с одной стороны, перенасыщение и нечувствительность в восприятии и информационных, и чувственных образов (использование большого количества интенсивного цвета, их беспорядочные сочетания влекут за собой утрату восприятия естественных

цветов и оттенков). С другой стороны, «избыточность восприятия вызывает привыкание», ведущее к «перееданию» визуальной информации и «человек пытается жить без экрана, без зависимости от него» [2, с. 163].

Грамотно организовывая видеосреду современного города, можно значительно улучшить его визуальную среду. Избежать использование больших плоскостей и прямых углов поможет обращение современной архитектуры к нелинейности, осваивающей «сложную математическую парадигму нелинейности и новые динамические принципы формообразования» [1, с. 164]: «космогенной» архитектуре, отражающей эволюционные процессы Вселенной; «лэндформной», обеспечивающей метафорическую связь архитектуры и скрытой природной энергии; «киберпространственной» и «дигитальной», ориентированных на компьютерные технологии. Суть данных направлений архитектуры – отход от геометрии, принципов симметрии и порядка, стремление к отражению природных явлений, что позволит создать новую целостность, новую органику мира.

Если уменьшить вредное воздействие факторов среды по каким-либо причинам затруднено, то можно снивелировать их негативное влияние, превратив статичные фасады в интерактивные поверхности, динамично меняющие свой наружный облик (медиа-архитектура); более простые способы – использование на плоскостях вертикального озеленения, встраивание в ткань города, его объекты мобильных систем озеленения.

Стены домов, туннелей, асфальта, бордюров можно легко использовать, например, для одного из направлений рекламы будущего – реверсивного граффити или экологической рекламы, выполненную из мха (mossgraffiti); компании Cleanadvertising или Reversegraffiti, например, используют воду, траву, деревья и т. д. Западные компании, используя подобную рекламу, оказывают минимальное влияние на окружающую среду, а благодаря контрасту с окружающей поверхностью получается ярко выраженный рисунок. В столице первые надписи уже есть – это надпись «Москва – зеленый город», выполненная из настоящего мха на стене «Дома книги» на Новом Арбате. Подобную рекламу планирует создавать в Санкт-Петербурге компания ANR Media. Срок жизни реверсивной рекламы до двух месяцев, но при этом имеет два главных плюса: экологичность и экономичность; их можно изготавливать в любом виде – и вертикально, и горизонтально. Компания планирует создавать рекламу на газонах, снегу, песке, фасадах зданий: фигуры и надписи на бетонных серых стенах напомнят людям об их связи с природой.

Другим примером решения проблемы может служить использование проекций картинок, коротких рисованных от руки мультфильмов на предметы городской среды (здания, деревья, газоны). Так, работают, например, художники Моротта и Сесилия Солоага, известные как Vjsuave, распространяющие информацию с помощью велосипеда, видеопроектора и ноутбука (направление, в котором они работают, называется виджейинг или видео-мэппинг). Картинка движется в пространстве с помощью велосипеда и не оставляет следов на стене – ведь это видео-проекция, своего рода «граффити». Именно таким эко-языком лучше всего напомнить горожанам об актуальных проблемах общества, простых человеческих ценностях и экологии, в частности.

Необходимо обратить внимание на природные и архитектурные объекты (парки, скверы, набережные, водоемы, исторически ценные архитектурные сооружения), так как их «разнообразие, соразмерность и ритм природного формообразования обеспечивают необходимый материал для благоприятных визуальных ощущений» и получения эмоционального и эстетического удовлетворения [4]. Районы города нуждаются в создании гармоничных связей архитектурных форм, декоративных элементов с ландшафтом, оказывающих успокаивающее действие на психику человеку. Так, улица Вайнера – пешеходный сегмент со скульптурами, обустроенный местами для отдыха и световыми элементами, стала точкой притяжения горожан и гостей города, создав положительный эмоциональный фон.

Перемещаясь в пространстве пешком, человек непроизвольно смотрит под ноги. Восприятие тонн асфальта, монотонно тянущегося вдаль, или метрического ритма тротуарной плитки (гомогенные объекты) приводит к стрессу, обусловленному их длительным созерца-

нием. Если визуально изменить форму плитки, придав ей гармоничную форму (например, вызвать ассоциации с элементами декоративного орнамента), подсветив ее, число пешеходов, несомненно, увеличится.

Согласно теории основоположника видеоэкологии В.А. Филина, при помощи профессиональной подсветки городских объектов и качественной световой рекламы возможно улучшить визуально-экологическую среду. Например, внешний вид наиболее «гомогенных» средовых объектов можно изменить, используя современные осветительные технологии, которые позволяют организовывать движения света в природном ритме (лазерная или оптоволоконная рекламная подсветка). Перенасыщенную, «агрессивную» среду – «погасить», световыми контрастами выделив необходимые глазу «архитектурные излишества». Интересные архитектурные решения подчеркнуть цветовым ритмом, а «не убивать» безжизненно однородной подсветкой.

Особое внимание необходимо уделить такому инновационному рекламному средству, как дополненная реальность. Интерес к данному методу обуславливается тем, что основная задача дополненной реальности – не отделение конечного пользователя от реального мира, а создание площадки для интерактивного взаимодействия с интересующимся объектом, некими физическими образами или конкретной средой в режиме реального времени.

Таким образом, визуальная среда города рассматривается в качестве фактора гармонизации экологического и психологического комфорта, в процессе нахождения в которой у потребителя возникает прочная коммуникативная и эмоциональная связь с ней, а ее проектирование в идеале должно содействовать созданию позитивного образа города.

Литература

1. *Добрицына И.А.* От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.
2. *Колесникова Д.А.* Что такое визуальная экология? // Экологическая эстетика: проблемы и границы / под ред. В.В. Прозерского. СПб.: С.-Петербург. филос. об-во, 2014. С. 157–165.
3. *Колесникова Д.А., Савчук В.В.* Визуальная экология как дисциплина // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 41–50.
4. *Кузнецова А.Г.* Знакомьтесь: визуальная экология // Архитектура, Строительство, Дизайн. 2004. URL: <http://www.archjournal.ru/rus/07%2048%202008/znakomtes.htm> (дата обращения: 05.06.2017).
5. *Филин А.В.* Видеоэкология. Что для глаз хорошо, а что – плохо. М.: Видеоэкология, 2006. 512 с.

Елена Валентиновна Головнёва
доцент кафедры культурологии и дизайна,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: golovneva.elena@gmail.com

АМБИВАЛЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР ОБРАЗА СИБИРИ*

Аннотация. В статье дается представление об образе Сибири как социокультурном конструкте, включающем в себя положительные и отрицательные коннотации. На основе данных прикладных наук делается вывод об устойчивом характере воспроизводства образа Сибири в культуре.

Ключевые слова: образ региона; конструирование; конструкт; стереотипы; Сибирь.

Elena Golovneva
Ural Federal University,
Russian Federation, Yekaterinburg

THE DUALISTIC NATURE OF THE IMAGE OF SIBERIA

Abstract. This article offers arguments in favor of understanding the image of Siberia as a social and cultural construct. Based on the data of the applied sciences, the author came to conclusion about lasting nature of the image of Siberia

Keywords: image of region, constructing, construct, stereotypes, Siberia.

Как правило, под образом объекта понимается циркулирующая в культуре совокупность представлений о нем. Согласно конструктивистскому подходу, образ объекта создается, не только исходя из характеристик самого объекта, но и является результатом воздействия ряда иных факторов, т.е. его возникновение носит относительно самостоятельный характер по сравнению с созданием или формированием самого объекта [7, с. 28]. Образ соединяется с нравственно-этическими, социокультурными ценностями, оценочными суждениями, «является результатом продуктивной деятельности воображения, создающей различные модели и конструкции и проводящей мысленные эксперименты» [8]. В таком понимании образ объекта приобретает признаки конструкта.

В контексте региональных исследований особое значение приобретает такая разновидность образов, как пространственные или геокультурные образы. К настоящему времени в мировой науке сформировалось особое направление, изучающее механизмы формирования таких образов, как на внутренних материалах той или иной страны, так и в отношениях между различными государствами, которое получило название «Образы Других». В отечественном социогуманитарном знании концепция геокультурных образов наиболее полно была разработана Д.Н. Замятиным, согласно которому, географические образы являются наиболее компактным, сжатым знанием или сознанием какой-либо территории, демонстрируют степень ее ментального освоения [5, с. 108]. Другими словами, геокультурные образы представляют собой совокупность ярких, характерных знаков, символов, ключевых представлений, связанных с пространством, они представляют собой не только опосредованное отражение реальности, но и фактор ее изменения, динамики [4]. Базируясь часто на действительных отдельных фактах и проявлениях, такие образы в то же время становятся основой для формирования целой системы мифологических концепций и представлений. В целом, географический образ подразумевает возможность «разархивирования», разворачивания целого ком-

---

*Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта №16-33-01038/17-ОГОН.

плекса представлений, связанных с определенной территорией; цепь, идущих от него ассоциаций, крайне разнообразна.

Обратимся к характеристике образа Сибири. Существующие в современной культуре представления о Сибири, как правило, поддерживаются и разделяются на обыденном и теоретическом уровне, обладают относительной устойчивостью, но даже поверхностный анализ демонстрирует их амбивалентность. Областник Н.М. Ядринцев в свое время отмечал, что едва ли есть на свете «страна», подобная Сибири, о которой бы существовали столь смутные и столь разнообразные мнения [11, с. 21], а современный философ Д.Н. Замятин с позиции метагеографии определяет эту ситуацию как «Двойную Сибирь» [6].

С одной стороны, в исследованиях, посвященных Сибири, выделяется позитивный образ этого региона в контексте российской цивилизации. Отмечается, что Сибирь занимает особое место в пространстве России, связывает европейскую и азиатскую ее части, является своеобразной натуральной моделью, в которой представлены все основные социокультурные составляющие российского общества – цивилизационные, этнические, конфессиональные. С другой стороны, существует восприятие Сибири как типичного российского региона, институциональные условия развития которого не эволюционируют в направлении технологических и социальных преобразований структуры экономики и общества, а развитие ее территории часто характеризуется как неустойчивое [13]. Н. Ссорин-Чайков называет порядок государственности в Сибири «порядком бесконечно откладываемого порядка» [9, с. 165], а сотрудники Брукингского института Ф. Хилл и К. Гэдди именуют Сибирь «проклятием» России, тормозом развития ее рыночной экономики, бременем климатического и географического плана [13]. В таком представлении Сибирь – замкнута на себя, в ее существовании отчетливо выражается момент стагнации. Не случайно, Д.Н. Замятин описывает Сибирь в образе шара или сферы, в котором большинство знаков, символов, архетипов и стереотипов удобнее представлять «как постоянно закругляющуюся бесконечную поверхность, ориентированную в любой ее точке на самое себя» [6].

На обыденном уровне жители Европейской России часто воспринимают Сибирь как край отдаленный, дикий, место ссылки и каторги, «область, удаленную от культуры и модернизации» [12, р. 2]. В то же время, у иностранцев существует довольно устойчивый позитивный образ Сибири и сибиряков, по сравнению с Европейской Россией. Например, на основе словарных толкований слова «Сибирь» в англоязычном сознании филолог М.В. Терских приходит к выводу, что Сибирь устойчиво воображается в качестве глубинного района Евразии, символизирует собой слабо тронутую человеком, суровую и в то же время таящую в себе неизведанные богатства природу. Базовые слои концепта «Сибирь» образуют у иностранцев, прежде всего, характеристики местоположения Сибири («регион России»), пространственные характеристики – «большая территория», «территория от Урала до Тихого океана», «северная треть Азии», «23 % территории Евразии». По данным исследований М.В. Терских, большинство иностранных респондентов хотели бы отправиться в Сибирь [10]. Интерес к Сибири как отдаленному и экзотическому краю проявляется и на уровне кинематографа: фильмы о Сибири традиционно вызывают большой интерес у зарубежных зрителей и получают престижные награды в других странах, оставаясь зачастую незамеченными в рамках отечественного кинопроизводства¹. В глазах многих иностранцев Сибирь вносит свой вклад в мировой обмен культурными ценностями: этническое разнообразие, близость к природе и духовность воспринимаются во всем мире как положительные черты сибирской реальности.

Данный географический образ Сибири, амбивалентный по своей природе, получил свое оформление уже в XIX веке и продолжал успешно развиваться в XX веке. Очевидно, что сложившиеся исторически образы Сибири в советское и постсоветское время были дополнены и подверглись существенной трансформации под влиянием новых факторов. Вместе с тем, как показывает исследование А.Э. Зайнутдинова, современные когнитивные образы Сибири, во многом, строятся на тех же основаниях: дистанцирование сибиряков от жителей Ев-

¹ См., напр. «Сибирь. Монамур» (2011) реж. Вяч. Росс.

ропейской России, особенность природно-климатических условий региона, географическая удаленность, экономическое неравенство с центром [3].

Опрошенные в ходе экспертного интервью респонденты (2010 год) в качестве особенности сибирского региона называли те же параметры, отмечая, что со времени XIX века никаких новых проблем в Сибири не возникло [3, с. 93]. Этнограф Н.Б. Вахтин, на основе анализа понятий «Сибирь», «сибиряк», «сибирское» в Национальном корпусе русского языка, приходит к выводу, что если в конце XVIII века мы находим некий определенный набор ассоциаций, связанный с этими словами, то в конце XX века их окружают не только те новые ассоциации, которые «наросли» на протяжении двухсот лет, но и прежние значения и ассоциации [1]. Недавнее исследование Н.Е. Ершовой, проанализировавшей локальный медийный дискурс, показало, в частности, что образ Сибири по-прежнему связан с акцентированием таких его аспектов, как отдаленное географическое пространство, социальная и экономическая неразвитость региона, его природные богатства и характеризуется значительной двойственностью [2]. Это означает, что заложенная еще в XIX веке логика восприятия Сибири обеспечила инерцию способа функционирования ее образов, а сами они оказались в культуре до некоторой степени самоподдерживающимися.

Литература

1. *Вахтин Н.Б.* От «дикости» к «Другому»: к эволюции образа Сибири и Севера в русском языке // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII. Мифология культурного пространства: К 80-летию С.Г. Исакова.* Тарту: Tartu Ulikooli Kirjastus, 2011. С. 203–216.
2. *Ершова В.Е.* Образ жителя Сибири в медиапространстве Томска и Северска (на материале телевизионных выпусков и радиосообщений) // *Вестник Томского гос. ун-та. Филология.* 2016. № 4 (42). С. 168–180.
3. *Зайнутдинов А.Э.* Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX – XX веков к современному сибирству // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2012. Т. XV. № 2 (61). С. 81–96.
4. *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 118 с.
5. *Замятин Д.Н.* Стратегии интерпретации историко-географических образов России // *Мир России. Социология. Этнология.* М., 2002. № 2. Т. 11. С. 105–139.
6. *Замятин Д.Н.* Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов.* Красноярск: Сибирский федер. ун-т, 2010. С. 7–26.
7. *Мартишина Н.И.* Категория конструирования: за пределами технической интерпретации // *Вестник СГУПС.* 2011. № 25. С. 25–31.
8. Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Стёпина: в 4 т. М.: Мысль, 2001.
9. *Ссорин-Чайков Н.* Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства // *Социология власти.* 2012. № 4–5 (1). С. 155–187.
10. *Терских М.В.* Имидж Сибири в аспекте брендинга туристической дестинации // *Политическая лингвистика.* 2011. № 4 (38). С. 263–272.
11. *Ядринцев Н.М.* Сибирь перед судом русской литературы // *Литературное наследство Сибири.* Новосибирск, 1980. Т. 5.
12. *Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture / Diment G., Slezkine Y. (eds).* – New York: St. Martin`s Press, 1993. – 253 p.
13. *Hill F., Gaddy C.G.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. – The Brookings Institution Press, 2003. – 303 p.

Владимир Борисович Яшин

*доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии,
Омский государственный педагогический университет,
доцент кафедры теологии и мировых культур,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
ведущий специалист – эксперт,*

*Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований – 2,
Россия, г. Омск.*

E-mail: yashin.vb@mail.ru

Мария Владимировна Иванова

*студентка факультета истории, философии и права,
Омский государственный педагогический университет,
Россия, г. Омск.*

E-mail: meru.ivan@mail.ru

**«ОСТАВЬ СВОЙ ГОРОД, БРОСЬ ЕГО...» КЕЙС-СТАДИ НЕОЯЗЫЧЕСКИХ
СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.:
«ПРИРОДОВЕДЫ» В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация. Неоязычество характеризуется крайней степенью плюральности и вариативности как на доктринально-мировоззренческом уровне, так и на уровне социальной организации. Едва ли не самым адекватным исследовательским приемом в этой ситуации становится метод кейс-стади. Как пример в статье анализируется группа неоязычников из д. Надеждинка Муромцевского района Омской области. Данный кейс служит иллюстрацией к той части неоязыческого спектра, где происходит интенсивная диффузия неоязычества и New Age, где акценты смещаются с восстановления утраченных традиций предков на конструирование индивидуального религиозного мира с использованием элементов аутентичного язычества

Ключевые слова: неоязычество; неoarхаика; современная нетрадиционная религиозность; новые религиозные движения; антиурбанизм.

Vladimir Yashin

*Omsk state pedagogical University,
Dostoevsky Omsk State University,*

*Center for humanitarian, socio-economic and political studies – 2,
Russian Federation, Omsk*

Mariya Ivanova

*Omsk state pedagogical University,
Russian Federation, Omsk*

**«LEAVE YOUR TOWN, THROW IT...» CASE STUDY OF THE NEO-PAGAN
RURAL SETTLEMENTS IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY:
«NATURALISTS» IN THE OMSK REGION**

Abstract. Neo-paganism is characterized by an extreme degree of plurality and variability as doctrinal and ideological level and at the level of social organization. Hardly the most appropriate research technique in this situation is to method the case study. As an example the article analyzes the group of neo-pagans of the c. Nadezhdinka Muromtsevsky district of Omsk region. This case illustrates to the part of the neo-pagan spectrum, where there is an intensive diffusion of neo-paganism and New Age, where the focus has shifted from recovering lost traditions of ancestors on the construction of individual religious world using elements of authentic paganism

Keywords: neo-paganism; neoarchaean; modern non-traditional religion; new religious movements; antiurbanism.

Не так давно независимый исследователь А. Белов опубликовал рецензию на коллективную монографию «Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования», один из разделов которой был подвергнут достаточно ощутимой критике [1]. Как это обычно и бывает в подобных случаях, некоторые из замечаний корректны и справедливы, некоторые же вызывают недоумение и желание вступить в дискуссию. Две претензии из второй группы представляют особый интерес, поскольку они связаны с действительно важными проблемами методологического характера.

Так, А. Белов считает недопустимым при анализе современного славянского неоязычества на территории Сибири в качестве примера использовать «одиозную Древнерусскую Инглиистическую Церковь Православных Староверов-Инглингов. Этот эклектичный культ за авторством Патер Дия о. Александра (А.Ю. Хиневича) не рассматривает никакой серьезный исследователь, большинство ведущих идеологов и лидеров крупнейших родноверческих общин страны неоднократно отказали Хиневичу и его единомышленникам в праве на единоверие, однозначно заклеив его, близких ему по духу идеологов и их мировоззрение как псевдо- и антиязыческие, а правоохранительными органами основное писание Инглингов – «Славяно-Арийские Веды» – и вовсе признаны экстремистскими материалами» [1, с. 135–136]. Оставим в стороне то обстоятельство, что по логике автора, поскольку в апреле 2017 г. Верховный Суд РФ признал экстремистской религиозную организацию «Свидетелей Иеговы» и ликвидировал все 395 ее региональных отделений в России, всякий, кто когда-либо изучал эту конфессию или будет пытаться исследовать впредь – «несерьезный исследователь». Важнее другое: религиоведение как особая сфера междисциплинарных научных исследований призвано заниматься всеми проявлениями религиозности как некой данности, не разделяя конфессии на «настоящие» и «ненастоящие», на «правильные» и «неправильные», на «эталонные» и «аномальные» – для этих занятий существуют теология и пропаганда. Применительно к неоязычеству (как и к современной нетрадиционной религиозности в целом) такое разделение в рамках религиоведческого дискурса тем более невозможно, так как неоязычество в принципе адогматично, децентрализовано, плюральное; оно бытует как самый сложный, многомерный конгломерат, включающий в себя чрезвычайно разнообразие форматов, варьирующих в самом широком диапазоне – от радикально политизированного полюса до аполитичного, от ультранационалистического до космополитического, от брутально маскулинного до феминистического, от ретроутопического до археофутуристического и т. д.

В своей рецензии А. Белов выдвигает еще одну претензию: в разделе о славянском неоязычестве в Сибири исследуется деятельность неоязыческих сообществ «крайне малочисленных (иной раз и ограничивающихся единственной персоной своего лидера-основателя)» [1, с. 136]. За этим замечанием стоит действительно серьезная проблема: каким должно быть количество последователей той или иной конфессии, чтобы она получила статус полноценного объекта религиоведческого исследования. Любопытно, что в самой рецензируемой монографии на этот вопрос даются два противоположных ответа.

Л.И. Григорьева, автор раздела о неоязычниках Красноярского края, однозначно противопоставляет местное общество «Коляда» и «Общину Родноверов Красноярья “Родуница”», с одной стороны, объединению “ЛАД” – с другой. Как считает Л.И. Григорьева, первые два упомянутых сообщества – не более чем фейки, не заслуживающие внимания религиоведа, потому что «Коляда» состоит только из своего руководителя А. Ермоленко (Яросвета) и меняющегося вспомогательного персонала, а «Родуница» представляет собой «тусовку друзей», время от времени проводящих языческие праздники и ритуалы на природе. Зато “ЛАД”, по мнению Л.И. Григорьевой репрезентирует настоящее неоязычество, ибо это объединение удовлетворяет критериям стабильной общины «наподобие тех, которые есть в любой настоящей религиозной системе, включая и НРД – идет ли речь о мормонах, бахаи или, например, сахаджа-йогах. Общины, члены которой регулярно, не реже раза в неделю, собираются с целью совместного исповедания веры, организации общинных дел, выработки определенного (собственно религиозного) стиля жизни» [3, с. 66–67].

Совершенно другой подход в разделе «Проблематика целостного восприятия неоязычества» демонстрирует В.А. Мартинович. С его точки зрения, осмысление неоязычества требует анализа всего многообразия его основных форм. Известный белорусский исследователь выделяет шесть типов неоязычества по специфике социальной организации: неоязыческие секты и культы, неоязыческие клиентурные культы, неоязыческие аудиторные культы, неоязыческая среда общества, неоязыческие общности во внутрицерковном сектантстве, неоязыческие сектоподобные группы. Тем самым по своему социальному устройству современное неоязычество варьирует в диапазоне от неоязыческих культов и сект, которые «имеют сильную организационную структуру, институт постоянного членства, всесторонне развитое вероучение» – до неоязыческой среды общества, представляющую собой сферу «неинституализированных форм неоязычества, состоявшей из идей и ритуальных практик, разделяемых и исполняемых людьми в индивидуальном порядке без присоединения к каким-либо сообществам и организациям» [4, с. 64].

В этом контексте заслуживает упоминания предложенная Д. Георгисом систематизация форм язычества, связанная с его различными историческими трансформациями. В рамках этой типологизации собственно неоязычество (в отличие от таких таксонов, как язычество «эталонное», «утраченное», «удержанное», «синкретическое», «восстановленное», «двоеверческое», «запрещенное» и «возрождаемое») понимается «как индивидуальное мировоззрение или личная вера, как феномен молодежной субкультуры, не стремящееся к сохранению или восстановлению исконных языческих традиций народа, возникающее из любви к природе и собственному народу, рождающееся в собственном художественном, эстетическом, философском восприятии мира или через знакомство с современными и древними произведениями соответствующего характера или как политический, националистический, культурный, экологический протест (вызов) современной культуре, цивилизации» [2, с. 146].

Итак, повторим: неоязычество характеризуется крайней степенью плюральности и вариативности как на доктринально-мировоззренческом уровне, так и на уровне социальной организации. Поэтому для религиоведа совершенно бесперспективно заниматься измерением средней температуры по больнице в виде поиска некоего «эталонного», «аутентичного» неоязыческого формата. Едва ли не самым адекватным исследовательским приемом в этой ситуации становится метод кейс-стади. Речь не идет о пресловутом «коллекционировании фактов»: каждый конкретный, частный неоязыческий кейс – это своего рода пазл, без которого невозможно составить целостное представление о феномене неоязычества.

Прежде чем перейти непосредственно к кейсу, заявленному в названии данной статьи, сформулируем еще ряд предварительных соображений. Специалисты не раз констатировали, что в современной России основными носителями неоязычества выступают жители городов, преимущественно крупных. Вместе с тем в круг сущностных и поэтому универсальных концептов неоязыческих (ре)конструкций (независимо от их конкретного конфессионального, идейно-политического и этнокультурного наполнения) входит антиурбанизм. Это обусловлено, в частности, общей природоориентированностью неоязычества, присущим ему неприятием технократической цивилизации, идеализации и сакрализации патриархального уклада времен «святомудрых предков». Поэтому стратегия построения жизненного мира современного неоязычника закономерно и органично предполагает обращение к рурализирующим практикам. В «мягком» варианте соответствующие интенции выражаются в периодическом проведении неоязыческих праздников на лоне природы, в увлечении фольклором, домашними ремеслами, народной медициной и прочими атрибутами деревенского быта. Радикальный же вариант предполагает полный разрыв последователей неоязычества с городским образом жизни и исходом в сельскую местность.

С учетом сказанного обратимся к изучению неоязыческого сегмента современной культовой среды в Омской области на примере нескольких семей в д. Надеждинка Муромцевского района – деревни, состоящей всего из одной улицы и расположенной вблизи озера Щучье. Данный кейс сформирован по материалам полевых исследований 2016–2017 гг. Информаторами выступили две женщины средних лет, переселившиеся в Надеждинку из г. Омска:

– Ксения Владимировна Д. (постоянно проживает в деревне уже около 10 лет, образование – специалист в сфере социально-культурного сервиса и туризма. В настоящее время работает в Интернет-магазине);

– Татьяна Александровна Бойко (проживает в Надеждинке около года, уже успела здесь перезимовать. Среднее специальное образование. В Омске руководила культурным клубом «Атма-сфера», занималась организацией этнофестивалей в Омске и в Окунево. В настоящее время планирует организовать экстремальный туризм).

Обе женщины характеризуют свои нынешние отношения с городом почти одни и теми же словами. «Сейчас с городом контактирую нечасто – выехать со всеми детьми – эпопея. Раньше – часто ездила. Сейчас раз в 2–3 месяца. Изолируюсь периодически, когда начинаю всех «ненавидеть». Я интроверт и не страдаю от маленького количества людей. Но и город как вселенское зло – не считаю» (Ксения Владимировна). «С городом [общаюсь] через инет постоянно, а сама приезжаю очень редко <...> Стремилась к изоляции одно время. Устала от большого количества людей. Сейчас, когда скучаю, еде в город. Или ко мне едут» (Татьяна Александровна). Решающим фактором для переезда из города в деревню стал ребенок: в городе опасно выпускать детей на улицу. Кроме того, Татьяна Александровна ярый противник химических продуктов – все должно быть только натуральным. И деревня для этого подходит больше всего.

При этом у каждой из них свой духовный путь. Ксения Владимировна изначально относилась к родноверам. Однако позднее, по ее словам, *«это перешло больше на изучение традиционной культуры, но в основном без христианства или такое ассимилированное христианство, которое было в деревнях, где сохранилось язычество, всякие суеверия, приметы»*. А вот *«религии не люблю в последнее время»*. У Татьяны Александровны интерес к неоязыческим течениям возник после того, как она организовала клуб «Атма-сфера». Все началось с оздоровительных восточных практик, позднее к ней приходили сторонники различных конфессий и делились своими взглядами на жизнь. В результате *«пришло некое понимание и принятие всех религий»*.

Наши информаторы и их близкие поклоняются природе (которая понимается ими единство всех богов), поэтому местные жители их называют «природооведами». Но как самоназвание этот термин не используется. Ксения Владимировна: *«сейчас нет определенного названия. Раньше, до переезда в деревню, которая находится далеко от цивилизации, еще оставались какие-то шаблоны, названия, а через какое-то время понимаешь, что это все искусственно. Раньше назвались славянами»*.

Одно время Ксения Владимировна и Татьяна Александровна посещали многие праздники, например, «Солнцестояние» в Окунево, славянские праздники Ивана Купала, Перуна и др. Однако, пожив в деревне, они стали относиться к подобным действиям как к «городской шелухе», поскольку народ собирается на них в основном ради зрелищ.

Вместе с тем у «природоведов» есть свой набор ритуалов – отчасти заимствованных из этнографической литературы, отчасти «самодельных». Например, они сделали традицией при переходе с одного времени года на другой жечь костер. Обычно это проводится вечером. Сжигают ненужные вещи, волосы (огонь все сожжет, все хорошо будет), прыгают через костер. Кроме того, по мере необходимости Татьяна Александровна жжет зверобой. Она уверена, что зверобой собирает солнечную энергию. Окуривание зверобоем помогает изгнать злых духов. При этом необходимо ходить вокруг дома по кругу. Для проведения ритуалов используют также тибетские поющие чаши.

Девушки-природоведы в основном носят длинные юбки. Материал не важен, главное, чтобы юбка была красивой. Мужчины носят бороды. У природоведов достаточно длинные волосы, так как, по их убеждениям, волосы – символ накопленных знаний, это некое информационное поле.

Используется и славянская символика. Так, Ксения Владимировна носит лунницу – женский знак, пожелание плодородия, и достатка. Муж Татьяны Александровны долгое время носил кулон в виде цветка папоротника – оберег от сглаза.

В кейсе с «природооведами» примечательно причудливое переплетение «городских» и «деревенских», религиозных и секулярных стратегий построения жизненного мира (неприхотливый деревенский быт – и работа в Интернет-магазине, сакрализация природы – и бизнес-планы ее использования для организации экстремального туризма и т.п.). В целом данный кейс (используя понятийно-категориальный аппарат В.А. Мартиновича) относится к неоязыческой среде общества и служит иллюстрацией к той части неоязыческого спектра, где происходит интенсивная диффузия неоязычества и New Age, где акценты смещаются со скрупулезного восстановления утраченных традиций и сакральной мудрости предков на прокладывание собственного духовного пути, на конструирование индивидуального религиозного мира с использованием элементов и мировоззренческих установок аутентичного язычества.

Литература

1. *Белов А.* Рецензия на: Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: монография / под ред. Р.В. Шиженского. Нижний Новгород: Мининский университет, 2016. 264 с. // Религиоведческие исследования. 2017. № 1. С. 127–136.
2. *Георгис Д.* Об определении понятия «язычества», типологии язычества и оценке численности современных язычников в России // Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы : сб. материалов Третьего конгр. рос. исследователей религии (7 – 9.10.2016, Владимир, ВлГУ): в 6 т. Т. 2. Владимир: Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Аркаим, 2016. С. 133–154.
3. *Григорьева Л.И.* «Язычники» Красноярска в формате кейс-стади: взгляд снаружи и изнутри // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Н. Новгород: Мининский университет, ООО «Типография «Поволжье», 2016. С. 62–77.
4. *Мартинович В.А.* Проблематика целостного восприятия феномена неоязычества // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Н. Новгород: Мининский университет, ООО «Типография «Поволжье», 2016. – С. 161–175.

Мария Владимировна Воробьева
доцент кафедры истории и философии,
Уральский государственный экономический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

ИННОВАЦИИ + КОНСЕРВАТИЗМ = КЕЙС РАЙОНА «АКАДЕМИЧЕСКИЙ», ГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГ

Аннотация. В статье анализируется символическая политика, проводимая при создании скульптурного оформления девелопером екатеринбургского района «Академический». Автором выделены основные направления символической политики, зафиксировано расхождение между пропагандируемыми ею ценностями и официальным позиционированием района, сформулировано предположение относительно причин этого расхождения.

Ключевые слова: скульптурное оформление; символическая политика; модернистский проект; «консервативная модернизация»; «альтернативная модернизация»; «множественные модерности».

Mariya Vorobyova
Ural State University of Economics,
Russian Federation, Yekaterinburg

INNOVATIONS + CONSERVATISM = CASE OF «AKADEMICHESKIY» DISTRICT OF YEKATERINBURG

Abstract. Analysis of symbolic politics adopted for the creation of sculptural design of Yekaterinburg's district «Academicheskii» and main trends are presented in the article. The author highlights the differences between the declared values by sculptural design made by the developer and it's official positioning of the district. An assumption on the reasons for this discrepancy is made.

Keywords: sculptural design; symbolic politics; modernistic project; «conservative modernization»; «alternative modernization»; «multiple modernities».

Что же особенного в районе «Академический» и почему он достоин внимания? «Академический» интересен тем, что представляет собой район, воздвигнутый буквально на пустом месте, с нуля, его строительство началось в 2006 году на заброшенных совхозных землях. К 2017 году построено больше 80 домов, а количество жителей превышает 45 тысяч человек [4; 5]. Выбор места дал создателям района возможность не встраиваться в готовую жилищно-коммунальную инфраструктуру, а создать свою, отвечающую их представлениям о современной, комфортной, экологичной и пользующейся потребительским спросом городской среде. По этой причине «Академический» наглядно показывает превалирующие тенденции в области градостроительной и символической политики. Именно на последней мы сконцентрируемся в нашей статье, проанализировав скульптурное оформление района, его смысловую подоплеку и динамику развития.

Как позиционирует «Академический» его застройщик и девелопер – группа компаний «КОРТРОС»? «Академический – новый, современный, технологичный район на юго-западе Екатеринбурга. <...> Жители Академического делают выбор в пользу современных стандартов жизни, «умных» технологий и связывают свое будущее с перспективами развития города. Здесь внедрены передовые инновации в области строительства и энергосбережения, царит атмосфера спокойствия и добрососедства. <...> Академический район – обладатель ряда престижных российских и международных наград в сфере городского планирования, экологичного и энергоэффективного жилищного строительства», – так утверждается в разделах «О районе» и «Преимущества» официального сайта «Академического» [6; 7]. Выделим ключевые пункты позиционирования района – современные стандарты жизни, передовые иннова-

ции, «умные» технологии, экологичность и энергоэффективность, спокойствие и добрососедство.

Учитывая историю района и его позиционирование, строительство «Академического» можно расценивать в качестве проекта, модернизирующего заброшенные или неразвитые территории. Его подают как проект инновационный, технологичный, современный, избегающий крайностей ускоренной коммерческой застройки путем создания комфортной среды обитания. Казалось бы, это идеальный модернистский проект в масштабе относительно небольшой по площади территории. Однако символическая политика, проводимая девелопером района, входит, на наш взгляд, в противоречие с самой сутью модернистского проекта, то есть его ценностной составляющей, не менее важной по сравнению с инструментальной составляющей. К символической политике мы относим процесс создания и трансляции символов, целью которого выступает внушение устойчивых смыслов [3, с. 62]. Создание скульптурного оформления, выражающее стремление определенным образом маркировать территорию – часть символической политики.

Продemonстрируем конкретные объекты скульптурного оформления «Академического» в порядке их возникновения. Большая часть объектов фигурирует в разделе «Достопримечательности» официального сайта района и снабжена комментариями, которые мы здесь приводим.

1. Скульптура «Вера, надежда, любовь». Открыта публике 30.09.2011 г. [8]. Комментарий на сайте: «Вечные ценности, важные для каждого» [9].

2. Арт-объект «20 лет вместе», другое название – «Сердце» (посвящен двадцатилетию Территориального фонда обязательного медицинского страхования Свердловской области). Открыт публике 21.05.2013 г. [10]. Комментарий на сайте: «Объединяет лучшие помыслы, идеи и желания. Жить открыто, любить всем сердцем – это в духе Академического» [9].

3. Памятник студенческим стройотрядам. Открыт публике 12.08.2013 г. [11]. Комментарий на сайте: «Для тех, кто всегда молод душой, полон романтики и идей» [9]. Памятник поставлен в знак благодарности за участие 25 студенческих стройотрядов из разных регионов России в строительстве района.

4. Памятник «Чистый двор – чистая совесть». Открыт публике 01.05.2014 г. [12]. Комментарий на сайте: «Олицетворение полезных привычек и стандартов качества жизни района» [9].

5. Скульптурная композиция «Символ 70-летия Великой Победы». Открыт публике 09.05.2015 г. [13]. Комментарий на сайте: «Знать, хранить историю и память» [9].

6. Скульптурная композиция «Белые медведи» (герои мультфильма «Умка»). Открыта публике 02.06.2016 г. [14]. Среди достопримечательностей района на официальном сайте района не значится.

7. Монумент «Призма». Открыт публике 12.01.2017 г. Среди достопримечательностей района на официальном сайте района не значится. Комментарий в тексте новости об открытии монумента: «Монумент “Призма” на улице Краснолесья, наконец, обрел свой финальный вид. На трех гранях каменной основы появились книжные страницы. По замыслу они символизируют силу знаний, рассказали в “РСГ-Академическое”» [15].

8. Скульптурная группа «Солдаты России», символизирующая виды и рода войск. Открыта публике 23.02.2017 г. [16]. Комментарий на сайте: «Поддерживать ветеранов, воспитывать настоящих патриотов – задачи, которые решают в районе» [9].

Анализ скульптурных объектов и их подачи на официальном сайте района позволил нам выявить три основных направления символической политики девелопера района. Условно назовем их следующим образом: 1) пропаганда «вечных» ценностей (ценностей материнства, веры, надежды, любви, сердечности, силы знаний): скульптура «Вера, надежда, любовь», арт-объект «Сердце», скульптурная композиция «Белые медведи», монумент «Призма»; 2) пропаганда «локального патриотизма» (любви к малой родине, бережного к ней отношения, поддержки местных традиций): памятник «Чистый двор – чистая совесть» и памятник студенческим стройотрядам; 3) пропаганда «государственного патриотизма» (напоминание о важных, объединяющих жителей всей страны событиях и символах): скульптурная композиция «Символ 70-летия Великой Победы» и скульптурная группа «Солдаты России». Несмотря на содержательную разницу этих направлений, их объединяет одно – очевидная традиционность, если не консерватизм, ценностей, идей и символов, которые они пропагандируют. В большинстве своем объекты скульптурного убранства обращены либо к прошлому, либо к «вечным» ценностям, апеллируют не к рациональности, а к эмоциям. Если же говорить о динамике развития символической политики района, то отметим константу в виде направления «вечных» ценностей, с разработки которого стартовало скульптурное оформление «Академического» в 2011 году и которого держалось до начала 2017 года, а также возникшее в последние два года направление «государственного патриотизма», уже подарившее району два объекта. Развитие же направления «локального патриотизма» явно пресеклось; временно или постоянно – покажет будущее.

Итак, в сухом остатке – разногласие между позиционированием самого района как инновационного, современного, технологического, по своему пафосу модернистского, и символической политикой в части скульптурного оформления «Академического», которую следует признать скорее традиционной, нежели модернистской. Ценности, идеи, символы, пропагандируемые при помощи скульптурного убранства – традиционные, либо консервативные.

Возникает вопрос о причинах этого противоречия. При первой попытке ответить на него мы выдвигаем версию, что модернистский проект «Академического» вписывается не в рамки классической западно-европейской модернизации, а специфически российской, какую в советском изводе А. Вишневецкий описывал под названием «консервативной модернизации» [1, с. 418]. Ее особенностью является расхождение между освоением инструментальных достижений западной цивилизации (в том числе освоение новых технологий) и отказа от порождающих и сопровождающих появление этих инструментальных достижений ценностей (среди них – рациональность, индивидуализм, обращенность к настоящему и будущему). В свою очередь, «консервативную модернизацию» можно отнести к локальному варианту «альтернативной модернизации», проходящей не по западным канонам, а в соответствии с местной исторической, культурной, политической, экономической спецификой, получившийся же в итоге продукт – к одному из вариантов «множественных модерностей» (концепты Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона) [2].

Литература

1. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
2. Мартынов В.С. Один модерн или «множество»? // Полис. 2010. 6. С. 41–53.
3. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5. С. 62–75.
4. URL: <https://www.metrvt.ru/novostroiki/292> (дата обращения: 17.06.2017).
5. URL: <http://chistoprudov.livejournal.com/184989.html> (дата обращения: 17.06.2017).
6. URL: <https://www.akademicheskii.org/about/> (дата обращения: 17.06.2017).
7. URL: <https://www.akademicheskii.org/properties/> (дата обращения: 17.06.2017).
8. URL: <http://my-travels.club/places/rossiya/sverdlovskaya-oblast/ekaterinburg/skulptura-vera-nadezhda-lyubov.html> (дата обращения: 17.06.2017).
9. URL: <https://www.akademicheskii.org/properties/attraction/> (дата обращения: 17.06.2017).
10. URL: <https://akademikb.ru/news/290> (дата обращения: 17.06.2017).
11. URL: <https://akademikb.ru/news/370> (дата обращения: 17.06.2017).

12. URL: <https://akademkb.ru/news/639> (дата обращения: 17.06.2017).
13. URL: <https://akademkb.ru/news/1153> (дата обращения: 17.06.2017).
14. URL: <http://www.uk-akadem.ru/news/774/> (дата обращения: 17.06.2017).
15. URL: <https://akademkb.ru/news/2068> (дата обращения: 17.06.2017).
16. URL: <https://akademkb.ru/news/2141> (дата обращения: 17.06.2017).

Роман Юрьевич Порозов
доцент кафедры культурологии,
Уральский государственный педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: r.porozov@yandex.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ОБЪЕКТА В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ*

Аннотация. В статье рассматривается специфика и методология современной культурологии как формы критического мышления. Предлагается алгоритм культурологической интерпретации визуального объекта в городской среде.

Ключевые слова: культурология; визуальный объект; городская среда; интерпретация.

Roman Porozov
Ural State Pedagogical University,
Russian Federation, Ekaterinburg

CULTUROLOGICAL INTERPRETATION OF VISUAL OBJECT

Abstract. The article deals with the specifics and methodology of modern culturology as a form of critical thinking. The author offers an algorithm for the culturological interpretation of a visual object in an urban environment.

Keywords: culturology; visual object; urban environment; interpretation.

Общая суть культурологической интерпретации заключается в рассмотрении объекта с позиции репрезентации значимых для человека смыслов. Здесь проявляется принципиальная методологическая проблема, которая заключается в степени достоверности и полноте результатов культурологической интерпретации. Культурология является альтернативной формой приращения знания о человеке в ситуации крайней рационализации современной науки. Отечественный литературовед С. Зенкин утверждал, что «...вся западная цивилизация, родившаяся некогда из споров между греческими философами, демонстрирует некоторую свою усталость ...» [2, с. 210]. Культурологическая интерпретация – это возможность вернуться к конструктивному диалогу о значимых смыслах для человеческого существования. Однако философская интерпретация не равна культурологической. По мнению В. Межуева «философия не изучает культуру в ее многообразных проявлениях, а обосновывает саму возможность ее существования в мире» [4, с. 11]. Для философии, в отличие от культурологии, характерен более абстрактный и холистский подход, в котором человек наделен универсальными, родовыми свойствами.

Под культурологической интерпретацией мы понимаем совокупность специфических вопросов, которые ставит перед собой исследователь. М. Вебер в работе «Критические исследования в области логики наук о культуре», не определяя жестких границ между естественными и гуманитарными науками, заявил, что роль последних («науки о культуре» – *термин М. Вебера*) заключается в исследовании типов значимости определенного события или факта для человека. Категория «значимости» может быть охарактеризована как «смысловая нагрузка и степень важности события/факта для человека». На примере известной в истории культуры переписки между немецким писателем И.Ф. Гёте и Ш. фон Штейн исследователь показал, что могут быть выделены следующие типы значимости [1, с. 443]:

- универсальная – общечеловеческая – значимость («определить причины и условия появления феноменов культуры как регулярных и повторяющихся»);

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01278).

- индивидуальная значимость («возможность реконструировать частный повседневный жизненный мир»);
- каузальный компонент исторической связи («звено в цепи событий, объясняющих характер историко-культурного процесса»).

Отдельно следует объяснить, что культурологическая интерпретация важна не только в качестве «теоретической интеллектуальной практики», но также как форма просветительства. М. Вебер, отмечая просветительскую функцию «наук о культуре», говорил, в частности, что «интерпретация духовного, эстетического или этического произведения оказывает такое же воздействие, как само произведение» [1, с. 445].

Выводы М. Вебера могут быть использованы при интерпретации не только форм и образов высокой (элитарной, классической) культуры. Наиболее актуальной для культурологии является интерпретация современной социокультурной ситуации, которая характеризуется двумя признаками. Во-первых, местом функционирования современной культуры является город. Именно в городской среде генерируются и легитимизируются такие формы культуры, которые принимаются в качестве нормативных или девиантных. Во-вторых, визуальный код является доминирующим способом репрезентации информации. Культура XXI века – это визуалоцентричная культура, в которой значимые смыслы репрезентируются преимущественно в доступной для зрительного восприятия форме (англ. поговорка «Seeing is believing» – «Видеть – значит верить»). Соответственно, роль современного культуролога заключается в интерпретации визуальных объектов, которые функционируют в городской среде.

Развивая идею М. Вебера о поиске «типов значимости», мы предлагаем следующий алгоритм культурологической интерпретации визуального объекта в городской среде. Последовательность интерпретации может быть представлена в виде двух групп вопросов. Первая – имеет общетеоретический характер, т.е. вопросы обусловлены методологией собственно культурологии. В обобщенном виде это:

- вопрос о генезисе объекта (определить совокупность факторов – социальных, культурных, экономических, политических – повлиявших на появление объекта в городской среде);
- вопрос о легитимизации объекта в городской среде (установить причины принятия/отторжения объекта социокультурными группами);
- вопрос о контекстуальных связях исследуемого объекта (выявить сочетаемость, горизонтальные и вертикальные связи объекта с другими артефактами городской среды);

Вторая группа вопросов связана с тем обстоятельством, что исследователь имеет дело непосредственно с визуальным объектом. Вопросы могут быть сформулированы следующим образом:

- вопрос о морфологии и семиозисе визуального объекта (наиболее полная, на наш взгляд, теория, позволяющая рассмотреть структуру и процесс формирования коммуникативного феномена – это т.н. теория «коммуникативного события» Э. Лича [3, с. 20]. Данная теория позволяет определить суть послания на уровне элементов: как оно кодируется отправителем и расшифровывается получателем);
- вопрос о прагматике визуального объекта (определить практику, режим и условия индивидуального/коллективного использования визуального объекта);
- вопрос об индивидуализированных формах визуального объекта в городской среде (выявить критерии, способствующие трансформации визуального объекта как на материальном, так и на смысловом уровнях).

Практика интерпретации визуальных объектов позволяет расширять дисциплинарные рамки культурологии, свидетельствуют о готовности интегрировать подходы смежных социально-гуманитарных парадигм (социологии, антропологии, семиотики).

Представленный алгоритм не претендует на всеохватность, требует отдельных развернутых комментариев, однако может послужить основой для самостоятельной культурологической интерпретации. Вопрос, который на данный момент обозначается нами как открытый и дискуссионный – «любой ли объект, обнаруживаемый в городской среде, требует культурологической интерпретации в качестве «визуального»; если «да», то каковы условия приме-

нения данной интерпретации». При всем разнообразии и альтернативных вариантах интерпретации (сциентистской или герменевтической) культурология остается «верной себе» – предлагает анализ процесса и способов организации человеком мира как сферы ценностей и смыслов.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.
2. Зенкин С. Работы о теории: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
3. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
4. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006.

Нина Алексеевна Коноплева
профессор кафедры дизайна и технологий,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток.
E-mail: nika.konopleva@gmail.com

Евгения Владиславовна Бывалина
студентка Института сервиса, моды и дизайна,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток.
E-mail: Byvalina2013@mail.com

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ИМИДЖ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА)

Аннотация. В современном обществе имидж является базисным элементом привлечения инвесторов. В связи с этим формирование имиджа территории является важной частью развития конкурентоспособности региона в борьбе за предпринимателей и туристов. В рамках данной статьи рассматриваются понятия «имидж», «имидж территории», их функции, в понимании некоторых авторов. Особенностью данной статьи является исследование территориального имиджа города Владивостока, посредством анкетирования. Проведена оценка имиджа города и даны рекомендации по его улучшению.

Ключевые слова: имидж; имидж территории; имидж города Владивостока.

**Nina A. Konopleva,
Evgenija V. Byvalina**
Vladivostok State University of Economics and Service.
Russian Federation, Vladivostok

TERRITORY REGIONAL IMAGE (EXEMPLIFIED BY VLADIVOSTOK)

Abstract. In modern society, the image serves to be a mainstay of an angel round. In this behalf, territory image formation proves to contribute to the company's ability to compete for entrepreneurs and tourists. Emphasized in the research paper are concepts of «image», «territory image», their functions, as realized by some authors. Highlighted in the research has been investigation of Vladivostok territory image by questionnaire survey.

The coastal city evaluated, the paper implies a number of practical recommendations concerning its future development.

Keywords: image; territory image; Vladivostok image.

Успешность любой территории обусловлена, прежде всего, эффективностью при создании образа для позиционирования. Регион представлен как товар, в который вкладывают инвестиции, а для того, чтобы привлекать их, территория должна быть востребованной на рынке. Эффективный имидж, бренд и репутация способствуют повышению конкурентоспособности региона, росту уважения к нему, повышают привлекательность для туристов, предпринимателей и инвесторов, поднимают престижность учебы, работы и жизни на данной территории.

Происхождение термина имидж от англоязычного слова способствует тому, что он понимается как «образ», «подобие», «статуя (идол)», «икона» «метафора»; но чаще употребляется как «образ» [5]. Причем, понятия «имидж» и «образ», по мнению В.М. Шепеля, не тождественны, имидж является внешним отражением образа.

Вместе с тем до настоящего времени в науке прослеживается терминологическая путаница и многоаспектность понятий, значимых для процессов позиционирования территории

на современном как внутреннем, так и международном уровнях. Поэтому практикам территориального имиджмейкинга и брендинга, прежде чем они обратятся к данным технологиям, следует четко определиться с понятийно-категориальным аппаратом. Причем, имидж региона – это многоаспектное явление, формирующееся на базе объективных природно-климатических, географических условий территории, степени ее хозяйственно-экономического освоения, особенностей административно-политического управления, традиций, обычаев, культурных ценностей, качества жизни населения и др. Единого общепризнанного определения понятия «Имидж региона» до настоящего времени не сформировано. Так, имидж территории, по мнению А.П. Панкрухина, это совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех особенностей территории, собственного опыта, слухов, влияющих на создание определенного образа. Он отмечал, что имидж региона принципиально зависит от его экономики и той роли, которую регион играет в народном хозяйстве, от характера взаимоотношений с федеральными властями и другими центральными учреждениям [6].

В свою очередь, И.С. Важенина определяет имидж территории как набор ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений людей, которые возникают по поводу исторических, природно-климатических, политических, социально-экономических, морально-психологических и других особенностей данной территории [1]. Выделяют следующие основные функции имиджа: Идентификационная – предоставляет возможность целевой аудитории воспринимать информацию о позитивных или негативных сторонах объекта за короткий период времени, не анализируя весь объем информации. Идеализационная – помогает проецированию на объект тех или иных качеств, обеспечивая положительное отношение к объекту. Компаративистская – основывается на сравнении с образами других сходных объектов, отражая контраст с объектом имиджа в положительную или негативную сторону. Дифференционная – демонстрирует характерные качества объекта [4].

Имидж региона может быть определен как совокупность символически выраженных относительно устойчивых эмоциональных и рациональных, а также иррациональных представлений о своеобразии и специфике региона в сознании групп общественности. Д.П. Гавра и Ю.В. Таранова решающее значение в формировании имиджа придают имиджевой коммуникации и обосновывают, что образ, который транслирует объект окружению (М-имидж), как некая идеальная модель, отличается от реального имиджа, т. е. от представлений, которые сложились об объекте в сознании целевых аудиторий, затронув их интересы, ценности, потребности и вызвав определенное отношение к воспринимаемому объекту, т. е. эффект коммуникации (Е-имидж) [3, с. 38]. В результате авторы рассматривают территориальный имидж, как и понятие имидж в двух аспектах: **в процессуальном понимании** «имидж – это комплексная форма коммуникации, обеспечивающая целевым аудиториям определенное впечатление об объекте и отношение к нему». В **субстанциональном понимании** имидж – это относительно устойчивый знаково опосредованный когнитивно обусловленный и эмоционально окрашенный, обладающий рядом характеристик стереотипа психический образ – представление об объекте, подразумевающий его оценку [3, с. 40].

Важным условием успеха в борьбе территории является работа по формированию имиджа, бренда и репутации. Репутация, имидж и бренд территории тесно связаны и влияют друг на друга. Репутация – объективно сложившаяся и подтвержденная практикой совокупность ценностных убеждений и рациональных мнений о территории, сформировавшихся у людей на основе полученной информации о регионе, личного опыта взаимодействия или опосредованных контактов. Репутация формируется в течении длительного времени. Бренд территории – совокупность непреходящих ценностей, отражающих неповторимые, оригинальные, потребительские характеристики региона и сообщества, получивших общественное признание и известность, пользующихся стабильным спросом потребителей. Бренд региона формируется на основе ярко выраженного позитивного имиджа региона. Причем, имидж региона основывается, в первую очередь, на территориальной индивидуальности. Она, в свою очередь, содержит ряд свойств и характеристик территории, таких как комплекс вербаль-

ных, визуальных и прочих особенностей, по которым общество определяет территорию (место на карте, принадлежность к определенной стране, герб, название, гимн, флаг и т. д.). Территориальная индивидуальность содержит характеристику особенностей и ресурсов территории:

Во-первых, природных, демографических, исторических, социальных и культурных; Во-вторых, экономических, определяемых как уровень развития и особенности экономики; характеристика производственной инфраструктуры; трудовые ресурсы, наличие квалифицированной рабочей силы, занятость; инвестиционный потенциал и инновационные ресурсы; финансовые ресурсы; уровень деловой активности, степень благоприятности для бизнеса; В-третьих, организационно-правовых и информационных [2].

Поэтому при упоминании названия территории сразу же возникает целая цепь ассоциаций по отношению к ней. Б.Ю. Эрдынеев понимает имидж региона как эффективный инструмент управления социально-пространственными отношениями, с одной стороны, всего населения региона, а с другой – каждого отдельного его члена [8].

Для успешного формирования имиджа территории, следует выделить следующие основные целевые группы, которые могут определяться стратегией позиционирования: жители региона; лица, не проживающие в регионе (туристы, командировочные, родственники жителей); инвесторы; инорегиональные и международные целевые регионы [7].

Имидж территории – очень разнородный, в некоторых случаях искусственно построенный образ, который формируется в результате восприятия представителями различных целевых аудиторий. Сколько людей, столько и мнений об определенной территории может быть обнаружено, у каждого человека представление о территории индивидуально, каждый имеет специфическую информацию о территории, опыт, связанный с нею различен. Вследствие этого имидж одной и той же территории в сознании каждого человека неодинаков. Часто имидж территории строится при отсутствии необходимой информации и личного опыта ее восприятия. При этих обстоятельствах образ основывается на массовых стереотипах (иногда даже заблуждениях), фактах почерпнутых из СМИ, кинематографических, литературных и прочих источников [2].

Исследование имиджа г. Владивостока предполагает, прежде всего, анализ историко-культурных характеристик города, а также смысла, который вкладывается в звучание имени данного объекта в массовом и индивидуальном сознании. Прежде чем специалисты смогут приступить к целенаправленному формированию территориального имиджа и бренда, необходимо понять сильные и слабые места в образе региона, выявить все те элементы, которые в процессе позиционирования необходимо высветить, а которые скрыть для формирования престижа территории, ее деловой и социальной конкуренции.

Мы провели социологическое пилотажное исследование, чтобы попытаться понять какие культурные и исторические объекты города современные жители ассоциируют с положительным имиджем региона, что, по их мнению, влияет на него отрицательно. Было опрошено 600 респондентов мужского и женского полов: студентов, лиц различных профессий в возрасте от 17 до 73 лет. В результате установлено, что среди строительных объектов, положительно влияющих на имидж города, отмечены его храмы (69 % опрошенных); здание железнодорожного вокзала (57 %); фуникулер (54 %); триумфальная арка, построенная в честь приезда в город цесаревича Николая (47 %).

Вместе с тем, 81,5 % опрошенных отмечают, что город очень дорогой в материальном плане; 53 % считают, что городская среда не комфортна для проживания и отмечают, что в городе не удовлетворяются потребности жителей в безопасности (48 %), законности (34 %), здоровом образе жизни (49 %), чистоте (38 %), озеленении (38 %), в психологическом комфорте (31 %), в возможности реализации талантов (14 %). 66 % респондентов считают, что жителям города не обеспечивается хорошее социальное самочувствие. Лишь 40 % отметили, что средства массовой информации участвуют в формировании позитивного образа города. 37 % считают, что руководством города и края не обеспечивается успешность инвестиционной деятельности, 27 % респондентов считают, что негативно на имидже города сказывается

экономическая ситуация в регионе, 29 % респондентов считают, что деятельность руководства города негативно отражается на его имидже; деятельность краевой Администрации негативно оценили 26 % респондентов.

При этом 70 % респондентов считают очень важным мероприятием положительно отразившемся на имидже города проводимый в нем ежегодно кинофестиваль: «Меридианы Тихого», 78 % отметили, что проведение Саммита АТЭС, строительство в связи с этим объездных дорог, моста через бухту Золотой рог позитивно отразилось на имидже города. Вместе с тем, обращает на себя внимание, что среди всех опрошенных лишь 11 % имеют представление о таком историческом сооружении в городе мирового значения как Владивостокская крепость. Крепость, которая могла бы быть одной из главных достопримечательностей в формировании имиджа города в настоящее время брошена, ее форты, хотя и объявлены памятником федерального значения, разрушаются. При этом организация в городе музея «Владивостокская крепость», на базе одной из батарей царского времени, способствовала тому, что многие жители и туристы, не имеющие представления о масштабах крепости, ассоциируют ее с данной батареей. 64 % респондентов-жителей ассоциируют регион со словами – город у моря, 59 % – город-порт, 30 % – город японских автомобилей, 29 % – молодежный город, 29 % – город узких дорог, 25 % считают, что это неухоженный город, 22 % – город без очистных сооружений, 15 % – город туманов.

На следующем этапе было опрошено 300 гостей города. Данный аспект маркетингового исследования обусловлен значимостью туристской деятельности в развитии любого региона. При этом анализировались представления туристов и гостей города о гостиницах, транспорте, состоянии дорог, отношении жителей к приезжим и проч. В результате было установлено, что лишь 24 % оценили гостеприимство персонала гостиниц на «5», 40 % – на «4», 30 % – на «3», а 6 % оценили на «2». Довольны расположением гостиниц лишь 40 % респондентов. 52 % считают цены на гостиничные услуги недостаточно приемлемыми; 43 % оценили качество услуг в гостиницах как среднее, 32 % как хорошее, а 21 % считают качество услуг отличным, 4 % вовсе не удовлетворены качеством услуг. 14 % не достаточно удовлетворены организацией безопасности в гостинице.

Оценка службы питания в городе показала, что 2 % оценили гостеприимство персонала как неудовлетворительное, 17 % ответили, что персонал не достаточно гостеприимен. В свою очередь, 40 % оценили доступность объектов питания на отлично, 39 % – на хорошо, 16 % считают объекты питания не достаточно доступными. Причем, только 9 % респондентов считают, что цены полностью соответствуют качеству в городской системе общественного питания. 47 % остались не достаточно удовлетворены режимом работы предприятий в городе, а 36 % – качеством бытовых услуг, 56 % остались не довольны общественным транспортом в городе, 63 % – качеством услуг авиаперевозок; 50 % не достаточно удовлетворены организацией безопасности в общественных местах, 18 % неудовлетворены безопасностью в транспорте, в вечернее и ночное время. 33 % считают, что улицы города очень плохо освещаются, 50 % не удовлетворено качеством дорог, 36 % – чистотой улиц.

Но при этом 70 % гостей считают городскую среду в целом уютной для проживания; 69 % опрошенных отметили, что архитектурный облик города очень привлекателен; 86 % респондентов считают, что культурные объекты в городе доступны, но 14 % остались не достаточно удовлетворены их доступностью. 85 % опрошенных считают, что культурная жизнь в городе полностью соответствует их вкусам.

Оценка гостеприимства горожан показала, что решением деловых вопросов довольны 83 %, 17 %, в свою очередь, не довольны данным показателем. Кроме того, 13 % гостей считают горожан необщительными, 87 % не усматривают в этом показателе проблем.

Респонденты отмечают, что уникальность города в его расположении, неповторимом ландшафте, архитектуре, море, климате, наличии большого количества вузов, развлекательных заведений, в возможности новых открытий и нахождения хорошей работы.

Город Владивосток ассоциируется с таким животным как тигр, его изображения, скульптуры можно и нужно использовать для продвижения имиджа города. Охрана данного пред-

ставителя живой природы активно пропагандируется во Владивостоке, и эту тенденцию обязательно нужно поддерживать. Зоопарк в Садгороде и Сафари-парк в Шкотово помогают воспитывать любовь и заботу о природе с малых лет, экскурсии в эти места, где обитают в искусственных условиях (но, конечно же приближенных к природным) особи тигров, пользуются большой популярностью.

Погода во Владивостоке характеризуется не только ветром и туманами ведь это далеко не так, нужно разработать концепцию, по которой отдых в Приморье, например с августа по октябрь лучше и дешевле, чем за границей, привлекать, таким образом, инвестиции и соответственно продвигать город.

Проекты по продвижению имиджа и формированию бренда территории следует разрабатывать и осуществлять посредством СМИ, маркетинга, с помощью развития конкурентных преимуществ территории, экспорта, индустрии путешествий, культурных и научных мероприятий.

Для предотвращения уменьшения потока туристов и гостей в город необходима коррекция образа города, с учетом мнения представителей данной целевой аудитории.

Одним из важных этапов в имидже должно стать позиционирование сильных сторон региона. Это возможно, если город будет участвовать в выставках, форумах и конференциях. Необходимы проведения акций по совершенствованию информатизации.

На формирование имиджа города влияют два фактора: внутренние и внешние. Внутренние факторы такие как: благоприятный климат, своеобразная флора и фауна, другие природные особенности и географическое положение – (город у моря), способствуют большому притоку туристов для проведения отдыха и знакомства с территорией. Внешние факторы в позиционировании города – это различные имиджевые кампании (PR-акции, конференции, форумы и другое), целью которых является привлечение дополнительного внимания к городу и закрепления интереса к нему со стороны общественности, отраслевых СМИ, инвесторов и других значимых целевых аудиторий.

Весьма эффективным может быть имиджевый сценарий, направленный на формирование Владивостока как современного культурного центра, региональной столицы. Именно программа культурного возрождения Владивостока может стать основой ребрендинга, за счет чего организуется и долгосрочный приток капиталов на территорию. Специалисты фонда «Институт экономики города» утверждают, что сами российские города, а не их товары являются лучшими брендами нашей страны.

Несмотря на указанные выше проблемы, можно с уверенностью сказать, что город Владивосток уникален, единственный в своем роде. Он сильный, динамичный и быстро растущий российский город в Азиатско-Тихоокеанском Регионе. Опыт торгово-экономического взаимодействия с государствами АТР демонстрирует достаточно высокий потенциал сотрудничества с ними города Владивостока и региона в целом. В тоже время государственная политика в части развития бренда Приморского края требует повышения научной обоснованности, объединения усилий представителей органов государственной власти, бизнеса, научного и экспертного сообщества, общественных организаций.

При реализации инвестиционных проектов необходимо позиционировать регион в контексте бренда: «**Свободный порт – Владивосток**»; усовершенствовать программы социально-информационной логистики региона на основе перспективных маркетинговых технологий: территориального SMM и SEO, краудсорсинга, мобильного PR, геймификации и цифрового сторителлинга; активизировать социологические и маркетинговые исследования, направленные на анализ мнений о внутреннем и внешнем имидже региона у представителей ряда целевых групп для выявления и последующей корректировки факторов, негативно влияющих на позиционирование территории; разработать технологии совершенствования позитивного восприятия г. Владивостока у туристов, обратив внимание на использование потенциала природных ресурсов, геополитического положения, культурно-исторического наследия региона, преимущества климатического пояса его расположения, а также направить усилия на развитие необходимой инфраструктуры и улучшение экологической ситуации. Пози-

ционировать туристское направление имиджа города в контексте бренда: «Владивосток – морские ворота России»; края – «Приморский край – сердце Тихоокеанской России»;

Следует разработать масштабные проекты, способствующие сокращению (в перспективе – прекращению) оттока трудоспособного, в первую очередь, молодого населения региона (например, создание технопарка информационных технологий и инжиниринг – центра современного программного обеспечения (например, с использованием облачной технологии – создание контента облачных сервисов, объединяющих страны АТР; ИТ парка, объединяющего научно-исследовательские институты, объекты индустрии, деловые центры, выставочные площадки и др.); обратить внимание на нехватку кадров, способных профессионально заниматься деятельностью в сфере территориального имиджмейкинга, маркетинга и администрирования в сфере ИТ технологий, разработать методические рекомендации по формированию соответствующих образовательных программ.

Учитывать необходимость сохранения архитектурной идентичности г. Владивостока, исторических и архитектурных артефактов, формирующих позитивный визуальный образ, ее развитие с помощью создания эмоционально насыщенной архитектурной среды, привлекающей туристов (например, постройки аква-парков, парков архитектурных миниатюр, выставочных центров международного уровня и др. объектов); активно развивать в крае и регионе социокультурные модели, практики и технологии художественного творчества и арт-технологии, способствующие улучшению качества жизнедеятельности жителей региона; привлекать ученых для проведения экологических и других экспертиз для оценки, возможных последствий принимаемых решений и поиска оптимальных механизмов сохранения и развития природно-культурного наследия региона.

Литература

1. *Важенина И.С.* Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2008.
2. *Важенина И.С.* Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // *Маркетинг в России и за рубежом.* 2006. № 6.
3. *Гавра Д.П., Таранова Ю.В.* Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петерб. Гос. ун-т Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. 155 с.
4. *Киреева С.А., Кузина К.А.* Имидж региона: теоретический аспект // *Вестник АГТУ.* 2007. № 1 (36). С. 233–234.
5. *Панасюк А.Ю.* Имидж: Определение центрального понятия имиджологии // *Академия имиджологии.* 2004. 26 марта. URL: http://academim.org/art/pan1_2.html (дата обращения: 17.04.2017).
6. *Панкрухин А.П.* Маркетинг территорий. 2-е изд., дополн. СПб.: Питер, 2006. 416 с.
7. *Чарушина Е.И.* Оценка привлекательности территории // *Вестник НГИЭИ №3(34),* 2014.
8. *Эрдынеев Б.Ю.* Стратегия формирования имиджа региона: Основные принципы и этапы: материалы Восьмого Международного симпозиума по имиджологии / под ред. Е.А. Петровой. М.: РИЦ АИМ, 2010. 306 с.

Ирина Владимировна Ефремова

студентка факультета социальной психологии,
Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный Университет»,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: efremova_irina1@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ХИПСТЕРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются истоки возникновения субкультур в России, их развитие и современное состояние. Особое внимание автор уделяет субкультуре хипстерского движения, которое является одним из самых популярных на настоящий момент. Также в статье продемонстрировано влияние субкультуры на облик городской инфраструктуры.

Ключевые слова: хипстеры; субкультуры; социокультурная среда; городская инфраструктура; общество потребления.

Irina Efremova

Humanitarian University,
Russian Federation, Yekaterinburg

THE INFLUENCE OF HIPSTERS SUBCULTURE ON URBAN SPACE

Abstract. The article devoted to the origins of the emergence of subcultures in Russia, their development and current state. Much attention is given to the subculture of the Hipster direction, which is one of the most popular at the moment. Also, the article demonstrates the influence of subculture on the appearance of urban infrastructure.

Keywords: hipsters; subculture; sociocultural environment; urban space; consumer society.

Городская среда любого современного города формируется своими обитателями, но и сама формирует их мировоззрение, диктует моду, определяет портрет типичного представителя той или иной дестинации. Ежедневно в городской социокультурной среде функционирует несколько субкультур, наиболее сильная из которых определяет «доминанту альтернативы» – то течение, которое люди будут предпочитать массовой культуре в большинстве случаев.

За последние 30 лет субкультуры «вышли из тени» и стали полноправными компонентами культурного пространства России. Перестроечный кризис, изменивший все сферы общественной жизни, лишил людей привычных социокультурных маркеров, а потому так остро встал вопрос самоидентификации. Следствием этой ситуации стал рост количества субкультур среди молодежи, многие из которых были заимствованы с Запада. Агрессивные скинхэды, мрачные готы или эскаписты-толкиенисты – всех их объединял внутренний протест. Однако же именно протест стал причиной появления новой нормы – наличие в обществе субкультур стало частью культурного кода.

В «нулевых» субкультуры начали сменять одна другую, все больше уподобляясь моде. Гламур, «ванильки», «бодипозитив», «неославянизм» – вектор субкультур за последнее десятилетие значительно сместился в область визуальной составляющей. Современным субкультурам присущ демонстративный образ жизни, преобладание внешних атрибутов принадлежности к субкультуре, популяризация своих убеждений посредством медиа.

Самым ярким примером современной субкультуры стала субкультура хипстеров, которая сейчас является самой большой не только по количеству адептов, но и по количеству «подражателей». Хипстеры современности – «дети эпохи потребления» и постиндустриального общества. Это молодые люди в возрасте от 16 до 30, принадлежащие к среднему классу, выходцы из благополучных семей. Они имеют высшее образование или находятся в процессе его получения. В большинстве случаев это образование гуманитарной направленности или творческое образование, благодаря чему хипстеров можно было бы назвать «новой боге-

мой», но интеллигентность хипстеров носит исключительно демонстративный, поверхностный характер. Каждый хипстер – актер, примеривший на себя образ уникального и неповторимого человека с кожаным Молескином и тягой к артхаусному кино, но доподлинно таковым не являющийся. В отличие от ранних субкультур, намерением которых было изменить окружающий мир, хипстерская культура индивидуалистична, и ее лозунг «Не дай миру изменить себя». При открытом доступе к информации, огромном многообразии религиозных и светских течений, переизбытке товаров и услуг потребность в процессе редуцируется.

Как уже было сказано ранее, хипстерство появилось благодаря процветанию общества потребления и его ценностей. Но потребление отдельных товаров или услуг уже не является ценностью само по себе, важен комплекс, иначе говоря, потребление определенного стиля жизни. Из этого фактора вытекает зависимость хипстеров от известных брендов, в частности, кеды Converse и продукция Apple, которые являются неизменными атрибутами хипстеров. К дополнительным можно отнести ломограф, он же пленочный фотоаппарат с большим количеством «примочек», очки в толстой пластиковой оправе «Ray Ban», клетчатые рубашки и выбритые виски у юношей, хотя последний признак вышел за пределы моды субкультуры. Каждая из этих вещей должна говорить о том, что ее владелец уникален и неповторим, но в реальности представители хипстерства выглядят практически одинаково.

Отдельного слова заслуживает интернет. Наиболее популярным сайтом хипстер-среды является Инстаграм. Как указывают в своем исследовании М.В. Новак и М.А. Игнатов, современная культура стремится к упрощению, девербализации информации и распространению визуального потребления. По этой же причине Твиттер и YouTube популярны – в первой сети для выражения чувств и эмоций потребуется всего 140 символов, а второй практически полностью исключает текстовый канал передачи информации.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что хипстерство – «массовая культура под соусом элитарности», основанная на виртуальном пространстве и культе потребления. Таково новое общество.

Соответственно, у нового общества есть свои специфичные потребности. А городская среда чутко реагирует на новый спрос, подстраиваясь под моду. В сфере гостеприимства таким откликом стало массовое открытие хостелов в стиле лофт – популярном стиле организации пространства в хипстерской среде. Сфера F&B отреагировала открытием кофеен (пример – «Шоколадница» и «Simple coffee»), антикафе и арт-ресторанов. С точки зрения городской инфраструктуры было увеличено количество велодорожек, площадок для самокатов и скейтбордов, увлечение которыми так же присуще хипстерам. В индустрии красоты произошли незначительные изменения, но и они значительно поспособствовали изменению облика города. Парикмахерские и салоны красоты, как мастерские стиля, провели ребрендинг и освоили несколько новых креативных практик, например, окрашивание разноцветных прядей или выбривание висков. Самой известной сетью хипстерских парикмахерских является «Chop-Chop», по образу и подобию которой были выстроены все остальные. Наконец торговая сфера, которая выиграла от появившегося нового потребителя больше остальных, отреагировала ростом торговых центров. В современных торгово-развлекательных комплексах можно провести весь день, не делая перерывов на еду или развлечения – все необходимое находится в одном здании. Так же в торговых центрах находятся автоматы, позволяющие распечатать фотографии из Инстаграма и множество объектов, с которыми можно сфотографироваться. Так примерочные магазина молодежной одежды «BeFree» оборудованы зеркальными полотнами с наклеенным на них хэштегом, что позволяет идентифицировать магазин в покупателе «селфи».

Все эти примеры свидетельствуют об одном – пластичная городская среда неуклонно изменяется под воздействием новой культуры, тем самым, создавая все больше приверженцев этой культуры. Хорошо это для культурного профиля города – вопрос спорный. Важно лишь то, насколько глубоким станет это влияние, ведь влияние хипстерства может стать очередным веянием моды, которое канет в небытие спустя 3 десятка лет, а может стать эпохой в развитии города, которую будут вспоминать как основополагающую.

Литература

1. *Кулишов В.В., Кандаш А.С.*, Субкультура хипстеров в пространстве современной социокультурной среды // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 24. С. 109–115.
2. *Новак М.В., Игнатов М.А.* Субкультуры в современной России и визуальное потребление: региональный аспект // Научные ведомости БелГУ (Философия. Социология. Право). 2014. № 9 (180). С. 144–152.

СВЕТСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ФОРМЫ ОРИЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

Юлия Юрьевна Зверева

*старший инспектор по контролю за исполнением поручений научно-исследовательской
и редакционно-издательской группы,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
Россия, г. Санкт-Петербург.
E-mail: the_besti@mail.ru*

НАУКА И РЕЛИГИЯ В XXI ВЕКЕ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИСЛАМА

Аннотация. В статье рассматриваются пути развития христианской и исламской гносеологических традиций. На основе анализа основных положений ислама по вопросу о соотношении науки и религии (веры и знания) обосновывается актуальность исламской гносеологической модели и ее эффективность в познавательных практиках современного человека.

Ключевые слова: наука; религия; вера; знание; ислам.

Yuliya Zvereva

*Leningrad regional branch of
Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation,
Russian Federation, Saint-Petersburg*

SCIENCE AND RELIGION IN XXI CENTURY: THE ISLAMIC GNOTHEOLOGICAL STRATEGY

Abstract. The article deal with the ways of development of the Christian and Islamic gnotheological traditions. Based on the analysis of the main theses of Islam on the relationship between science and religion (faith and knowledge), the relevance of the Islamic gnotheological model and its effectiveness in the cognitive practices of modern man is reasoned.

Keywords: science; religion; faith; knowledge; Islam.

Отношения науки и религии (веры и знания) – пример классической философской проблемы, актуальность которой, как и варианты решения исторически обусловлены. На пике актуальности данная проблема находилась в период средневековья, когда ее решение имело парадигматическое значение и структурировало проблемное поле религиозно-философских поисков. Принципиально разные модели соотношения науки и религии (веры и знания) в это время формируются в рамках христианской и исламской философских традиций при том, что одним из важнейших источников обеих является античная мысль.

Христианскую стратегию решения проблемы науки и религии (веры и разума) можно условно назвать стратегией дизъюнкции, в которой союз «и» имеет разделительное значение. Формулировки средневековых христианских мыслителей ведут, в лучшем случае к разделению, а в худшем к противопоставлению и взаимоисключению одной из сторон, представленным в бинарной оппозиции. В спектре от тертуллиановского «верую, ибо абсурдно», до компромиссной концепции двойственной истины Фомы Аквинского, эта стратегия предполагает расстановку приоритетов в пользу религиозной веры, провозглашая ее автономию от науки и разума.

Важным историко-культурным следствием, вытекающим из этой стратегии, является разрыв религиозного и научного мировоззрения, одно из которых оказалось практически полностью преодолено в ходе нововременного научно-технического прогресса. В XXI в. христианская стратегия мироустройства и миропознания, основанная на вере в чудеса, мета-

физике и аргументации со ссылкой на веру в авторитет божественных догматов оказывается не конкурентноспособной. Хотя сама проблема взаимоотношения науки и религии не пропадает в анналах истории, а, напротив, на рубеже XX–XXI вв. приобретает актуальность в свете зарождения и развития феномена нетрадиционных религий.

Сохраняющийся некоторое время интерес к синкретичным учениям наподобие сайентологии, в которых околонучные идеи соседствуют с эзотерическими практиками в затейливом философском обрамлении, свидетельствует о массовом стремлении к широкому духовному поиску, который не удовлетворяется в полной мере ни сциентистскими установками, ни возвратом к традиционному для христианства религиозному подходу. В наши дни потребность в этом поиске подкрепляется кризисным состоянием общества на фоне глобальных политических процессов, которые часто получают шаблонную оценку в терминах «конфликта» или «столкновения цивилизаций». В частности, имеются в виду западная и исламская культуры.

Несмотря на информационную войну, сопровождающую и активизирующую современные социально-политические процессы, такие как миграция, террористические угрозы и рост радикальных умонастроений, другим их диалектическим следствием является нарастание интереса к исламу среди носителей западной культуры. Вынося за скобки вопросы, касающиеся причин «физического» распространения ислама на западе и в России, представляется, что одной из наиболее привлекательных его сторон является принцип единства науки и религии (веры и знания).

Исторически решение проблемы об отношениях веры и знания в рамках стратегии конъюнкции, где союз «и» означает слияние или присоединение, обеспечивало успех развития арабского халифата. Мусульманское предание хранит множество фактов из жизни Пророка Мухаммада, который и на словах и на деле олицетворял собой пример неустанного стремления к расширению знаний о мире и углублению понимания религии. «Ищите знания о колыбели до могилы» – программный тезис исламской гносеологической стратегии. «Берите знание даже с уст язычника» – еще одно известное напутствие, которым руководствовались сподвижники Пророка, осознавая непреходящую внеконфессиональную и вненациональную ценность просвещения.

Два наиболее ярких факта исламской истории, подтверждают действенность этих тезисов. Первый относится к периоду жизни Пророка Мухаммада. Он связан с освобождением пленных язычников после известнейшей победы мусульман в битве при Бадре, где в качестве выкупа от них требовалось обучить нескольких победителей грамоте. Второй факт относится к более поздней истории, он связан с расцветом науки в крупнейших европейских центрах ислама – Кордове и Андалусии, которые имели значение мировых центров международного сотрудничества задолго до обретения наукой официального статуса социального института.

Стремление к знаниям в исламе является разновидностью поклонения Творцу, вменяется в обязанность, а ее исполнение поощряется в обоих мирах: «Вступившему на путь в поисках знания Аллах за это облегчит путь в рай» [84, 2]. Идея тесной взаимосвязи веры и знания звучит во многих хадисах, в частности следующим образом: «Достоинство знания превосходит достоинство поклонения, а лучшим проявлением вашей религии является набожность» [68, 2]. Для ислама исходным является нераздельное единство жизненной практики и практики религиозного поклонения. При этом под знанием понимается не только содержание религиозных предписаний, но и изучение всего окружающего мира в его полноте и разнообразии. Книга природы – физическое воплощение Священного Писания, по которой постигается божественный замысел, атрибуты и качества Создателя. Поэтому изучение Корана вне связи с изучением мира в широком понимании практически не имеет смысла. В этом же тезисе заключена идея прогресса, ведь очевидно, что современный человек знает о мире значительно больше, чем его предок, даже если он жил во времена Пророка, которому знание ниспосылалось непосредственно через откровение.

Исторические свидетельства гласят, что Пророк был неграмотен, поэтому первым напутствием от Господа ему было: «Читай! Во имя Господа твоего, который сотворил все сущее» [96 : 1, 1]. В Священном Коране говорится, что первое творение Господне – это «калам» – письменная трость, которой были написаны судьбы миров. В свою очередь, первое, чему научил Всевышний человека – это «калима» – понимание сути вещей через их наименование.

Биографы Пророка Мухаммада отмечали, что до момента осознания им своей особой миссии и обретения верного руководства в исполнении религиозных обрядов, он непрерывно практиковал наблюдение и созерцание, которые и являются исконными для человека видами поклонения. Этот факт демонстрирует еще одно важное положение ислама о «фитре» – состоянии изначальной естественной религиозности человека, в которой сохраняется единство разума и веры по умолчанию выводящее идею Творца из законосообразности наблюдаемой в мире гармонии.

Принцип неразрывности веры и знания в исламе выражается в отсутствии религиозных догматов в христианском понимании, то есть таких положений, которые должны приниматься сознанием верующего вне и помимо разума. Особый пророческий статус Мухаммада в исламе определяется как «хатам ан-набийин» («Печать Пророков»), который запечатал наивное детское мировосприятие человечества, ориентированное на веру в чудеса и заменил его призывом к разумному осмыслению мирового порядка [3]. В тексте Священного Корана неоднократно, обращаясь к человеку, Господь взывает к его основным познавательным способностям – зрению, слуху и особенно часто к разуму как к свидетелям законосообразности божественного мироустройства [16: 3-18, 1]. Посредством разума через познание гармонично устроенного мира человек приходит к необходимости исполнения божественных законов по принципу единства микрокосмоса и макрокосмоса – не нарушать обещаний, быть щедрым и милосердным к людям, стремиться к благу и избегать запретного [13: 19-24, 1].

Таким образом, гносеологическая стратегия единства науки и религии (веры и знания) в исламе на сегодняшний день является актуальной, поскольку удовлетворяет одновременно и духовному поиску первооснов бытия и рациональному объяснению природных и социальных законов.

Литература

1. Перевод Корана Крачковского Игнатия Юлиановича. URL: <http://falaq.ru/quran/krac> (дата обращения: 07.05.2017).
2. Сахих ат-таргъиб ва-т-тархиб. 3. Книга знания. Хадисы №№ 67-143. URL: <http://hadis.info/02-kniga-znaniya-2/663/> (дата обращения: 07.05.2017).
3. Тауфик Ибрагим. «Печать Пророков», или интеллектуализация чуда. URL: <http://www.dumrf.ru/islam/theology/9010>. (дата обращения: 07.05.2017).

Юлиана Николаевна Данилова
научный сотрудник,
Курганский областной краеведческий музей,
Россия, г. Курган.
E-mail: uliana.d2016@mail.ru

МИЯКО – ИТИБАМАТИ – ДАЙТОСИ: ПУТЬ ОТ ОЧАРОВАНИЯ К ОТЧУЖДЕНИЮ

Аннотация. Статья посвящена истории урбанизации и сложному взаимодействию человека и городской среды в средневековой и современной Японии. Рассматривается отражение темы города в японской литературе и искусстве.

Ключевые слова: города Японии; Нара; Киото; Эдо; Токио; мяяко; итибамати; дайтоси.

Yuliana Danilova
Kurgan museum of local edge,
Russian Federation, Kurgan

MIYAKO – ITIBAMATI – DAITOSHI: THE PATH FROM THE CHARM TO THE ALIENATION

Abstract. The article is devoted to the history of urbanization and complex interaction of humans and the urban environment in the medieval and modern Japan. Is considered a reflection of the themes of the city in Japanese literature and art.

Keywords: city of Japan; Nara; Kyoto; Edo; Tokyo; miyako; itibamati; daitoshi.

История урбанизации в Японии сопровождалась эволюцией терминологии. Раньше всего появились так называемые *мияко* – города-резиденции в которых располагались императорские дворцы. К ним можно отнести древние столицы государства Ямато – Фудзивару, Нара и Киото. В периоды Мурамати и Камакура на территории Японии возникли различные *дзэкамати* – призамковые города, *ходзинмати* – города на почтовых трактах, *дзаймати* – города на месте деревень, *модзэнмати* – прихрамовые города. Большую часть из этих городов можно объединить одним названием *итибамати* – административные и торговые центры, выполняющие роль движущей силы экономического, политического и культурного развития Японии. К итибамати можно отнести города Хакату, Хёго, Одавара, Нагою. В XX в. многие крупные города средневековья превратились в настоящие *дайтоси* – современные мегаполисы.

За всеми этими названиями можно увидеть как историю развития одной из самых индустриальных стран Востока и мира в целом, так и сложные взаимоотношения общественных структур и человека. Хотя, по мнению многих исследователей, города были созданы людьми для самих себя, не всегда человек мог чувствовать в них комфортно – взаимоотношения города и человека (как на Западе, так и на Востоке) всегда были полны противоречий. Каждый из этих типов городов – мяяко, итибамати и дайтоси – способствовал формированию у проживающих в них определенных эстетических пристрастий и морально-нравственных предпочтений.

Нара (основан в 710 г.) и Киото (основан в 792 г.) на всем протяжении своего существования, и во время их политического расцвета, и во время забвения, оставались крупными культурно-религиозными центрами страны. Именно они были местом формирования и культивирования аристократической утонченной культуры *отё бунка*, имеющей своим основанием принцип *моно-но аварэ* – «очарованность вещами».

И тот и другой город славятся своими достопримечательностями: Нара – Хранилищем императорских драгоценностей Сёсоин, храмами Тодайдзи и Касуга-тайся, окутанным легендами прудом Сарусава. В одном только Киото расположено более полутора тысяч буддийских храмов и около пятисот синтоистских кумирен! Но главным достоянием этих горо-

дов являлись не столько храмы, их сады или парки, а люди, до сих пор считающие себя «наследниками» аристократических традиций тысячелетней давности. Окруженные прекрасной природой, защищенные городскими стенами представители придворной знати могли проводить дни за составлением букетов или ароматических композиций, чтением стихов. Дамы и их кавалеры предавались любовным утехам в стенах дворцов, совершали паломничества в храмы, любовались цветами, растущими в рощах, луной, поднимающейся над стенами древних столиц. Каждая строка из поэзии, прозы, записок, дневников, написанных в их стенах, дышала очарованностью красотой окружающего мира.

Нара и Киото были созданы для того, чтобы живущие в них могли ощущать жизнь во всех ее проявлениях, звуках и красках. Может быть поэтому, когда эти два города постепенно стали терять свое политическое могущество, они еще долгое время были окутаны поэтическим флером, полным грусти об утраченном:

*Когда большими хлопьями на землю
Снег, словно пена белая, летит,
И нет конца ему, –
Всегда в минуты эти
Столицу Нара вспоминаю я! [6, с. 72]
Вот кукушка поет
Близ святилища Исоноками –
Только этот напев
В древней Нара, в старой столице,
И остался таким как прежде... [2]*

Шло время, государство Ямато все больше и больше заявляло о своем могуществе на территории архипелага. На смену рафинированной нарской и киотоской аристократии пришла новая военная аристократия-буси. На смену старым городам пришли новые – итибамати, которые стали центрами популяризации государственной идеологии, внутренней и внешней торговли, культурных традиций, морально-этических норм на территории Хонсю и Кюсю. К итибамати можно отнести и город Эдо, бывший дзёкамати, возвеличивание которого началось при Токугава Иэясу в XVI в.

В Эдо зародился новый тип городской культуры – *тёнин бунка*, носителями которой были не утонченные хэйанские аристократы, а представители городского сословия – купцы, торговцы, ремесленники... Повседневная жизнь горожан, их взаимоотношения легли в основу *кибёси* и *ниндзёбон* – бытовых и любовных рассказов, имеющих огромную популярность среди *эдокко* – «жителей Эдо». Эдокко не отличались изысканностью вкуса: хотя атмосфера города способствовала развитию театра (драматургия Но и Кабуки), искусства (становление гравюры *укиё-э*), особой любовью среди горожан пользовались соревнования по жонглированию черепицей или так называемое *кибакаунори* – «стоя на деревянном бруске в Киба», состязание в ловкости.

Эдо был главным экономическим центром страны: в начале XVI в. Токугава начал строительство *гокайдо*, пяти главных дорог страны, – Токайдо, Накасэндэ, Косюкайдо, Никкокайдо, Осюкайдо, связывающих город с культурными, торговыми центрами. В Эдо находился мост Нихонбаси – легендарное место, географический центр страны. Одних город поражал своими масштабами и возможностями, других – подавлял. Зачастую жители, захваченные повседневностью, не успевали обратить внимание на красоту окружающей природы:

*Глаз не отвести...
Не часто видел я в Эдо
Луну над гребнем гор [5]*

Известный гравёр Хиросигэ Андо является автором серии «Сто знаменитых видов Эдо», состоящей из ста восемнадцати гравюр. Серия содержит изображение таких достопримечательностей, как храм Киемидзу, святилища Инари и Хатиман, монастырь Ниси-Хонгадзи, так и изображения новых «достопримечательностей»: улицы мануфактурных магазинов в квартале Одэматэ, дамбы на реке Отонасигава в Одзи, печей для обжига у переправы Хаси-

ба-но ватаси, магазинов тканей в квартале Одэматё, квартал красильщиков Канда. Если в Нара и Киото людей пленяла поэтическая красота, дворцы и храмы, окутанные тайнами, уходящими вглубь времен, то в Эдо – красота современности, говорящая о неустанном социополитическом и экономическом развитии Страны восходящего солнца. Эдо, как яркий пример итибамати, демонстрировал собой взаимовыгодный союз человека и города: первый способствовал процветанию города, второй давал человеку возможность вести безбедное существование.

Вторая половина XIX в. – реформы Мэйдзи, время знакомства японцев с достижениями мировой культуры. Бывшие итибамати разрастаются и постепенно превращаются в современные мегаполисы – *дайтоси*. На многих японцев, особенно приехавшим из провинции, новые города наводили ужас: беспорядочно теснящиеся коробки домов, толпы людей, замкнувшихся в самих себе, снующих по тротуарам, потоки машин... Экзистенциализм, получивший широкое распространение среди японских интеллектуалов того времени, не мог обойти стороной тему сложных взаимоотношений человека и города. В произведениях Исикава Такубоку, Куникада Даппо, Омаки Хиро, Номура Кэндзо и многих других звучат темы утраты человеком самотождественности, разрушения сознания человека одиночеством, беспомощность его перед городской средой:

*Словно из дикой пустыни
Я домой воротился...
Долго шел я
По черной ночи,
По черной ночи Токио [4, с. 476]*

*Деревенский простак –
Вот как выглядел друг мой
В столице.
Трех дней не прошло,
Он вернулся домой [4, с. 434]*

Дайтоси – особенно такой крупный как Токио, сами жители называли скоплением железобетонных конструкций, «пустыней», обвиняли в порождении человеческого безразличия. Тема одиночества, заброшенности человека в современной городской среде, стала основной и в литературе XX в.: «у западного выхода подземного перехода станции Синдзюку в Токио... Указанный подземный переход – место весьма оживленное, за день по нему проходит до ста тысяч человек... По рассказам очевидцев, это человек примерно пол дня сидел в одной и той же позе, но... никто не обратил на это внимания» [1, с. 456-457]. Безликости мегаполисов посвящаются современные баллады-энка:

*Как будто плачет закопченное, запачканное небо.
Где-то растеряли всю свою нежность жители этого города.
Но я люблю его, потому что в нем живешь ты, с которым можно
разделить печаль.
О, пустыня по имени Токио!
В долине между небоскребами стоячая вода реки.
Течет черным потоком только толпа людей... [3]*

Современный японский мегаполис, казалось бы, создан для того, чтобы человек в нем чувствовал себя комфортно. Но почему-то этого не происходит. Японцы все чаще вспоминают далекую старину, питают особую любовь к узким улочкам Нары, Киото и самого Токио. Им кажется, что именно тогда человек, защищенный от угроз внешнего мира всего лишь бумажными стенами, чувствовал себя умиротвореннее, чем современных городах. Что на улицах, в лавочках и чайных домах средневекового Эдо, человек встречал больше единомышленников, чем житель современных мегаполисов, теряющийся в водовороте городского безразличия.

Японские города, как и города других стран и континентов, прошли путь от небольших мияко к гигантским дайтоси, но, приобретя монументальное величие, они, увы, потеряли того, для кого и были созданы – человека.

Литература

1. *Абэ Кобо*. Избранное: пер. с яп. В. Гривнина / вступ. ст. Н.Т. Федоренко. М.: Правда, 1988. 560 с.
2. Кокинвакасю. URL: http://librebook.ru/kokin_wakashu (дата обращения 16.05.2017).
3. *Тавровский Ю.* Двухэтажная Япония. Две тысячи дней на Японских островах. URL: <http://goallib.com> (дата обращения 24.05.2017).
4. Японская классическая поэзия. Смоленск: Русич, 2002. 528 с.
5. Японская классическая поэзия. М.: Эксмо, 2009. 576 с.
6. Японские пятистишия: антология / Акахито, Окура, Якамоти, Саканоэ, Камо; пер. с яп., вст. ст. и примеч. Анны Глускиной. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 219 с.

Елена Викторовна Кузьмина
доцент кафедры теологии и мировых культур,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: kuzminahv@rambler.ru

ТЕОЛОГИЯ В СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ*

Аннотация. Вопросы научной идентификации всегда ставились оппонентами перед российской теологией, но в последний год, по факту состоявшейся защиты первой кандидатской по теологии П.В. Хондзинским, они приобрели конкретные формы. Сможет ли новая российская теология ответить на них? И примут ли российские гуманитарии теологию в свою научную конвенцию?

Ключевые слова: теология; светскость; наука; метод.

Elena Kuzmina
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

THEOLOGY IN THE SECULAR STATE: THE QUESTIONS OF SCIENTIFIC IDENTIFICATION

Abstract. The questions of scientific identification were always raised by opponents for the Russian theology, but in the last year, upon the taken place protection of the first candidate on theology P.V. Hondzinsky, they have got concrete forms. Whether the new Russian theology will be able to answer them? And whether the Russian humanists will accept the theology in the scientific convention?

Keywords: theology; dignity; science; method.

Говорят, что история не повторяется. Но с теологией как научной и образовательной специальностью почему-то это происходит. Причем признают повторение обе стороны, и теология и религиоведение. Как двадцать лет назад утверждалось, что стандарт по теологии был предложен религиоведами, так и сегодня говорится, что ВАКовский паспорт теологии написан религиоведами, и поэтому его надо корректировать.

Светскость рассматривается как формат, не только политический, но и культурный. Первым, кто «выпадает» в интернете, когда «забываешь» слово «светское», это Жан Боберо [1]. Он пишет о «светском типе гуманизма» как ценности современного общества, которую необходимо защищать. Также он говорит о «тройном социальном контексте»: современных обществ, медийного общества и общества рынка. Важно отметить, что автор не отождествляет светскость и секулярность, как это делают многие отечественные правоведаы. Светскость – своего рода конвенция, публичная (открытая) договоренность участников взаимодействия, прежде всего, государства и религиозных организаций. Можно сказать, что в современной России светскость еще создается, и теология, которая имеет «конфессиональную привязку» становится камнем преткновения.

Второй момент – это критерий научности. Если теология выступает теперь не только как образовательное направление, но и как гуманитарная наука, то она должна соответствовать тем показателям научности, которые признаются опять же большинством российских гуманитариев. Первая защищенная в России диссертация по теологии (правда, на степень кандидата философских наук) Павла Владимировича Хондзинского «Разрешение проблем русского богословия XVIII века» также ставить вопрос научности и собственного для теологии ме-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Омской области, проект № 17-13-55002, номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта: АААА-А17-117041310093-8.

тогда. Наибольшую реакцию вызвала формулировка второго пункта теологического метода, как личностного опыта веры [2, с.17], причем с ссылкой не только на отечественные, но и на зарубежные авторитеты (Б. Лонерган – католический теолог).

Некоторое время до защиты на страницах журнала «Государство, религия и церковь в России и за рубежом» также развернулась дискуссия на тему научности теологии. Первый материал, представленный в публикации, принадлежит Екатерине Элбакян – известного оппонента теологии [3]. Е.С. Элбакян предлагает несколько принципов науки:

«Принцип верификации, в силу которого научным является только то знание, которое можно подтвердить...»

Принцип фальсификации, в силу которого только то знание является научным, которое можно изменить: опровергнуть или дополнить...»

Принцип рациональности: обоснованность разумом. Чаще всего она истолковывается как соответствие законам разума – законам логики... Иногда под рациональностью понимают целесообразность...»

Принцип методичности – последовательность логических процедур, заранее нацеленная на достижение определенной цели...»

Принцип системности: только та информация является научной, которая должным образом структурирована...»

Принцип интересубъективности выражает свойство общезначимости, общеобязательности, всеобщности знания – в отличие, например, от мнения...»

Принцип аксиологической нейтральности, предполагающий недопустимость вынесения оценочных суждений об исследуемом объекте...»

Мы несколько поменяли авторскую последовательность текста и (пока) оставили принцип истинности в стороне. Хотя, по нашему мнению, он оказывается центральным в теологической аргументации.

Как кажется, представителям теологии необходимо ответить по пунктам на приведенные выше принципы. Интересно, что позиция Е.С. Элбакян совпадает с формулировкой П.В. Хондзинского первого положения теологического метода, утверждающего специфику предмета теологии. Согласно этимологии слова, в первую очередь эта наука повествует о Боге. Затем, теология рассматривает все, что касается логосности божественного, человеческого и их «коммуникации».

При всей строгости оппонента, исход предприятия не кажется негативным. Верификацией теология занимается все время своего существования, так же как и фальсификацией. Есть мнение, что догматическая система христианства сложилась в результате «разномыслия» (1 Кор. 11:19; 1 Фес. 5: 21) и появления т.н. ересей.

Также рабочей проблемой является принцип рациональности, так как для отечественной богословской традиции никогда не было свойственно противопоставление веры и разума (в виде рации). Не случайно русская религиозная философия разрабатывала концепт античного христианства «ведающая вера».

Нередко звучит тезис о том, что для религии в принципе не свойственно быть «аксиологически нейтральной» и видеть истинность в другой религии. Действительно, этот вопрос решается не просто. Когда современные апологеты теологии стремятся на него ответить, они прибегают к тем или иным авторитетам, опять же зарубежным, или актуализируют дореволюционных российских авторитетов. Эта мера срывает, но ненадолго. И со стороны оппонентов опять звучат упреки в архаизации и не научности. Поэтому конвенцию необходимо ожидать от самих диссертантов по теологии, если диссертационный совет сможет регулярно осуществлять защиты, то специфика теологического научного пространства обретет конкретные формы.

Литература

1. *Боберо Жан*. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность? URL: http://www.atheism.ru/library/Bobero_1.phtml (дата обращения: 16.07.2017).
2. *Ходзинский П.В.* Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе Святителя Филарета, митрополита Московского: дис. ... канд. филос. наук. URL: http://www.doctorantura.ru/images/pdf/2017/2017_thesis_khondzinsky.pdf (дата обращения: 16.07.2017).
3. *Элбакян Е.С.* «В отличие от теологии аксиомы в науке носят локальный, “технический” характер...» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 195–196.

Дарья Владиславовна Блинова
студентка социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: Dasha.vasilek@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ «ТЕОЛОГИИ ЦВЕТА»: ВОСПРИЯТИЕ ЧЕРНОГО ЦВЕТА В ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ И ТЕОЛОГИИ

Аннотация. Объектом данного исследования выступает теология цвета как перспективная область сравнительной теологии. Автор ставил перед собой задачу установить значение черного цвета в христианской религии и теологии. Результаты исследования имеют как теоретико-рефлексивное значение для понимания цвета как предметно-сущего религиозных представлений, так и прикладное применение в объяснении исторических модификаций феномена «черной Мадонны».

Ключевые слова: христианство; православие; теология цвета; сравнительная теология; черная Мадонна.

Daria Blinova
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

TO THE PROBLEM OF «COLOR THEOLOGY»: THE PERCEPTION OF BLACK IN THE CHRISTIAN RELIGION AND THEOLOGY

Abstract. The object of this study is the theology of color as a promising area of comparative theology. The author set himself the task of establishing the value of black in the Christian religion and theology. The results of the research are both theoretically reflective in understanding color as subject-existing religious representations, and applied in explaining the historical modifications of the «black Madonna» phenomenon.

Keywords: Christianity; Orthodoxy; Theology of color; Comparative theology; Black Madonna.

Религия занимает особое место в человеческом мировосприятии. «Если социо- и культурогенез «доосевой» эпохи обнаруживал выраженное в мифе единство созидающих социальное пространство рефлексий, то мировые религии откровения разбили его на три разделенные, но неслагаемые части» [5, с. 30]. Однако, если невозможна единая и целостная авраамическая теология, то возможно единое пространство теологического дискурса ключевых атрибутов культа, например теология цвета. Необходимость выделения нами зоны теологического дискурса цвета, определяется наличием множества «белых пятен» до сих пор незаполненных ни религиоведением, ни конфессиональной теологией.

Одной из отличительных черт христианства является то, что в восприятии цвета он не отождествляется с Богом. Цвет и свет становится одним из самых сложных символов. В Священном писании мы видим только категорию «свет» в противопоставлении «тьме». Таким образом, черный цвет будет являться отсутствием света. Тьма, темнота и мрак, как противоположность света. Темнота в душе человека связана с его греховностью. «Земля же была безводна и пуста, и тьма над бездною» [7]. «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью». «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». В данном контексте употребляется явление Божественного мрака: «Наклонил Он небеса и сошел, – и мрак под ногами Его. И воссел на херувимов и полетел, и неся на крыльях ветра. И мрак сделал покровом Своим, сению вокруг

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Омской области, проект № 17-13-55002, номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта: АААА-А17-117041310093-8.

Себя мрак вод, облаков воздушных» [10]. Сцена страдания Христа на Голгофе: «В шестом же часу настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого» [8].

В текстах Священного Писания ад изображается как «тьма внешняя». «Тогда сказал царь слугам: «связав ему руки и ноги, возьмите и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов» [9].

Один из четырех всадников Апокалипсиса изображается на вороном коне. Вороной (черный) цвет несет в себе значение голода и, соответственно смерти. Получается, что все, что связано с Дьяволом и адом соотносится с тьмой.

В произведении Павла Флоренского «Иконостас» мы видим, что цвет является свидетельством света, а не пигментом. «Все, что является или, иначе говоря, содержание всякого опыта, значит всякое бытие, есть свет» [1, с. 24]. Получается, что свет это существующее «видимое», а тьма это отсутствие «невидимое». От этого начал отталкиваться Бенц Э. Но с иным отношением к цвету. «Духовные цвета являются «небесными прототипами цветов земных. Духовный свет невидим для физического глаза, поэтому цвет как пигмент не может рассматриваться как сам свет, а лишь как ослабленное проявление его» [2, с. 40]. Иное мнение мы можем наблюдать у Трубецкого Е.: «онтологически цвет не имеет самостоятельного значения, гносеологически – это форма проявления духовного света, его символ и свидетельство: «краски здешнего, видимого неба, получившие условное, символическое значение знамений неба потустороннего». Ценность и информативность цвету придает духовное содержание» [2, с. 40].

Наиболее известный анализ цветовой символики византийского искусства принадлежит исследователю «христианской эстетики» В.В. Бычкову. Он сообщает, что в Византии существовала следующая художественно-религиозная символика цветов: «Золото – символ богатства и власти, но одновременно символ Божественного света... Золото в виде растекающихся струй (ассиста), наложенное на одежды иконописных образов, символизировало Божественные энергии. Пурпурный цвет – важнейший в византийской культуре; цвет Божественного и императорского достоинств. Красный – цвет пламенности, огня, как карающего, так и очищающего, это цвет «животворного тепла», а, следовательно, символ жизни. Но он же – и цвет крови, прежде всего крови Христа. Белый цвет имел значение «чистоты» и святости, отрешенности от мирского (цветного), устремленности к духовной простоте и возвышенности. Черный цвет в противоположность белому воспринимался как знак конца, смерти. Зеленый цвет символизировал юность, цветение. Это типично земной цвет: он противостоит в изображениях небесным и «царственным» цветам – пурпурному, золотому, голубому. Синий и голубой воспринимались в византийском мире как символы трансцендентного мира. Традиционны в этом плане для византийской живописи и синие одежды Христа и Богородицы в византийском искусстве» [3].

В дополнение о символике черного цвета хотелось бы сказать, что в иконописи черным закрашивали пещеры, символы могилы и зияющую адскую бездну. В некоторых сюжетах это мог быть цвет тайны. Например, на черном фоне, означавшем непостижимую глубину Вселенной, изображали Космос – старца в короне. Также значение черного цвета развилось до аспекта «ритуальной смерти». Поэтому черный стал цветом монашества.

Если черный цвет несет в себе негативный характер, почему в христианском религиозном пространстве существуют наряду со светлыми Мадоннами и Черные Мадонны? Если цвет является равнозначным словесному выражению то, какое символическое знание несет в себе Черная Мадонна? Является ли цвет Мадонны ее спецификой? Если символика черного цвета впитала в себя по большому числу негативный окрас, мы не можем отождествлять цвет Мадонны с его символическим значением. Епископ Вениамин (Пушкар) в своей книге «Священная Библейская история Ветхого Завета» пишет, что: «Во втором стихе, обращая внимание на первоначальное состояние новосозданной материи, Моисей называет ее, во-первых, землю, потому что земной шар был, потом образован именно из этой первоначальной материи, во-вторых, бездною, указывая этим на ее беспредельность и необозримую для человеческого глаза...» [4]. Следует, что земля, до создания света была безвидна т.е. темна (черна).

Может ли черная Мадонна своим цветом символизировать мироустройство на земле, освещающая собой тьму? Путь происхождения и формирования почитания Черной Мадонны проследить практически невозможно. Имеющийся материал находится под пристальным вниманием не только теологии и религиоведения, но и формирующего несексистскую интерпретацию мироздания феминистского дискурса [6, с. 16–17]. Внеконфессиональная теология цвета, не смотря на свой спекулятивный характер, выступает одной из основных объяснительных методологий в изучении феномена черных Мадонн.

Литература

1. *Флоренский П.* Иконостас. М.: АСТ, 2003. 640 с.
2. *Суздальцева С.Н.* Значение черного цвета в европейской эстетико-хроматической традиции тема: дис. ... канд. филос. наук. М., 2010. 164 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/znachenie-chernogo-tsveta-v-evropeiskoi-estetiko-khromaticheskoi-traditsii> (дата обращения: 24.05.2017).
3. *Селес А.* Тайнопись Древней иконы // Журнал Наука и Религия. 2012. № 8. URL: <http://www.n-i-r.ru/modules.php?name=Content&op=showpage&pid=539>. (дата обращения: 10.04.2015).
4. Епископ Вениамин (Пушкаръ) Священная Библейская история Ветхого Завета. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Pushkar/svjashennaja-biblejskaja-istorija-vethogo-zaveta/2 (дата обращения: 24.05.2017).
5. *Зайцев П.Л.* Социальная и культурная антропология: учебное пособие для вузов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. 108 с.
6. *Зайцев П.Л.* Гендер. Религия. Культура: учебно-методическое пособие. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. 28 с.
7. Толкование на Бытие 1:2 // Толкование Священного Писания. URL: <http://bible.optina.ru/old:gen:01:start13> (дата обращения: 24.05.2017).
8. Толкование на Мр.6:33 // Толкование Священного Писания. URL: <http://bible.optina.ru/new:mk:06:start> (дата обращения: 24.05.2017).
9. Толкование на Мт., 22:13 // Толкование Священного Писания. URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:22:13> (дата обращения: 24.05.2017).
10. Толкование на Пс.17:13 // Толкование Священного Писания. URL: <http://bible.optina.ru/old:ps:017:start> (дата обращения: 24.05.2017).

Мария Александровна Шарапова

преподаватель,

АНО ДПО «Русский православный институт культуры»,

Россия, г. Москва.

E-mail: mariy.sharapova1992@gmail.com

ИГРОВАЯ ФАНТАСТИКА И ИНВАРИАНТ МАНА

Аннотация. Общность человеческой природы по существу предполагает наличие неких существенно общих элементов в продуктах человеческой деятельности, в частности в играх, как проявлениях десакрализованной секуляризованной культуры. В комплексе игра и фантастика создают наиболее обширное источниковое поле для изучения инвариантов религиозного сознания в отношении современной культуры. Мана как инвариант в современных фантастических играх свидетельствует о наличии и работе религиозного сознания. Более того, это также фиксирует осознанное ощущение наличия некой превосходящей, побеждающей силы, имеющей универсальную природу, которая необходима для осуществления человеком успешной деятельности.

Ключевые слова: инвариант; мана; игра; сакральное; культура; религия.

Maria Sharapova

Rusky pravoslavny institut kulury,

Russian Federation, Moscow

GAME FANTASY AND MANG'S INVARIANT

Abstract. The community of human nature in essence assumes existence of certain appreciably general elements in products of human activity, in particular in games as manifestations of desacralization secular culture. In a complex a game and a fantasy create the most extensive source field for studying of invariants of religious consciousness concerning modern culture. Mana as the invariant in modern fantastic games demonstrates existence and work of religious consciousness. Moreover, it also fixes conscious feeling of presence of the force certain surpassing, winning having the universal nature which is necessary for implementation by the person of successful activity.

Keywords: invariant; mana; game; sacral; culture; religion.

Актуальность предлагаемого исследования состоит в том, что на примере одной из наиболее популярных и акцентуированной форм проявления современной культуры мы выявляем и учимся работать с инвариантами религиозного сознания. Этот опыт имеет большое значение не только для науки антропологии, теологии, психологии, но и для практической работы с вызовами современности (экстремизм, демографический кризис, кризис культурного, социального и политического развития).

Изначальные, древнейшие основания человеческого сознания сохраняются в различных формах культуры. Ритуальная природа игры позволяет фиксировать ее мифологические корни. Следовательно, изучение феномена игры ведет к получению теологического и антропологического знания, а результаты исследований данной тематики могут быть успешно использованы при преодолении кризисов социального и культурного развития общества.

В данном случае для работы выбран термин «инвариант» как наиболее подходящий для рассмотрения, поиска и выявления наиболее общих оснований при наличии многовариативности в их интерпретациях. Что касается самого термина инвариант – это синтез универсальности и архетипа с уникальностью и самобытностью. Абсолютный инвариант религиозного сознания есть Бог. Такое заключение делается нами на основе работы Ю.В. Балакина «Инварианты религиозного сознания. Из истории изучения. Проблема метода». Инвариант как самостоятельный термин со своим инструментарием только находит свое место в сфере гуманитарного знания. Целенаправленной, целостной и разносторонней разработки данного термина почти не велось. Конечно, к теме инварианта приближались многие исследователи: Дж. Вико, И.В. Гёте, Г. Узенер, А. Тойнби, А.М. Сагалаев, В.В. Иванов, В.Н. Топоров и многие другие. Но полноценной монографии так и не появилось. В свое время лишь В.Я. Пропп

написал статью «Инвариант и трансформации в фольклорных и мифологических текстах». К сожалению, работа Ю.В. Балакина была издана посмертно. Теперь планы автора по дальнейшей разработке и введению термина инвариант в сферу гуманитарных исследований видится задачей его учеников и последователей. Мана как инвариант религиозного сознания подставляет собой категорию безличную, сверхприродную, имманентную по своим проявлениям, трансцендентную по своей глубинной сути [2, с. 37–38].

Далее мы говорим именно о религиозном сознании по двум причинам. Во-первых, следуя за Л.С. Выготским в предлагаемой работе мы рассматриваем игру как самостоятельное явление, отдельный вид деятельности. В таком контексте игра есть десакрализованный ритуал. Об этом рассуждали М. Фуко, Э. Берн, Й. Хейзинги, Х. Ортега-и-Гассет, В.Н. Топоров. Павел Флоренский приводит последовательное рассуждение на эту тему, указывая на ключевой момент секуляризации сознания в определенный исторический этап развития человека [3, с. 56–76]. Во-вторых, мы полагаем мана как инвариант, как «символ в чистом виде, способный принимать любое символическое содержание» [2, с. 39].

Именно это и делается в данной работе. В частности, если М. Элиаде изучал феномен мана относительно конкретных народов [4, с. 33–37], то Ю.В. Балакин обосновал понятие мана как инвариант религиозного опыта. Рассматривая же современные как компьютерные, так и настольные игры, мы находим в них не просто понятие мана, но и видим схожую семантику. Элемент фантастики здесь есть не просто вымысел, но особый жанр, способ создания ирреальной картины мира на основе реальных представлений (см. Современная энциклопедия, Иллюстрированный энциклопедический словарь, Энциклопедия культурологии, Энциклопедия эпистемологии и философии науки).

Ключевым моментом является соединение фантастики с игрой. Фантастика как жанр, обращенный к «необычайному» [1], то есть в определенной степени к сакральному как противоположности профанному так же, как и игра позволяет обратиться к инвариантам. В комплексе игра и фантастика создают наиболее обширное источниковое поле для изучения инвариантов религиозного сознания в отношении современной культуры. В этот момент мы получаем продукт совмещения результата секуляризации сознания, десакрализации ритуала и свободного творческого акта. При этом в таком продукте мы находим общий для многих религиозных систем факт наличия некой превосходящей, побеждающей силы, имеющей универсальную природу. Если есть эта сила – мана, значит персонаж игры или шаман могут совершить некое действие (разыграть карту, использовать способность, пообщаться с духами). В ином случае действие будет не успешным. Разница лишь в том, что для человека играющего мана, ее количество, потребность в использовании устанавливается правилами игры, то, к примеру, для коренного жителя Полинезии или христианина это реальный опыт, реальная потребность и реальная сила, воздействие которой воспринимается и переживается.

Наличие инварианта мана в современных фантастических играх свидетельствует о сохранении элементов религиозного сознания в сознании даже атеистически настроенных людей. Также фиксируется осознание наличия не физических сил, необходимых для совершения успешного действия. Это доказывает необходимость и продуктивность использования религиозных образов в секуляризованной, десакрализованной культуре. Более того, раз мана есть безличная форма предчувствия наличия сверхъестественных сил, в своей максиме личного Бога, то обращение к ней может быть использовано для популяризации духовно-нравственных традиций.

Литература

1. *Генри Лайон Олд*. Фантастическое допущение // Мир фантастики. Февраль 2008. № 54. URL: <http://www.mirf.ru/book/chto-takoe-fantasticheskoe-dopuschenie> (дата обращения: 01.03.2017).
2. *Балакин Ю.В.* Инварианты религиозного сознания. Из истории изучения. Проблема метода. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014.
3. *Флоренский Павел*. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004.
4. *Элиаде М.* Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999.

Анастасия Дмитриевна Емелина

аспирант кафедры философии социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.

E-mail: r.kadme@gmail.com

«ФИЛЬМЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ» В ПРЕЛОМЛЕНИИ ФЕМИНИСТСКОЙ РИТОРИКИ

Аннотация. Феминистская риторика рассматривается через призму исторического и методологически-компаративного анализа. В статье представлен краткий очерк отношения феминизма к феномену «фильмов для взрослых», начиная с эпохи сексуальной революции и вплоть до porn studies.

Ключевые слова: фильмы для взрослых; сексуальная революция; феминистская критика визуальной культуры; вторая волна феминизма; третья волна феминизма; российское законодательство; «фильмы для взрослых».

Anastasia Emelina

Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

«ADULT MOVIES» THROUGH FEMINIST RHETORIC

Abstract. Article prepared feminists look on to «adult movies» through historicist and comparativist analysis. It shows relationship between feminist critique and adult movies industry during last three decades of 20th century. Text deals with feminist critique of pornography and «adult movies».

Keywords: adult movies; sexual revolution; feminist critique of visual culture; second wave of feminism; third wave of feminism; Russian legislation; «adult movies».

«Фильмы для взрослых» – это очевидный эвфемизм, используемый для обозначения визуальной продукции, прямое упоминание которой расценивается, в рамках современного российского законодательства в качестве преступления. Это, в свою очередь, приводит к невозможности формализации «фильмов для взрослых» в качестве предмета чистого научного познания. Это является причиной того, что в рамках наук гуманитарного и социально-экономического цикла в России фактически невозможно поставить вопрос о «фильмах для взрослых» в качестве предмета анализа. Последнее является досадным упущением, так как сама по себе индустрия фильмов для взрослых в мире победившего глобализма представляет один из самых быстро растущих рынков, а, следовательно, играет все более значительную роль в рамках культуры глобальной коммуникации. Для того чтобы преодолеть порочный круг замалчивания и криминализации нам необходимо обратиться к анализу феномена «фильмов для взрослых» через феминистскую критику западноевропейской культуры как в ее социальном, так и в специфически художественном аспектах.

Начиная с 60-х годов XX века, когда феминизм формируется в качестве самостоятельного течения социальной, политической и философской мысли, среди его приверженцев наблюдается рост интереса к феномену «фильмов для взрослых» и той роли, которую этот феномен играет в рамках западноевропейской культуры Новейшего времени. В истории феминизма этот период, в целом, характеризуется как продолжение и завершение борьбы за базовые права женщин, начавшийся с движения за социальные права женщин в конце XIX века. Формально в послевоенной Европе и США женщины уже добились равных социальных прав с мужчинами. Но в реальности эти права все еще игнорировались, и именно уничтожение разрыва между формальным и реальным уровнями стало целью послевоенного феминизма. Эта тенденция наиболее ярко выражена в творчестве таких авторов как Симона де Бовуар, Бетти Фридан и Глория Стайнем. Так же как и движение за права женщин конца XIX –

начала XX вв., послевоенный феминизм понимает себя как неотъемлемую часть общего движения за эмансипацию и равные социальные права, и поэтому находится в активном диалоге с прочими эмансипаторными, преимущественно левыми и художественными движениями своей эпохи. Для послевоенного феминизма характерна прочная связь с движением Новых левых и молодежными контркультурами, чья совместная деятельность финализируется в требованиях сексуальной революции конца 60-х годов XX века. Феминистки, вместе со своими союзниками, видят своего врага в репрессивных социальных институтах индустриального капитализма, которые в т.ч. запретительно регулируют сексуальную свободу людей: как мужчин, так и женщин.

В этот период отношения феминизма к «фильмам для взрослых» является **нерефлексивно-положительным**. **Положительным** оно является поскольку всякое стремление к эмансипации половой сферы воспринимается феминистками и их союзниками как победа над силами репрессии. А **нерефлексивным** – поскольку, сами «фильмы для взрослых», вплоть до конца 60-х годов, не являются прямым предметом осмысления и критики, хотя бы уже потому, что «фильмы для взрослых» становятся индустрией лишь к моменту завершения сексуальной революции.

Но, уже, начиная с 70-х годов, феминистская критика пересматривает результаты сексуальной революции, а также своего участия в ней. Это приводит к формулированию крайне **рефлексивно-отрицательного** оценочного взгляда на индустрию «фильмов для взрослых». Эта точка зрения нашла свое отражение в работах А. Дворкин «Порнография: мужчины владеющие женщинами» и «Наша кровь: пророчества и дискурсы о сексуальной политике»; Кэтрин Мак Кинон «Порнография и гражданские права: новый день равенства женщин». Эти авторы видят в сексуальной революции очередное расширение прав мужчин и возникновение новых форм угнетения женщин, которые находят свое наглядное выражение в «фильмах для взрослых». Это отношение является **рефлексивным** – поскольку представляет собой ревизию собственно феминистских взглядов, идеалов и целей, а также конкретный анализ социальных, художественных и культурных аспектов феномена «фильмов для взрослых». **Отрицательное** отношение становится следствием общей неудовлетворенности феминизма, как результатами сексуальной революции, так разочарованием в своих бывших союзниках. Если послевоенный феминизм настаивал на необходимости эмансипировать зону сексуальной жизни индивида от всякого внешнего контроля, то феминизм 70-х годов в целом повторяет основные штампы консервативной критики как «фильмов для взрослых», так и сексуальной эмансипации в целом. С той лишь разницей, что видит в них специфический инструмент угнетения женщин.

В определенный момент это становится причиной раскола внутри самого феминизма, часть которого продолжает свято верить в идеалы сексуальной революции, а другая, напротив, настаивает на негативной роли сексуальной эмансипации для социального и культурного положения женщины в современном мире. Структурно этот спор оказывается неразрешимым, и в отношении феномена «фильмов для взрослых» получает форму двух крайних оценочных позиций, каждая из которых является по-своему теоретически и практически бесплодной и всякий раз приводит к возобновлению неразрешимого конфликта между сторонниками и противниками феномена «фильмов для взрослых».

Фактически, в 80-е годы феминизм оказывается в отношении феномена «фильмов для взрослых» в том же состоянии, что и западные общества в целом, т.е. ведет нескончаемый и, по сути, бессмысленный спор относительно положительных и отрицательных сторон «фильмов для взрослых».

Тем не менее, роль феминизма этим не исчерпывается. В 90-е годы именно теоретики феминизма постулируют необходимость выделения феномена «фильмов для взрослых» в отдельную зону научно-дисциплинарного знания. Таким образом, они снимают напряжение между противниками и сторонниками «фильмов для взрослых», закладывая основание для научного и всестороннего анализа указанного феномена. И тем самым выводят объект своих исследований за пределы всякого оценочного спора и, более того, делая сам этот спор, как в

рамках феминистской теории, так и общества в целом, частью исследуемого объекта. Первым фундаментальным исследованием в этой области стала коллективная монография «Исследование порно» под ред. Линды Уильямс. Затем поле исследования было обогащено работами, изучающими социологический, экономический, гендерный, производственный, жанровый и т.п. аспекты.

Возвращаясь к реалиям современной российской гуманитарной науки, какие выводы мы можем извлечь из пути, проделанного феминистской критикой, на протяжении последних 50 лет? Феномен «фильмов для взрослых» должен стать предметом анализа и изучения не вопреки замалчиванию, эффимизации и криминализации данного феномена в современном российском обществе. Но изучая замалчивание, эффимизацию, и криминализацию в качестве структурного элемента самого объекта изучения, т.е. как часть феномена «фильмов для взрослых» в его социальных, культурных, экономических, гуманитарных и философских аспектах, как в современном российском обществе, так и в глобальной культуре в целом.

Литература

1. *Dworkin A.* Our blood: prophecies and discourses on sexual politics. N.Y.: Harper & Row, 1976. 118 p.
2. *Dworkin A.* Pornography: men possessing women. London: Penguin Books, 1991. 336 p.
3. *MacKinnon C.* Pornography and civil rights: a new day for women's equality. Minneapolis, Minnesota: Organizing Against Pornography, 1988. 143 p.

Анатолий Евгеньевич Ушаков
студент социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: avangard9898@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНФЛИКТ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. В докладе обосновывается положение об универсальной природе конфликта. Религиозный конфликт связан с социальным конфликтом общим родовым основанием. Между тем, содержание религиозного конфликта требует для его разрешения привлечения специалистов в области теологии и религиоведения.

Ключевые слова: теология; конфликт; религиозный конфликт; ересь; раскол.

Anatoly Ushakov
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

RELIGIOUS CONFLICT AS A KIND OF SOCIAL CONFLICT: GENERAL AND SPECIAL

Abstract. The report justifies the provision on the universal nature of the conflict. Religious conflict is connected with social conflict by a common generic basis. Meanwhile, the content of the religious conflict requires for its permission the involvement of specialists in the field of theology and religious studies.

Keywords: theology; conflict; Religious conflict; heresy; split.

Как отмечают современные исследователи конфликта, современная конфликтология занимает доказательную базу у различных наук, обращаясь к таким мыслителям прошлого, как: Лао Цзы, Анаксимандр, Гераклит, Платон [3, с. 14], совокупность сказанного о противоречиях и конфликтах была положена в основу современного дискурса о социальном конфликте.

Социальный конфликт это наивысшая стадия развития противоречий в отношениях между личностями и социальными группами. Причинами социального конфликта могут быть различными: борьба за территории и «пальму первенства» на политической арене, за ресурсы, за экономические и социальные ценности, за лучшие условия проживания, за духовные ценности и религиозную самобытность. На последний вид социального конфликта я и хотел сегодня обратить свое внимание.

Религиозный конфликт это столкновение различных групп и представляющих их личностей по поводу религиозной деятельности и правил строения религиозной организации. Такой конфликт может возникать внутри религиозного объединения, конфессии, религии и так же между ними. В истории каждой религии можно отследить такие конфликты связанные с ересями, расколами и образованием новых религий. Одной из наиболее актуальных тем сегодняшней религиозной ситуации является появление феминной религиозности, находящейся в конфликте со всеми религиозными традициями, ограничивающими женщину в культовой практике [2, с. 242–266]. Религиозный конфликт с социальным конфликтом объединяет его родовая принадлежность и формы протекания, а видовым отличием – сфера в которой происходят религиозные конфликты. Специфика религиозных конфликтов такова, что отдавать их целиком на откуп конфликтологам опасно. Если в основу теории социального конфликта учебники по конфликтологии записывают авторитетных мыслителей прошлого и их работы, то понимание религиозного конфликта возможно только на основании освоения герменевтики священных текстов.

Возникает вопрос, почему эксперт в области теологии или религиоведения не может являться специалистом в области разрешения конфликтов? Ведь Священное Писание не только является текстом, значительно превосходящим по количеству конфликтов «Илиаду», «Махабхарату», «Сагу о Волсунгах» [1, с. 114–116], но и является основой для разрешения конфликтных ситуаций в европейской культуре. Именно в Священном Писании обозначены представления о добре и зле, содержащиеся в заповедях моральные императивы фиксированы в праве. Именно в Писании мы находим выражения, отличающие не конфликт как таковой, но его разновидности: **внутриличностные**: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет. Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю», **межличностные**: «И возненавидел Исав Иакова за благословение, которым благословил его отец его; и сказал Исав в сердце своем: приближаются дни плача по отце моем, и я убью Иакова, брата моего», **внутригрупповые**: «Но Халев успокаивал народ пред Моисеем, говоря: пойдем и завладеем ею, потому что мы можем одолеть ее. А те, которые ходили с ним, говорили: не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас», **межгрупповые**: «Фараон приблизился, и сыны Израилевы оглянулись, и вот, Египтяне идут за ними: и весьма устрашились и возопили сыны Израилевы к Господу, и сказали Моисею: разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне? что это ты сделал с нами, выведя нас из Египта?»

Культура целостна. Ни одно проявление человеческой жизнедеятельности не отстоит от других настолько, чтобы его специфика не была различима. Поэтому специалист в области теологии может и должен привлекаться в качестве консультанта не только при решении религиозных конфликтов, но и входить в состав конфликтологических команд, работающих над решением политических, этнических, производственных конфликтов.

Литература

1. *Зайцев П.Л.* Структура и Антиструктура: мужская инициация в становлении человечества: монография. Омск: Амфора, 2010. 164 с.
2. *Зайцев П.Л.* Феноменология религии: учебное пособие: в 3 ч. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. Ч. I: Инициация. 2015. 272 с.
3. *Кильмашкина Т.Н.* Конфликтология: социальные конфликты: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2015. 287 с.

Карина Жирайровна Нагапетян
старший преподаватель кафедры философии и социальных коммуникаций,
Омский государственный технический университет,
Россия, г. Омск.
E-mail: kerry-18@yandex.ru

САКРАЛЬНЫЙ И СЕКУЛЯРНЫЙ МОДУСЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. В статье анализируются сакральный и секулярный модусы русской фольклорной традиции. Высказывается предположение, что складывание сакрального модуса русского фольклора происходило в традиционной культуре на фоне естественного обожествления сил природы. Сакральный модус фольклора близок к мифу. Секулярный модус русского фольклора формируется благодаря цивилизационной роли власти и техники. Секулярный модус фольклора близок к идеологии. Модусы русского фольклора не противостоят друг другу, а находятся во взаимосвязи.

Ключевые слова: русский фольклор; миф; сакральное; сакрализация; секулярное; секуляризация.

Karina Nahapetyan
Omsk State Technical University,
Russian Federation, Omsk

SACRAL AND SECULAR MODUSES OF RUSSIAN FOLKLORE

Abstract. The article analyzes the sacral and secular modes of the Russian folklore tradition. It is suggested that the folding of the sacred mode of Russian folklore took place in traditional culture against the backdrop of the natural deification of the forces of nature. The sacred mode of folklore is close to myth. Secular mode of Russian folklore is formed due to the civilizational role of power and technology. The secular mode of folklore is close to ideology. The modes of Russian folklore do not oppose each other, but are interrelated.

Keywords: Russian folklore; myth; Sacral; Sacralization; Secular; secularization.

К особенностям фольклорной традиции можно отнести ее связь с жизнью и бытом людей. Русский фольклор всегда являлся отражением актуальных для конкретного исторического отрезка времени проблем русского народа. Она была крепка в религиозную эпоху, но и во время активной государственной политики по секуляризации всех сторон жизнедеятельности советского общества фольклорная традиция не прекращалась. Например, в эпоху феодального строя, в фольклоре отразились противоречивые отношения барина и мужика, что, в свою очередь, вылилось в ряде пословиц и поговорок: «Барская милость – божья роса» или «Барин говорит горлом, а мужик горбом». Для эпохи социализма был характерен особый, советский фольклор, имевший связь с активизацией коллективного начала. Пример советских пословиц и прибауток: «Видна из Кремля вся советская земля», «Власть советская пришла, жизнь по-новому пошла», «Красна песня складом, Советский Союз – ладом», «Кремлевские звезды путь к свету указывают», «Кто в Совете, тот за людей в ответе».

Для русского фольклора на протяжении всего его существования была характерна целостность передаваемых смыслов, их идейное единство. Также русскому фольклору была свойственна патриотичность, идея единения русского народа перед внешними угрозами. Примером патриотических пословиц, могут служить следующие: «Тот герой, кто за Родину горой», «С родной земли умри, но не сходи».

В статье Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Е.С. Новика «Статус слова и понятия жанра в фольклоре» [4] анализируется роль слова в русском фольклоре с точки зрения философии культуры. Ученые отмечали безусловную и неоспоримую роль слова в русском фольклоре, ведь именно слову принадлежит основополагающая роль в создании художественных образов русского народного творчества, а также их передачи от одного поколения другому.

Фольклор в своей изначальной архаичной форме был в высшей степени сакрализован и приближен к мифу. Слово в нем несло некую магическую и символическую нагрузку, выражало запакованные коллективные эмоции. Изначально заклинания или молитвы в русском фольклоре в его архаической форме являли собой сакральные, священные слова. Магия слова заключалась в его повторении, кроме того, существовало табу на некоторые слова. Слово для архаики являлось отдельно взятым существом, могло превращаться в живые и неживые предметы. Таким образом, мир воспринимался через миропроговаривание. Роль фольклора в формировании мировоззрения русского народа отмечается в ряде философских работ. В исследовании «Структура и Антиструктура: мужская инициация в становлении человечества» П.Л. Зайцев указывает, что русский фольклор успешно коррелируется с космо- и мезосферой оседлой моногамной семьи, включенной в соседскую или даже более архаичную семейную общину (у славян – задругу), создавая культуру возделанную между враждебной степью и плотно заселенной Европой [3, с. 141]. Эта среда в которой проходил этногенез славян, формирующая идеалы совместной мирозозидающей деятельности определенным образом отличалась, например от той, что послужила источником греческого и индийского фольклора, устанавливающих пределы Запада и Востока в культуре.

Секулярный модус фольклора формировался в условиях зарождения государственного самосознания и был связан с процессами деритуализации и десакрализации. Часто они были связаны с образом земного правителя, страх перед которым оказывался сильнее, чем страх перед Богом. В этой связи фольклорная интерпретация Ивана Грозного и Иосифа Сталина имеет общую природу. Процесс машинизации и рационализации производства также пополнил секулярный модус русского в языковом и советского в историческом измерении фольклора. О всеобщем иницирующем значении труда писал П.Л. Зайцев применительно к эпохе советского модерна: «Иными словами, труд есть жертвоприношение себя, в ходе которого умирает субъективное и утверждается всеобщее – сам труд и его всеобщий субъект – рабочий» [2, с. 76].

В работе А.В. Громова и С.Л. Громовой «Актуальные задачи философского изучения фольклорного наследия» [1] фольклорное наследие выступает в качестве основы всего народного мировоззрения, являясь его выразителем. Фольклор содержит философские представления о мире и человеке, он содержит образ мира, который осваивает и воспринимает человек.

Согласно А.В. Громову и С.Л. Громовой, фольклор каждого народа относится к целостной мировоззренческой системе, вытекающей из конкретного фольклора. Это система мировоззренческих установок, которая содержит в себе развитие нации, ее взаимодействие с другими нациями, в ходе культурного обмена. Картина мира, создаваемая в фольклоре, является позитивно-созидательной.

Основываясь на данной идее, можно сделать вывод, что вся сфера фольклора представляет собой своеобразный трамплин для формирования взглядов на мироустройство, любое мировосприятие. Мирозидание берет свое начало из фольклора, как кладези народной мудрости и знаний, того совокупного опыта, который при помощи народного творчества мог передаваться от поколения к поколению. Сакральный и светский модус фольклорной традиции позволяют осмыслить эту задачу, не разрывая фольклорную традицию, на русскую, советскую или рабочую.

Литература

1. *Громов А.В., Громова С.Л.* Актуальные задачи философского изучения фольклорного наследия // Музыка: искусство, образование, диалог культур: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции. Махачкала, ДГПУ. С. 129–132.
2. *Зайцев П.Л.* Инициационные стратегии «большого» модерна // Омский научный вестник. 2011. № 6 (102). С. 74–77.
3. *Зайцев П.Л.* Структура и Антиструктура: мужская инициация в становлении человечества: монография. Омск: Амфора2010. 164 с.
4. *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Статус слова и понятие жанра в фольклоре / Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 39–104.

Алина Сергеевна Визгирда
студентка социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: airin.alecksis.st@gmail.com

РЕЛИГИОЗНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема существования религиозной дискриминации. Особое внимание уделено взаимодействию религии и науки. Автор приходит к выводу, что проблема дискриминации тесно связана с понятием о справедливости.

Ключевые слова: религия; наука; дискриминация; постсекулярное общество.

Alina Vizgirda
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

DISCRIMINATION ON THE BASIS OF RELIGION IN THE POST-SECULAR SOCIETY

Abstract. This article discusses the problem of the existence of religious discrimination. Particular attention is paid to the interaction of religion and science. The author concludes that the problem of discrimination is closely linked with the concept of justice.

Keywords: religion; the science; discrimination; Post-secular society.

Общество можно классифицировать на базе разных признаков. Уровни экономического развития, письменность, религия. Этих признаков может быть очень много, но религиозный признак по праву оказывается одним из наиболее интересных. Религия влияет, сосуществует с другими религиями, враждует с другими религиями. Религия в светском обществе имеет большое значение, а, значит, можно отметить снижение секулярных тенденций и возрастание постсекулярных. В обществе, где каждый может свободно выбирать вероисповедание или отказаться от него, наблюдается религиозная дискриминация. Необходимо разобраться как в причинах и сути данного процесса, так и предложить способы выхода из этой проблемы.

Начнем с определения такого термина, как «дискриминация». Возьмем юридическое определение российского законодательства, как общеобязательное на территории РФ. «Дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам» [1]. Это достаточно полное определение, которое может применяться и к религиозной дискриминации, как частному случаю. По сути, дискриминация – это проявление неравенства, особое негативное отношение.

Также дадим определение постсекуляризма: «Термин «постсекуляризм» несет непосредственно очевидный смысл: это идея (или идейная формация, или парадигма), утверждающая себя как нечто, идущее следом, на смену секуляризму, или же секуляризации. Тем самым, постсекуляризм говорит, что идеология и политика секуляризации, то есть всемерного освобождения жизни общества от всякого присутствия и влияния религии, остались в прошлом, и теперь религия (религиозное сознание, религиозная рецепция действительности) должна не вытесняться, но вновь получить определенное место во всех, вообще говоря, сферах социальной реальности» [3]. Необычно, что и в светской Европе, где секуляризация началась еще во время Просвещения, и в светской России, где отдаленно схожие процессы начались еще при Петре Великом и активно продолжились уже в XX веке, религия возвращает свой статус в культуре, все более и более становится значимой. Это крайне интересный цикл проявления религиозного влияния. Вначале религия влияет на государство, потом государство освобож-

дается от влияния религии, после религия возвращает свой статус, как это было, например, после развала СССР, когда люди массово начали интересоваться разнообразными религиозными практиками. В школы возвращаются уроки религиозного воспитания, появляется множество новых религиозных движений.

Остановимся на двух последних пунктах. Уроки религиозного воспитания вступают в конфликт с научным взглядом на мир. Это не столько именно дискриминация, сколько противоборство, важное для понимания ее сути. Дискриминация может действовать в обе стороны: наука развенчивает креационизм и прочее, религия пропагандирует тот же самый креационизм. Это противостояние религиозного и нерелигиозного. Наблюдается двойное негативное отношение, которое тоже суть дискриминация. Вообще проблему дискриминации можно и нужно называть этической. Эта проблема может также быть рассмотрена в качестве проблемы справедливости. Однако стоит понимать, что система аргументации научного и религиозного текста различается: «Научный текст не просто создает картину мира, но и разрушает прежнюю картину, очищая себе место от утративших свою актуальность научных теорий, то есть особым образом коррелирует с реальностью. Священный текст никогда не отрицает другой религиозный текст, так как существует в пространстве единственно возможной картины мира, иных просто не может быть. Коран не спорит с Библией, такова их ценностная установка по отношению к миру. Научный текст рождается в пространстве дискурса, он с самого начала ищет для себя место. Священный текст имеет дело с вечностью, а научный четко фиксирован в эпохе. Поэтому научный текст более всего стремится быть актуальным» [2, с. 20].

Вернемся к урокам религиозного воспитания, как к частному случаю, и разберем одно событие 2005 года. Это протест против преподавания теории «Разумного замысла» параллельно с теорией эволюции в США с последовавшим созданием пастафарианства. Бобби Хендерсон, создатель нового движения, таким образом, высмеивает идеи религии, занимаясь их дискриминацией. «Религиозная дискриминация», как оказалось, действительно может быть как дискриминацией со стороны религии, так и дискриминацией самой религии.

Перейдем конкретно к пастафарианству. На первый взгляд это именно религиозная дискриминация, оформленная в форме насмешки над формой религии, но одновременно это и пропаганда принципов науки в религиозной форме, и борьба против дискриминации атеизма. Действительно, последнюю также можно рассмотреть в общем ключе. Это тесно связано с оскорблением чувств верующих, что выставляет в особом свете атеистов, чьи чувства не закреплены законодательно. Снова возникает вопрос о справедливости и этичности. Решение проблем нужно связать с этим вопросом.

Постсекулярное направление движения будет способствовать увеличению религиозного влияния, что будет усиливать дискриминацию по отношению к нерелигиозному. Это серьезная проблема, и решать в одиночку ее невозможно, но можно сузить круг ответов, предположив несколько сценариев развития.

Решение не должно быть связано с усилением влияния религии. Если предположить, что наука и религия поочередно перехватывают друг у друга влияние, то это будет либо подавляющая роль науки, либо точка равновесия между ними. Решение не должно также стать и дискриминацией какой-либо стороны. Получается, что безраздельное царствование науки тоже отменяется. Тогда остается точка равновесия. Чем не должна быть эта точка? Она не должна быть статическим разделом между границами. Или подвижная граница, или соединение, похожее на эмульсию: что-то третье будет выступать связующим элементом в подвижной системе. Например, между религией и государством этим элементом может быть гражданское общество.

Можно сделать вывод, что дискриминация на религиозной основе может проявляться даже в период религиозного подъема в обществе. Наука является антагонистом религии. Наиболее незащищенными оказываются атеисты. Среди возможных вариантов развития событий предпочтительными оказываются сценарии «эмульсии» и «точки равновесия». Проблема дискриминации тесно связана с вопросом о справедливости.

Литература

1. КоАП РФ. Статья 5.62. Дискриминация // СПС Консультант Плюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/8b36cedfef8c1b205cdbdcd85ee7a7dc250f5109 (дата обращения: 26.06.2017).
2. *Оводова С.Н.* Техники анализа текстов культуры: учеб. пособие. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 108 с.
3. *Хоружий С.С.* Постсекуляризм и ситуация человека // Портал «Институт синергийной антропологии». URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf (дата обращения: 26.06.2017).

Юлия Олеговна Моржевилова
студентка социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: morzhevilova@inbox.ru

ПРАКТИКА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО РАБОТЕ С ТРУДНЫМИ ПОДРОСТКАМИ

Аннотация. В статье отмечается, что Русская Православная Церковь считает своим долгом участвовать в создании, развитии и духовном сопровождении учреждений для несовершеннолетних. Рассматривается работа реабилитационного центра для трудных подростков в Санкт-Петербурге. Делается вывод о необходимости масштабирования данного опыта в российских регионах.

Ключевые слова: социализация; подростки; правонарушение; церковь.

Ylia Morzhevilova,
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

PRACTICE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON WORK WITH HARD TEENAGERS

Abstract. The article notes that the Russian Orthodox Church considers it its duty to participate in the creation, development and spiritual accompaniment of institutions for minors. The work of the rehabilitation center for difficult adolescents in St. Petersburg is under consideration. It is concluded that it is necessary to scale this experience in the Russian regions.

Keywords: teen; socialization; offence; Orthodox; teen.

Милосердие заложено в природе Церкви, и является неотъемлемой частью ее сущности. В Новом Завете милосердие – это продолжение служению Христа, Который «не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10, 45). Помощь ближнему – это деятельное и практическое выражение христианского милосердия и любви, заповеданной Спасителем: «Как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 34-35). Любовь к ближнему – священное призвание и нравственный долг каждого христианина (Ин. 13, 34).

Все члены Церкви составляют «одно тело во Христе» (Рим. 12, 5). Между ними должно существовать общение веры и любви, реализованное, в том числе во взаимной помощи и совместных социально значимых трудах [1].

Современное общество и Русская Православная Церковь уделяют все большее внимание проблемам, связанным с духовно-нравственными и морально-этическими аспектами воспитания несовершеннолетних. Церковь считает своим долгом участвовать в создании, развитии и духовном сопровождении учреждений для несовершеннолетних, поскольку религия дарует человеку надежду на лучшее и способна помочь обрести свой путь к праведной и законопослушной жизни.

В соответствии с поручением Святейшего Патриарха Кирилла в Синодальном отделе по тюремному служению в 2013 году были подготовлены два документа:

- концепция создания, функционирования и развития реабилитационных центров для несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, а также освободившихся из мест лишения свободы;
- организационные принципы работы православных воспитательных центров для несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом.

Эти документы предусматривают основные принципы оказания помощи подросткам, имеющим конфликт с законом, и при этом выбравшим путь возвращения к правопослушному образу жизни. Комплексный подход к проблеме реабилитации несовершеннолетних позволяет решать вопросы, начиная с момента установления факта совершения преступления, далее в период отбывания уголовного наказания, и заканчивая оказанием всесторонней помощи после освобождения из мест лишения свободы.

Нахождение в таких центрах позволит адаптировать несовершеннолетних к полноценной жизни в обществе, привить им навыки здорового образа жизни, развить в них духовно-нравственные качества. Все это отразится на улучшении криминогенной обстановки среди лиц, имеющих конфликт с законом, и приведет к снижению количества повторных преступлений с их стороны.

Создание такого рода центров, с участием ФСИН России, будет также поддержана и иными традиционными религиозными объединениями нашей страны [2].

***

В России на данный момент существует единственный в своем роде центр социальной адаптации св. Василия Великого. Центр основан на приходе храма Анастасии Узорешительницы в 2004 году, в Санкт-Петербурге. Имя святителя Василия Великого выбрано в знак стремления к высокому стандарту церковной благотворительности, примером которой был этот святой.

Центр является не государственным учреждением. Туда по решению суда, комиссии по делам несовершеннолетних или уголовно-исполнительной инспекции направляют для реабилитации и ресоциализации подростков, которые совершили преступления разной степени тяжести. В центре подростки находятся в группах по 6-7 человек в течение 9 месяцев в стационарном режиме.

Прошедшие реабилитацию, еще какое-то время находятся под патронатом сотрудников центра. На сегодняшний день в работе центра принимают участие 26 сотрудников и около 16 постоянных волонтеров.

За время работы Центра реабилитацию прошли 206 человек и только 28 из них совершили повторные преступления. Программы, применяющиеся в Центре, разрабатывали ведущие специалисты в области коррекции девиантного поведения.

С подростками и их родителями работают психологи, которые проводят тренинги и групповые занятия, в том числе по церковной реабилитационной программе «Ладья» – направленной на профилактику рискованного поведения. На занятиях с психологом подростков учат разговаривать, разбирать конфликтные ситуации, выражать свои чувства и эмоции, что помогает им в дальнейшей социализации. Также ведется индивидуальная работа с родителями, им оказывается психологическая помощь и поддержка.

Перед прохождением реабилитационного курса обязательно проводится медицинское обследование. Хронические заболевания могут быть причиной психологических проблем и нарушений в поведении подростка.

Кроме того, в центре проводится профориентация и профессиональная диагностика. Воспитанникам центра помогают развить творческий потенциал, организуют занятия в театральной студии и художественной мастерской. Молодые люди в обязательно-принудительной форме посещают театры и музеи. Подростки занимаются различными видами спорта, включая рукопашный бой и скалолазание. С 2005 года реализуется проект «Школа странствий», в рамках которого подростки и преподаватели посещают святые места севера, организуются длительные пешие и лодочные походы. Большое значение для воспитанников имеют волонтерские выезды. Помогая сельским приходам, строительству храмов, ребята могут увидеть и оценить свою значимость для других людей. В реальной и тяжелой работе у них появляется шанс – совершить подвиг, начать уважать самого себя, захотеть быть хорошим.

Основными принципами в работе с трудными подростками являются – взаимное уважение, любовь и строгость, помощь в творческом самораскрытии и самореализации. Центр дает инструмент к изменению жизни и осознанности своих поступков.

Уникальность центра в его методах и средствах их воплощения. Две главные особенности: все делать вместе (взрослые с детьми ходят в походы, делают уроки и уборку, занимаются творчеством и рукоделием) и отрабатывать каждый отдельный опыт негативного поведения (кража, ненормативная лексика, прогул уроков – трудовая и материальная компенсация).

Центр социальной адаптации не имеет постоянного государственного финансирования, и существует за счет благотворительных взносов. Но мало кто хочет помогать малолетним преступникам [3].

Современное общество пытается отгородиться от бездомных людей, тюрем, колоний. А ведь подростков с девиантным поведением необходимо социализировать и вернуть в нормальную жизнь иначе они будут потеряны. Оказанная в нужный момент помощь могла бы поддержать подростка, изменить мировоззрение, а в дальнейшем направить на верный жизненный путь.

Литература

1. Актуальные вопросы организации работы с несовершеннолетними осужденными: сайт. URL: <http://www.pravoslavie.ru/62305.html> (дата обращения: 19.04.2017).
2. Проект документа «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви»: сайт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1343180.html> (дата обращения: 19.04.2017).
3. VI Общецерковный съезд по социальному служению: сайт. URL: <http://www.diaconia.ru/v-moskve-zavershilsya-vi-obshhecerkovnyj-sezd-po-socialnomu-sluzheniyu> (дата обращения: 19.04.2017).

Кристина Александровна Остапчук
студентка социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: *ostapchukkristi@yandex.ru*

ЖЕНСКОЕ ЮРОДСТВО В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ: КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРЖСКАЯ

Аннотация. В статье, используя комплексный подход к пониманию подвига юродства, удалось установить, что мотивы подвига юродства носят двоякий характер – личное спасение и проявление христианской любви к ближнему. На примере жития Ксении удалось выявить характерные черты женского юродства.

Ключевые слова: юродство; женское юродство; блаженные; святые; Ксения Петербуржская.

Christina Ostapchuk
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

WOMEN'S SUFFERING IN RUSSIAN ORTHODOXY: XENIA OF PETERSBURG

Abstract. In the article, using a comprehensive approach to understanding the feat of foolishness, it was possible to establish that the motives of the feat of foolishness are of two kinds: personal salvation and the manifestation of Christian love for one's neighbor. On the example of the life of Xenia, it was possible to identify the characteristic features of female foolishness.

Keywords: foolishness; Female foolishness; Blessed; the Saints; Xenia of Petersburg.

Как отмечает Е.В. Кузьмина: «теологическое исследование не исключает междисциплинарного взаимодействия с социологией, политологией, историей культуры и дает необходимую аналитику «грамматики» религиозности» [5, с. 97]. Свою задачу мы видим в аналитике качеств, мыслимых в феномене женского юродства, что могла бы быть востребована в теологическом, культурологическом, гендерологическом дискурсе. Православие, проникнув в свое время даже на уровень быта русского крестьянина [6, с. 17] продолжает влиять на культуру и формировать ее современный облик. Наивысшая напряженность Христа и культуры достигается в феномене юродства. «Юродивый – это человек, который добровольно избирает путь сокрытия своих способностей, притворяется лишенным добродетелей и обличает мир в отсутствии этих самых добродетелей, – такое определение предлагает Андрей Виноградов, кандидат исторических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, иногда их называли блаженными» [7].

С ликом святости «юродивый» есть некоторые неясности. Часто мы именуем юродивых блаженными, не имеющих опыта обличия мира сего. Это происходит из-за западного влияния, так как в католицизме блаженный – это низший ранг святости. Поэтому часто в Русской Православной Церкви, блаженных считают подвижниками, чей подвиг является нетипичным, периферийным. На востоке «блаженный» употребляется как полный синоним слова «святой», т. е. «макариос». Со временем возросло количество типов святости. В четвертом веке появились (блаженные) монахи – «преподобные», епископы – «святители». С этого времени тип святости «блаженный» начинают относить к юродству. Блаженными стали называть «Божьих людей», которые ведут жизнь, похожую на жизнь юродивых ради Христа, но их подвиг нельзя назвать равнозначным.

Подвиг юродства, от блаженства отличается социальной направленностью. Юродивый сопряжен опытом сознания со сверхсознанием. Он видит мир по-иному, его восприятие противоположно обычному человеку. Юродивого можно разглядеть в примерах, предложенных П. Флоренским в его работе «Обратная перспектива». Юродство – это обратная перспектива взглядов на жизнь. У юродивого в приоритете мир небесный, на место своего я он ставит Бо-

га, вера – это его ум, вместо сна юродивый бодрствует, на место слова он ставит образ, внешнее заменяется внутренним. По этому поводу рассуждает Б.А. Успенский: «В системе обратной перспективы несущественными кажутся, например, все возможные разломы форм, их искажения по сравнению с тем, что мы видели бы из одной точки зрения, но зато особенно важным представляется то впечатление от предмета, которое мы реально получаем, рассматривая его с разных сторон. В системе прямой перспективы, напротив, существенным представляется то впечатление, которое зритель имеет в данный момент и с заданной точки зрения; в то же время несущественным кажется, что реально зритель находится в движении и суммирует впечатление с разных точек зрения» [8]. Юродивый притворяется буйным, безумным – «салос» – человек помешанный, который ведет себя не адекватно. Юродивый своим безумством пытается обличить мир в грехах, наставить на путь исправления. Внутренне Юродство безусловно связано с Блаженством, типологически эти лики близки, отличаются они только элементами обличения, так как подвиг юродства направлен во вне. Юродство – это подвиг страдания. По словам Е. Беленсон, душа подвижника, мучимая жаждой пострадать за Христа, «ищет сопричастия страстному пути Его, – и не удовлетворяясь положенной мерой испытаний, спешит навстречу скорбям чрезвычайным» [2]. **Содержание подвига юродства можно проследить в богослужебных текстах, в том числе и в службе Христа ради юродивым. Юродивыми могут быть христиане, достигшие душевной чистоты, достигшие духовной зрелости.**

В богослужебных текстах Ксении идет обращение и как к юродивой, и как к блаженной, говорится: «Избранная угодница и Христа ради юродивая, святая блаженная мати Ксения...» [1]. **Проследив пусть жизни подвижницы, можно проанализировать особенности ее юродства. Но к сожалению, биографические факты, касающиеся периода жизни до начала подвига юродства Ксении недостаточны. Из биографии Ксении можно выделить только контуры, которые привели ее к юродствованию.** Подвиг юродства Ксении начался после смерти ее супруга. Это событие поразило Ксению, все радости жизни потеряли смысл для нее, многие стали считать ее сумасшедшей. Лишившаяся рассудка Ксения надела на себя обмундирование покойного мужа и приняла его имя: «Андрей Федорович не умер, – но воплотился в меня, Ксению, которая давно умерла» [3]. Епископ Киприан анализирует поступок Ксении так: «юродство Ксении, – пишет он, – представляло из себя что-то совершенно особенное и гораздо более глубокое, чем известные нам случаи подобных обращений. Все ее стремление подчинялось глубокой духовной любви к своему супругу. Она имела надежду, принять на себя тяжесть нераскаянных грехов молодого Андрея, умершего без Причастия» [4]. С этого начался крестный путь святой, который продолжался 45 лет, до самой кончины.

Во время канонизации Блаженной Ксении Петербургской многие люди пытались повторить ее подвиг, подражали ей, копируя ее образ жизни, некоторые ходили босиком. Есть представление о классическом облике непорочного Христа ради юродивого. Это, как правило, человек невымытый и нечесанный, нередко голый; в случае если не нагой, то одетый в некие лохмотья; валяющийся в грязищи, золе и пр. Но при этом человек прячет собственные подвиги, потаенно одевает вериги на теле, по ночам он молится в поле. Собственно, что касается непорочных жен, прославленных в чине Христа ради юродивых, то, естественно, отношение к собственному наружному облик у них буквально такое же, как и у непорочных супругов – брезгливое. Аскетические подвиги святых жен, Христа ради юродивых, многообразны, но в то же время типичны: они ограничивали себя в еде и питии, спали сидя или же лежа на полу, терпели мороз и зной, человеческую несправедливость, издевки, побои; умерщвляли свою плоть физическими нагрузками, ношением вериг, членовредительством; многие годами жили в нелюдимых местах среди диких зверей. Жизнь святой подвижницы сопровождалась непрестанной молитвой.

Ксения день и ночь славилась именем Божиим, своей жизнью являла пример бескорыстия и самоотверженного служения ближним. Бродя целыми днями по грязным, немощным улицам Петербурга, Ксения изредка заходила к своим знакомым, обедала у них, беседовала, а затем

снова отправлялась странствовать. *Изучив юродство и проанализировав житие святой Блаженной Ксении Петербургской, мы установили характерные черты женского юродства.* Примерно половина из прославленных в чине блаженных или юродивых Христа ради, имели монашеский постриг или же подвизались в монастыре. Отдельную категорию среди блаженных или юродивых Христа ради мирян составляют блаженные калеки, чье христианское подвижничество и социальное служение проходило, как правило, в замкнутом пространстве в особых условиях.

Нам удалось составить список святых жен, канонизированных в чине блаженной / юродивой, который составил 21 юродивую, совершившую подвиг Христа ради, из них 4 святые канонизированы Греческой Православной Церковью, и 17 святых жен, канонизированы Русской Православной Церковью. *Стоит заметить, что Ксения Петербургская первая канонизированная юродивая Христа ради в РПЦ.*

Литература

1. Акафист Святой блаженной Ксении Петербургской / URL: <http://akafistnik.ru/akafisty-russkim-svyatym/akafist-svyatoj-blazhennoj-ksenii-peterburgskoj-inoj/> (дата обращения: 12.05.2017).
2. Беленсон Е. О подвиге юродства // Путь: Орган русской религиозной мысли. №8. Париж, август 1927 / URL: <http://www.runivers.ru/lib/book4760/59381/> (дата обращения: 28.10.2013).
3. Белорус Ф. Юродивый Андрей Федорович, или раба Божия Ксения, погребенная на Смоленском кладбище в Петербурге. Очерк. СПб, 1893.
4. Игумен Венедикт (Кантерс). Значение канонизации блаженной Ксении Петербургской / URL: http://ruskline.ru/analitika/2015/02/06/znachenie_kanonizacii_blazhennoj_ksenii_peterburgskoj/#_ftn11 (дата обращения: 12.05.2017).
5. Кузьмина Е. В. Провинциальная религиозность // Визуальные образы современной культуры. «Нестоличная» культура: визуальные маркеры региональной идентичности: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. С. 94–98.
6. Оводова С. Н. Религиозные модели культуры // Актуальная теология: религиозная идентичность в региональных социокультурных процессах : материалы II Всероссийской молодежной научно-практической конференции / Отв. редактор Е.В. Кузьмина. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. С. 15-19.
7. Ребров Д. Юродивые: Святые дураки // Нескучный Сад. 24 июня 2010 г. / URL: <http://www.pravmir.ru/svyatyje-duraki/> (дата обращения: 28.10.2013).
8. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», июль 1995. 360 с.

ОСВОЕНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Наталья Борисовна Гребенникова
доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии
социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: grebennikova-nb@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ: «СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ»

Аннотация. Статья посвящена выявлению специфических содержательных особенностей социальной работы и социального служения. Определены черты сходства и различия. Выявлено, что различия не имеют противоречий, описан опыт интеграции содержания социальной работы и социального служения в профессиональной подготовке специалистов.

Ключевые слова: социальная работа; социальное служение; клиент; полимодальный подход; помощь в трудной жизненной ситуации; профессиональная деятельность.

Natalia Grebennikova
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

SOCIAL WORK AND SOCIAL SERVICE: THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Abstract. The article is devoted to identifying the specific content features of social work and social service. Identified similarities and differences. Revealed that the differences are not contradictions, describes the experience of integrating the content of social work and social service professional training.

Keywords: social work; social service; client; a multimodal approach; assistance in difficult situations; professional activities.

Становление социальной работы на современном этапе социально-экономического развития России началось в начале 90-х годов двадцатого столетия, когда в качестве основных идей социального строительства были провозглашены идеи гуманизации и демократизации общества. Предпосылками для становления социальной работы во всем цивилизованном мире являются: благотворительность, попечительство, бескорыстное служение людям различных сообществ религиозного и светского характера. Поэтому, ключевым понятием социальной работы становится «помощь», а профессиональная деятельность специалистов по социальной работе ориентируется на различные формы социальной помощи и поддержки людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Трудность жизненной ситуации характеризуется неспособностью человека самостоятельно справиться с социальными проблемами, основным средством социальной работы является выявление и развитие ресурсов самого человека и его социального окружения.

В практике социальной работы наиболее часто употребляется определение Е.И. Холодовой: «Социальная работа – это профессиональное содействие людям в успешном разрешении их жизненных проблем посредством развития собственных ресурсов человека и его социального окружения» [3, с. 202].

Основополагающее определение социальной работы принято Международной федерацией социальных работников в 2001 году. Социальная работа определяется как профессиональная деятельность социальных работников, которая способствует общественным измене-

ниям, решению проблем человеческих взаимоотношений, содействует укреплению к функциональному существованию в обществе и освобождению людей в целях повышения их уровня благополучия. Это определение свидетельствует о том, что международное сообщество социальных работников установило основные принципы, на которых основывается содержание профессиональной деятельности специалистов.

К таким принципам следует отнести:

- принцип прав человека и социальной справедливости;
- принцип социального реагирования на проблему и профилактической направленности;
- принцип клиентоцентризма;
- принцип максимализации социальных ресурсов;
- принцип универсальности, который обозначает равноправие всех клиентов в получении социальной поддержки.

Годом рождения социальной работы как профессиональной деятельности считается 1991 год. В этом году постановлением Госкомтруда СССР от 23 апреля в квалификационный справочник должностей была включена должность «специалист по социальной работе». Эта должность, установленная для всех отраслей народного хозяйства, стала эквивалентом должности «социальный работник», принятой во всем мире.

Существуют различные подходы к пониманию сущности профессиональной деятельности социального работника. Большинство из них сводятся к выделению трех основных элементов деятельности специалистов помогающих профессий:

- субъекта, который направляет свою активность на объекты или другие субъекты;
- объекта, на которого направлена активность;
- самой активности, которая выражается в установлении субъектом коммуникативного взаимодействия с объектом.

Объект, на который направлена активность субъекта, принято называть клиентом. Клиент – это любой субъект, имеющий проблемы. Им может быть индивид, группа, сообщество. В центре внимания социальных работников – проблемы социальной адаптации и «нормального функционирования» клиента в обществе.

Субъектами социальной работы являются специалисты по социальной работе, социальные учреждения, общественные организации, региональные и федеральные органы власти.

Таким образом, социальная работа осуществляется под руководством государственных органов власти, а эффективным ее результатом является социальное благо. Необходимо отметить, что социальная работа формируется как прикладная отрасль научного социально-гуманитарного знания. Социальные проекты и программы разрабатываются и реализуются профессионалами в сфере социальной работы. Более того, эффективность социальной работы зависит от функционирования и развития ее субъекта, то есть специалиста по социальной работе. Очевидна необходимость в качественной профессиональной подготовке социальных работников различного уровня. В данном аспекте социальная работа рассматривается как учебная дисциплина. В рамках дисциплины «социальная работа» решаются задачи формирования профессиональной культуры специалистов по социальной работе и овладения ими методами социальной и психо-социальной работы.

Культурологический аспект профессионального образования специалистов по социальной работе определяется развитием личностных качеств, необходимых для конструктивного выполнения всех функций социального работника.

Результатом профессионального образования социальных работников в университете должно стать их стремление к самосовершенствованию и владение технологиями социальной работы в рамках полимодального подхода.

Суть полимодального подхода состоит в способности специалиста применять методы и приемы работы с клиентом различных психологических направлений.

Направления психотерапевтической и психо-социальной работы базируются на идеях различных религиозных конфессий.

Так, психоанализ родился из традиций католицизма. Идеи гуманистического направления в психологии содержательно связаны с протестантизмом. Бахаизм является концептуальной основой позитивной психотерапии. Таким образом, специалист по социальной работе способен отвечать на запрос любого клиента, не зависимо от религиозной принадлежности.

Социальное служение же осуществляется добровольцами, принадлежащими к той или иной религиозной конфессии.

В толковых словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова служение рассматривается как деятельность на пользу кого-нибудь, чему-нибудь. Служить – это значит делать что-то на благо другого человека, «быть надобным» [1, с. 732].

Социальное служение определяется осуществлением благотворительности и милосердия в виде как непосредственной помощи малообеспеченным членам общества, так и созданием условий для реабилитации нуждаемых граждан.

Иными словами, «социальное служение» рассматривается как общественное явление, относящееся к жизни людей и их связям в обществе, «как непрестанное служение Богу и людям» [2 с. 14].

С позиции религиоведения социальное служение рассматривается как исторически сложившаяся совокупность организационных форм социальной деятельности религиозных организаций, являющихся неотъемлемой частью практической реализации вероучения и заключающихся в актах милосердия и благотворительности в отношении конкретных лиц как носителей образа и подобия Божия.

Основным средством социального служения является включение нуждающихся в помощи людей в процесс Богослужения.

Так, как на сайте церкви «Благовестие» Российского союза евангелистских христиан баптистов города Челябинска, дается информация о том, что церковь осознает отсутствие возможности у социальной работы восполнять духовные нужды человека. То можно заключить, что главная цель социального служения состоит в том, чтобы «рассказать Евангелие – Благою весть об Иисусе Христе, который способен изменить самое главное – сердце человека, а значит и его жизнь. Это является ключом к решению социальных проблем нашего общества» «Церковная социальная деятельность есть служение любви, умножение любви, а не создание структур, дублирующих государственные. Верующий человек принимает другого человека в свое сердце, здесь нет отстраненности».

Таким образом, в процессе социального служения употребляются термины: «брат» или «друг» в отличие от социальной работы, в которой основным является термин «клиент». При реализации программ в контексте социального служения каждый человек имеет возможность постоянно находиться в сообществе любящих и готовых поддержать в любой момент времени «братьев».

Опыт социальной деятельности представителями различных религиозных конфессий в регионе расширяется за счет открытия различных социальных учреждений на добровольческих началах. Открываются реабилитационные центры для людей категории БОМЖ, людей с различными видами зависимостей, людей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Реализация реабилитационных программ требует специальной профессиональной подготовки их участников.

Примером такой профессиональной подготовки может служить образовательная деятельность Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

В данном университете готовят специалистов по социальной работе разного уровня. Помимо профессиональных дисциплин, таких как теория и технология социальной работы студентами изучаются и богословские дисциплины. Обобщение специфических содержательных особенностей социальной работы и социального служения позволило нам сделать следующие выводы:

1. Социальное служение может рассматриваться как часть социальной работы. Гуманистические и демократические идеалы социальной работы не являются предпосылками социального служения, но и не противоречат ему.

2. Социальная работа и социальное служение имеют целью помощь людям в трудной жизненной ситуации, однако критерием эффективности социальной работы является общественная польза, а критерием эффективности социального служения является нравственное благо.

3. Социальная работа осуществляется специалистами государственных учреждений, а социальное служение можно рассматривать как часть деятельности церкви, которая строится на добровольческих началах.

4. Социальная работа ориентирована на удовлетворение запроса клиента в контексте полимодального подхода. Социальное служение, прежде всего, решает задачи привлечения «братьев» к Богослужению, к спасению души.

5. Важным объединяющим компонентом социальной работы и социального служения является качественная профессиональная подготовка специалистов, работающих в государственных и негосударственных социальных учреждениях.

Литература

1. *Ожегов С.И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.
2. *Основы социальной концепции РПЦ.* М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000. 64 с.
3. *Холостова Е.И.* Социальная работа: учебное пособие. 2-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2005. 668 с.

Юлия Вениаминовна Осколкова
доцент кафедры дизайна интерьера,
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: j-osk@yandex.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА
В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
«МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ВИДАМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к развитию визуальной культуры студентов профессионально-педагогического вуза.

Ключевые слова: визуальная культура; профессионально-педагогическое образование; методика обучения.

Yulia Oskolkova
Russian state vocational pedagogical University,
Russian Federation, Yekaterinburg

**MODERN APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF VISUAL CULTURE STUDENTS
PROFESSIONAL-PEDAGOGICAL UNIVERSITY IN THE PROCESS
OF MASTERING THE DISCIPLINE «METHODS OF TEACHING PROFESSIONAL ACTIVITIES»**

Abstract. The article discusses approaches to the development of visual culture students professional-pedagogical University.

Keywords: visual culture; vocational teacher education; teaching methods.

Первоочередную роль в модернизации профессионально-педагогического образования приобретает ориентация на развитие личности бакалавра профессионального обучения, его общей и профессиональной культуры, что позволяет сократить срок и облегчить процесс адаптации в профессиональном пространстве. Культурное развитие, как правило, имеет междисциплинарный характер, студент осознает себя носителем культурных ценностей в различных учебных ситуациях.

В Российском государственном профессионально-педагогическом университете по направлению подготовки 44.03.04 «Профессиональное обучение (по отраслям) учебным планом предусмотрено освоение дисциплины «Методика обучения видам профессиональной деятельности». Целью изучения дисциплины является подготовка будущих бакалавров профессионального обучения к методической деятельности и творческому осуществлению образовательного процесса подготовки специалистов среднего звена в области дизайна (по отраслям) [1].

Учитывая то, что визуальная культура является составляющей образовательного процесса художественных специальностей, педагогам профессионального обучения в области дизайна необходимо владеть методикой проектирования дидактического инструментария, организацией педагогических условий, способствующих развитию визуальной культуры будущего профессионала.

Современное понимание развития визуальной культуры бакалавров профессионального обучения строится на основе формирования культурного грамотного визуального восприятия, опыта распознавания визуальных кодов, опыта визуальных коммуникаций, развития эмоционально-ценностных отношений личности при познании пластических искусств в целом (живописи, графики, скульптуры, архитектуры, полиграфии, графического дизайна и т. д.) [2].

Под развитием визуальной культуры будущих педагогов профессионального обучения в области дизайна мы понимаем сложное образование интегративного характера, представляющее собой совокупность визуальных образов, интегративных характеристик мышления, ключевых ценностей профессии и механизмов их освоения, которые развиваются у обучающегося на всех ступенях развития общей и профессиональной культуры в процессе учебной деятельности.

Обобщив различные подходы к значимости развития визуальной культуры студентов, обучающихся по профилю декоративно-прикладного искусства, а также, изучив особенности профессиональной деятельности дизайнера, в соответствии с современными требованиями профессиональных стандартов, внесены коррективы в содержание практикума по дисциплине «Методика обучения видам профессиональной деятельности». Так, например, тематика курсовых работ направлена на поисковую деятельность методов обучения, направленных на развитие визуальной культуры, критериев освоения визуальной культуры при подготовке дизайнеров (по отраслям) в образовательных организациях среднего профессионального образования.

Процесс повышения уровня визуальной культуры студентов становится возможным при определенных организационно-педагогических условиях, которые включают:

1. Введение в образовательный процесс целеполагания развития визуальной культуры как основы проектирования содержания дисциплины:

- разработка системы мониторинга развития визуальной культуры, для чего необходимо подобрать ориентированные на структуру развития визуальной культуры технологии диагностирования, методы исследования;

- нацеленность всего процесса профессионального образования на развитие визуальной культуры как основного показателя профессиональной подготовки будущего педагога профессионального обучения в области дизайна.

2. Проектирование образовательной среды, ориентированной на структурную модель развития визуальной культуры будущего специалиста в области дизайна, предусматривающей создание соответствующего дидактического обеспечения:

- отбор и использование содержания учебного материала разнообразного вида и формы, ориентированного на развитие визуальной культуры обучающихся;

- разработка и использование индивидуальных программ обучения, моделирующих исследовательское (поисковое) мышление, способствующих развитию визуальной культуры, предоставление обучаемому свободы выбора способов выполнения учебных проектов;

- сотрудничество с педагогами и коллегами по мониторингу развития визуальной культуры студентов на всех ступенях профессионального образования.

Таким образом, на дисциплине «Методика обучения видам профессиональной деятельности» предусмотрены условия культурного развития, в частности, развития визуальной культуры, которые носят системный характер. Через результаты методических продуктов, полученные студентами при изучении этой дисциплины, оценивается уровень развития культуры студента. Это происходит по его умению, например, воспринимать визуальные образы, оценивать, сопоставлять, интерпретировать и на этой основе создавать индивидуальные. Такое понимание визуальной культуры способствует формированию общей и профессиональной культуры студента, определяющего его как целостную личность.

Литература

1. Рабочая программа дисциплины «Методика обучения видам профессиональной деятельности». Екатеринбург: ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2016. 23 с.
2. *Мехоношина О.В.* Критерии освоения визуальной культуры в профессиональном художественно-педагогическом образовании // Электронный научный журнал «Педагогика искусства». URL: <http://old.art-education.ru/> (дата обращения: 15.04.2017).

Анна Николаевна Кузьмина
студентка социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: anna.kzmina9595@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОМСКОМ КАЗАЧЬЕМ КОЛЛЕДЖЕ ИМ. К.Г. РАЗУМОВСКОГО

Аннотация. В статье рассматриваются специфические проблемы социальной адаптации подростков категории социальных сирот. Приведен анализ субъективных оценок студентов по вопросам социальной адаптации к условиям колледжа и результатов исследования социально-психологической адаптации. Определено направление решения перечисленных проблем.

Ключевые слова: адаптация; социальная адаптация; социальные сироты; проблемы социальной адаптации.

Anna Kuzmina
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

INVESTIGATION OF THE PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION OF CHILDREN-ORPHANS LEARNING IN OMSK COSSACK COLLEGE. K.G. RAZUMOVSKY

Abstract. The article deals with specific problems of social adaptation of adolescents in the category of social orphans. The analysis of subjective assessments of students on the issues of social adaptation to the conditions of the college and the results of a study of socio-psychological adaptation is given. The direction of the solution of the listed problems is determined.

Keywords: adaptation; social adaptation; social orphans; problems of social adaptation.

Социальные сироты являются одной из наиболее уязвимых групп социального риска. Проблема адаптации социальных сирот в Российском обществе остается актуальной много лет, потому что количество детей, оставшихся без попечения родителей, ежегодно растет. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, на 2014 год количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составляло 343 334 человек, а в 2015 году этот показатель составлял уже 360 826 человек [2]. Социальными сиротами принято называть детей, имеющих родителей, которые по каким – либо причинам не выполняют свой родительский долг.

Семья, как известно, является главным институтом, осуществляющим первичную социализацию личности. Именно в семье, в тесном контакте с родителями, ребенок приобретает умения и навыки, необходимые для успешной социализации и реализации личностного потенциала. Именно родители формируют здоровую личность ребенка, воспитывают полноценного члена общества. Следовательно, дети, которые были лишены семейного окружения, были лишены общения с родителями, имеют затруднения в социальном развитии, в социальной адаптации.

Наличие профессии является важным фактором, способствующим развитию человека, так как, имея профессиональные навыки и знания, человек имеет возможность получить хорошую работу, соответственно обеспечивать себя, осуществлять активную деятельность, реализовывать свой личностный потенциал, строить конструктивные отношения с окружающими [1, с. 342].

Однако, следует отметить, что более 60 % молодых людей из числа социальных сирот не завершают свое обучение, даже в учреждениях среднего профессионального образования.

Проблемы социальной адаптации при поступлении в образовательное учреждение имеют все молодые люди, потому что возникает необходимость приведения в соответствие собственных интересов с требованиями образовательной среды.

К условиям новой образовательной среды следует отнести: требования преподавателей, необходимость построения взаимоотношений с учебной группой, освоение учебных дисциплин профессионального характера, необходимость самостоятельно организовывать свое проживание в общежитии по установленным правилам.

Для того, чтобы оказывать поддержку подросткам в социальной адаптации, необходимо разобраться с сущностным содержанием данного понятия. Изначально, адаптация являлась категорией биологической науки и понималась как приспособление организма к среде. Так в работах Ч. Дарвина адаптация трактовалась как совокупность изменений, происходящих в организме, более или менее адекватных воздействиям раздражителя окружающей среды. В рамках таких наук, как социология, психология адаптация рассматривалась с точки зрения ее влияния на поведение человека.

То есть, процесс вхождения в определенную социальную среду предполагает понимание особенностей этой среды, принятие ее норм и ценностей в качестве собственных идеалов и установок. При этом, социальная адаптация предполагает не только пассивное принятие определенных условий, но и их активное применение, то есть выработку определенных знаний и умений адекватно применяемых человеком в определенных условиях среды.

Таким образом, в обобщенном виде социальная адаптация – это интеграция личности в социум, в коллектив, в определенную социальную среду. При этом предполагается, что оказавшись в новых условиях, личность должна принимать правила, традиции, требования, которые ему предъявляет новое окружение.

К специфическим проблемам детей – сирот в социальной адаптации следует отнести: проблемы построения конструктивных отношений с социальным окружением, затруднения в саморегуляции и самоконтроле. Они испытывают сложности в организации самостоятельной жизни. Большие трудности подростки переживают в процессе освоения профессиональных знаний и в определении своего места в образовательном учреждении.

Для исследования проблем адаптации студентов Омского колледжа при Казачьем институте им. К.Г. Разумовского из числа социальных сирот, нами были выбраны следующие методы: тестирование, анкетирование, беседа, наблюдение и анализ документов.

Первый этап исследования был направлен на выявление субъективной оценки студентами собственной социальной адаптации и проводился этот этап в виде анкетирования.

В исследовании приняло участие 20 студентов категории социальных сирот. Вопросы анкеты были поделены на следующие блоки:

- Определение уровня успешности обучения;
- Выявление интересов студента за пределами учебной деятельности;
- Выявление степени гармоничности взаимоотношений с окружающими;
- Определение качественных характеристик физического и эмоционального состояния.

Результаты анкетирования показали, что 51 % опрошенных подростков успевают по основным учебным дисциплинам на 4 и 5. Остальные респонденты оценили свою успеваемость как удовлетворительную.

Такие результаты мало согласуются с ответами на вопрос «Как часто Вы прогуливаете занятия?». Только 6 % подростков указали на отсутствие прогулов, 45 % респондентов честно признались, что прогуливают занятия регулярно, остальные 49 % отметили, что редко прогуливают занятия.

Следующий блок вопросов касался мотивов поступления в колледж. Нами было выявлено, что более половины студентов поступили в учебное заведение по совету опекунов или друзей. То есть, можно предположить, что 60 % студентов 1 курса категории социальных сирот обучаются на специальности, которая не соответствует их интересам. А это, в свою очередь, может послужить причиной их низкой успеваемости.

При этом, на вопрос о наличии хобби и иных занятий, помимо обучения, 52 % студентов ответили, что занимаются преимущественно спортом.

Следующий блок вопросов касался изучения взаимоотношений студентов-сирот с социальным окружением. Нами исследованы взаимоотношения подростков с товарищами по

учебной группе, с соседями по общежитию и с опекунами. Изучив ответы на вопросы анкеты, мы сделали следующие заключения: из 20 студентов только один проживает с опекунами, остальные живут самостоятельно в общежитии. Характер взаимоотношений с опекунами подростками воспринимается как дружеский.

Следует отметить, что 40 % студентов имеют близких друзей среди товарищей по группе, 25 % социальных сирот считают свои отношения с товарищами официальными, и 35 % считают, что их отношения носят дружелюбный характер. Существуют проблемы взаимоотношений с соседями по общежитию. Среди соседей по общежитию подростки не назвали друзей, а 18 % указали на наличие конфликтов.

На втором этапе проводилось исследование с помощью методики К. Роджерса и Р. Даймонда, нами выявлялся уровень социально-психологической адаптации студентов.

Данная методика позволяет выявить уровень социально-психологической адаптации по следующим компонентам: интернальности, самовосприятия, эмоционального комфорта и принятия других.

Анализируя результаты исследования по перечисленным выше шкалам, нами выявлены следующие проблемы:

- по шкале интернальности – пассивная жизненная позиция, склонность к перекладыванию ответственности за свою жизнь на других;
- по шкале самовосприятия – негативное отношение к себе, что снижает уровень самооценки и уверенности в себе;
- по шкале эмоционального комфорта – склонность к негативным переживаниям;
- по шкале принятия других – склонность к дистанцированию и избеганию общения с новыми и незнакомыми людьми.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что специфика проблем социальной адаптации студентов колледжа из числа сирот лежит в плоскости проблем их личностного развития, поэтому существует необходимость в системной работе по социально-психологическому сопровождению данной категории подростков.

Таким образом, обобщив специфику проблем социальной адаптации подростков из категории социальных сирот, можно сделать следующие выводы:

1. Корни проблем социальной адаптации лежат в отсутствии необходимого семейного воспитания.
2. Наиболее ярко выражены проблемы связанные с пассивной жизненной позицией, со склонностью перекладывать ответственность за свою жизнь на других, со сниженным уровнем самооценки, со сложностями в построении конструктивных взаимоотношений с социальным окружением, следствием которых являются прогулы и низкий уровень успеваемости в колледже.
3. Студенты колледжа из числа социальных сирот нуждаются в социально-психологическом сопровождении, необходимо реализовывать комплексные программы поддержки данной адресной группы в социальной адаптации к условиям колледжа.

Литература

1. *Никитина И.М.* К вопросу о понятии социальной адаптации // Вопросы теории методов социологических исследований (по материалам научно-теоретической конференции). Вып. 3. М., 1980.
2. Официальный сайт государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 02.04.2017).

Наталья Борисовна Гребенникова
доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии
социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: grebennikova-nb@mail.ru

Александр Валерьевич Шайдуров
студент социально-гуманитарного факультета,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск.
E-mail: avalon126@mail.ru

КИНОКЛУБ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Аннотация. В статье описаны методы формирования профессиональной культуры специалистов социальной сферы в контексте культурологического подхода. Определены условия, при которых кино клуб можно рассматривать как инновационный метод формирования профессиональной культуры студентов.

Ключевые слова: профессиональная культура; культурологический подход; культурная образовательная среда; профессиональная готовность; рефлексивная деятельность; инновационный метод.

**Natalia Grebennikova,
Alexander Shaidurov**
Dostoevsky Omsk State University,
Russian Federation, Omsk

FILM CLUB AS AN INNOVATIVE METHOD FOR FORMING THE PROFESSIONAL CULTURE IN SOCIAL SPHERE SPECIALISTS

Abstract. The article presents the methods of forming the professional culture in social sphere specialists in the context of the culturological approach. It also specifies the conditions under which the film club can be regarded as an innovative method for forming the professional culture in social work students.

Keywords: professional culture; culturological approach; cultural educational environment; professional readiness; reflexive activity; innovative method.

В современных условиях нестабильности социально-экономической ситуации важную роль играют специалисты социальной сферы. Ключевым направлением профессиональной деятельности специалистов по социальной работе является помощь клиентам в трудной жизненной ситуации, что требует гибкой и ответственной работы с каждым частным случаем.

Очевидно, что качественная и ответственная работа с уникальной ситуацией возможна, если специалист имеет определенный уровень профессиональной культуры.

Под профессиональной культурой следует понимать «сущностную характеристику личности специалиста, определяющую систему его ценностных ориентаций, оптимальный стиль профессионального поведения, позволяющий самостоятельно разрабатывать оригинальные технологии» [2, с. 14]. Очевидно, что профессиональная культура формируется в рамках культурологического подхода. По мнению Е.В. Бондаревской культурологический подход – это « видение образования сквозь призму понятия культуры, то есть его понимания как культурного процесса, осуществляющегося в культурно-сообразной образовательной среде. Культурная образовательная среда является условием для свободного проявления всех

участников образовательного процесса, для саморазвития и самоопределения в мире культурных ценностей, как преподавателей, так и студентов» [1, с. 157].

Таким образом, культурологический подход в профессиональном образовании имеет три взаимосвязанных аспекта действия: аксиологический, технологический и личностно-творческий.

Аксиологический аспект характеризуется выявлением соотношения между декларируемыми ценностями человека и ценностями, которые являются реальной побудительной силой, потому что любая ценность становится значимой только в индивидуальном субъектном контексте.

Технологический аспект состоит в освоении студентами технологий социальной и психо-социальной работы в рамках полимодальной практики.

Личностно-творческий аспект определяется использованием молодыми людьми рефлексивных технологий саморазвития.

Очевидна необходимость использования всех аспектов культурологического подхода в процессе формирования профессиональной культуры.

Выявление соотношения между провозглашаемыми ценностями и ценностями, которые определяют выбор стратегий поведения, осуществлялось нами в рамках пилотажного исследования. В качестве основного метода нами выбрана методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах». Респондентами выступили второкурсники очной формы обучения направления «социальная работа». Наиболее значимыми для студентов оказались ценности: здоровье, семейная жизнь, любовь и уверенность в себе.

Такие ценности как познание и творчество оказались в списке самых незначимых ценностей, они были поставлены соответственно на 10 и 11 места из 12.

Следует отметить, что в списке самых недоступных ценностей оказались: интересная работа, активная деятельная жизнь, материальное благополучие и счастливая семейная жизнь. Результаты исследования показали, что студенты не связывают получение своего профессионального образования с возможностью своего личностного и профессионального саморазвития и с возможностью построения перспективных жизненных планов.

Переориентация ценностных позиций осуществляется в рамках рефлексивной деятельности. В рефлексивной деятельности проявляется и готовность к саморазвитию.

Рефлексивная деятельность определяется как составляющая человека культуры, его гуманности, духовности, готового к профессиональному саморазвитию, критерием которого является компетентность, личностный рост, образовательная траектория.

Качественной характеристикой рефлексивной образовательной ситуации является «школа жизни самой жизнью, обучение жизни на основе художественных произведений, театральные постановки и школа мудрости, основанная на последних достижениях человековедческих наук и реалистическом театральном творчестве» [2, с. 53].

Поэтому, в процессе формирования профессиональной культуры специалистов социальной сферы мы применяем следующие инновационные методы:

1. Рефлексивные образовательные технологии с применением ролевого моделирования профессиональной ситуации.

2. Построение расширенной культурной образовательной среды в рамках социального партнерства.

Примером построения культурной образовательной среды является многолетнее социальное партнерство специалистов кафедры социальной работы, педагогики и психологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского с коллективом театра живописи. Инновационный проект театра живописи транслирует культурную норму отношения к произведениям искусств как овековой памяти эпохи, страны, человека. Этот театр является образцом высокой профессиональной культуры всех сотрудников: актеров, художников, режиссеров, авторов сценариев.

«Созданный в данном театре эффект «волшебного фонаря», заставляет зрителей ощутить смещение пространства и времени, игру реального и ирреального, побуждает и обновляет чувственное восприятие происходящего. Иными словами театр живописи является неисчерпаемым источником мыслей, впечатлений, эмоциональных переживаний, которые строят мост между величием произведений искусств и созидательным стремлением к саморазвитию студентов» [4, с. 42]. Качественный анализ влияния спектаклей театра жизни на процесс формирования профессиональной культуры студентов направления «социальная работа» осуществлялся нами на основе субъективных оценок молодых людей, зафиксированных в листах обратной связи.

В качестве примера можно привести следующие записи:

- «поразил высокий профессионализм актрисы, ее уважительное отношение к зрителям и любовь к профессии, думаю, что очень важно стать хорошим профессионалом»;
- «я чувствовала себя соучастником действия и пережила чувство гордости за культурное наследие нашей страны».

Перечисленные выше методы являются нововведениями, поэтому мы относим их к категории инновационных. Интеграция этих методов нашла отражение в деятельности киноклуба.

Просмотр фильмов можно рассматривать как трудную интеллектуальную задачу. Серьезное качественное кино позволяет зрителям не только сопереживать героям, но и отождествлять себя с личностью того или иного персонажа, в определенных обстоятельствах. Следовательно, рефлексивный анализ поведения героев в той или иной социальной ситуации влияет на формирование ценностных позиций, развивает аналитические способности, обеспечивает освоение технологий социальной и психосоциальной работы, что и обеспечивает формирование профессиональной культуры. Таким образом, для того, чтобы киноклуб можно было рассматривать как инновационный метод формирования профессиональной культуры, необходимо учитывать два фактора:

- качественный подбор фильмов социальной тематики;
- организацию дискуссионной площадки.

При организации деятельности киноклуба нами осуществлялся подбор фильмов по определенным направлениям, все наши фильмы можно «качественными», так как они были отмечены как всемирными кинокритиками, так и кинофестивалями, такими как «Каннский кинофестиваль», «Берлинский кинофестиваль» и другие.

В направлении формирования гуманистических ценностей нами использовались фильмы: «Плата вперед», «Дом солнца» «Десять шагов к успеху», «Древо жизни», «Общество мертвых поэтов», «Здравствуйте, меня звать Дорис!», «Запределье». В направлении формирования семейных ценностей, использовались фильмы: «Ивановы», «Мамочка», «Это всего лишь конец света».

Проблемы взаимоотношений в коллективе исследовались нами на примере документального фильма «Травля», после которого мы обсуждали то, как можно было бы избежать травли со стороны коллектива, и какие пути профилактики возможны.

Обсуждение фильмов проводилось с опорой на личностные переживания, что позволяло членам клуба развивать свои способности к эмпатии и рефлексии. По результатам деятельности киноклуба, нами проведен небольшой опрос.

В своих листах обратной связи члены клуба отметили:

- «На занятиях киноклуба я развивала рефлексивные способности, наблюдала за жизненными ситуациями героев, анализировала их. Рассматривала варианты поддержки героев с профессиональной позиции»;
- «Киноклуб помог в анализе своих жизненных ситуаций и дал возможность сопоставить свое поведение с поведением героев»;
- «Киноклуб помог мне в развитии рефлексивных способностей и профессиональных качеств».

Таким образом, можно утверждать, что киноклуб является инновационным методом формирования профессиональной культуры студентов направления «социальная работа» при

выполнении двух условий: подбора фильмов социальной тематики и организации дискуссионной площадки.

Литература

1. *Бондаревская Е.В.* Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов н/Д., 2000. 352 с.
2. *Вазина К.Я.* Единство творчества человека и рефлексивных способностей // Вестник ОмГУ. № 4. 2007. С. 51–57.
3. *Гайсина Г.И.* Культурологический подход в теории и практике педагогического образования: дис. ... д-ра пед.наук. М., 2002.
4. *Гребенникова Н.Б., Михалевский Н.И.* Театр живописи как инновационный компонент образовательного пространства // Исследование и проектирование в социальной работе: теория и практика: материалы V заочной Международной научно-практической конференции. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 40–43.

Юлия Валерьевна Тархова
магистрант направления «Профессиональное обучение (по отраслям)»,
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: 79221231866@yandex.ru

Владислав Жанович Шуплецов
профессор кафедры архитектуры,
Уральский государственный архитектурно-художественный университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: vl_skb@list.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГОРОДА

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на формирование образа города и значение этих факторов в восприятии городского пространства, объективные и субъективные характеристики которого выстраивают в сознании смысл образов и информационных структур городской среды.

Ключевые слова: городская среда; образ города; визуальный образ.

Yuliya Tarkhova
Russian State Professional Pedagogical University.
Russian Federation, Yekaterinburg

Vladislav Shupletsov
Ural State University of Architecture and Art,
Russian Federation, Yekaterinburg

EMOTIONAL OF URBAN SPACE

Abstract. The article contains the factors influencing the formation of the image of the city and the importance of these factors in the perception of urban space, objective and subjective characteristics which build a conscious sense of the images and information structures of the urban environment.

Keywords: urban environment; city's image; visual image.

Город является основанием современной цивилизации, местом энергичного роста и преобразования культуры. Поэтому значимость формирования позитивного образа города занимает важную роль на современном этапе развития человеческой цивилизации. В XXI веке из-за переустройства архитектурно-ландшафтной составляющей существенным образом изменились характеристики городского пространства, что привело к значительным изменениям не только визуального облика городов, но и оказало влияние на восприятие, понимание и оценку города самими жителями. Исследования демонстрируют, «что основная цель изучения и реконструкции историко-культурной среды современных городов заключается, прежде всего, в необходимости освоения населением высокого культурного потенциала Места» [3].

Определяя образ города, важно рассмотреть ключевые подходы к изучению структуры образов с упором на общественное пространство. Первоначально отметим, что для анализа важным является акцентирование внимания, в соответствии с принципами системного анализа, на составные части – «субобразы», – из которых и складывается образ в целом.

У каждого современного отечественного исследователя свои представления о визуальном образе города:

– структура образа иерархична, в ее основе – объект городской среды, имеющий «максимальный вес» (наибольшую значимость); вокруг этого базового ядра – информация о самом городе (история, доминирующие ценности и пр.), которая считывается через восприятие городских объектов.

Дополнительные представления о городе, вне зависимости от заложенных в них смыслов, «работают» на эту «доминанту» (Л.В. Давыдкина) [4]:

– образ одновременно индивидуален (есть результат зрительного восприятия окружения, создающий в сознании человека духовно-насыщенный, эстетический образ этой среды) и коллективен (отображает общественное сознание, комплекс массовых мнений (С.А. Степанова) [9];

– образ – непрерывно развивающаяся реалья, основой которой служат градостроительная (Е.Н. Логунова) [5], архитектурная среда города (А.В. Мальцев) [6];

– образ представляет собой «совокупность двух подсистем: визуально-воспринимаемой и «мифической», бытующей в сознании горожан» формирующейся из специфики вещно-предметной среды и природно-ландшафтных характеристик, бытующих в сознании горожан» (Ю.Р. Горелова) [2, с. 353–354];

– наличие у города образа осязаемого (органов чувств) и образа неосязаемого (художественные произведения); образ, сложившийся в профессиональном (архитектор) и непрофессиональном сознании (житель) (В.Л. Алексеева) [1];

– наличие у города образа внешнего (гости города, туристы) и образа внутреннего (жители) (В.Л. Алексеева, М.С. Отнюкова) [1, 7]. Так, по мнению М.С. Отнюковой, взгляд «изнутри» (внутренний образ) и взгляд «снаружи» (внешний) существенно отличаются: «У туриста достопримечательность структурирует восприятие, закрывая собой негативный окружающий ее фон. Для местных жителей главным становится ощущение удобства и комфорта ... Рассказ туриста включает особенности, достопримечательности, связанные с индивидуальными телесными ощущениями, тело как бы встраивается в контекст достопримечательности, тем самым повышая эмоциональную составляющую рассказа. В случае с местным жителем эти фоновые характеристики высвобождают энергию отрицательных эмоций и раздражения, и тело усиливает этот отрицательный полюс» [7, с. 10].

Образы города имеют бесчисленное множество воплощений: например, могут иметь вид нарратива или фотографического изображения, бытовать устно, в среде электронных телекоммуникационных сетей, на страницах журналов или краеведческих изданий. Наконец, образы города могут быть и неофициальными, спонтанно рождающимися в среде урбанистических сообществ.

Набросаем существующий образ Екатеринбурга, осуществив его анализ по данным критериям.

История, доминирующие ценности и имидж города. История Екатеринбурга берет начало с 1723 года в связи с образованием на реке завода и своим названием обязан Екатерине I. В 1781 г. Екатерина II наделила его статусом города, Верх-Исетский завод уже в начале своей деятельности считался одним из самых развитых и технологичных производств того времени на территории всего мира. В 1807 г. Екатеринбургу присвоен статус единственного в России «горного города». В XIX в. открыты месторождения золота, драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней (работы по их освоению идут до сих пор).

Таким образом, традиционными производственными брендами города являются производство чугуна и стали, горного и металлургического оборудования, обработка драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней.

К началу XX в. город – крупный промышленный, торговый финансовый центр, Екатеринбург утвердился в роли «столицы Урала». В 20-е годы XX века строится огромное индустриальное предприятие – Уралмаш (Уральский завод тяжелого машиностроения). Во второй половине XX века Екатеринбург продолжает развивать как индустриальный, так и социально-культурный центр. Наличие объектов тяжелого машиностроения в условиях строжайшей секретности холодной войны и обостренных отношений в геополитике создавала определенные барьеры для туристических визитов иностранцев в Екатеринбург.

Бесспорный постсоветский бренд – *исторический* «кровавый бренд», связанный с гибелью царской семьи. Православный храм – «Храм-на-крови» – визуальный символ, который прочно ассоциируется с Екатеринбургом (47 % респондентов, по данным Е.В. Ракевич [8, с. 376]).

Политические бренды. Мощный *политический* бренд в категории «персоны» – Б.Н. Ельцин как символ постсоветской России. У города есть и новый кандидат для политического брендинга как отражение гражданского самосознания жителей Екатеринбурга – Евгений Ройзман.

Международное сотрудничество. Амбиции проявляются в проведении таких знаковых мероприятий, как ежегодной международной промышленной выставки «Иннопром», саммитов «БРИКС», «Россия-ЕС», а также стран участниц ШОС и др. Согласно общественному мнению, больше половины опрошенных горожан (54 %, по данным Е.В. Ракевич [8, с. 377]) считают Екатеринбург третьей столицей России.

Архитектурное наследие и визуальные символы города. Старинные производственные корпуса и заводская плотина Верх-Исетского завода – знаковое историческое место города («Плотинка»), где проводятся официальные церемонии и массовые праздничные гуляния. Многочисленные здания и архитектурные комплексы, выстроенные в стиле «конструктивизм», представляют собой пример нераскрученного и неоцененного бренда. Различные достопримечательности (от памятников до уникальных по красоте особняков) связаны маршрутом Красная линия Екатеринбурга. Сегодня высотное здание-рекордсмен «Бизнес-центр Высоцкий» – символическое воплощение высокой деловой активности города.

Культурный потенциал города. Бренды «спрятаны» глубже и по своей известности не могут сравниться с вышеперечисленными, в том числе потому, что сложившиеся практики территориального брендинга традиционно ориентированы больше на сферы производства, экономики и политики, нежели культуры. Но и здесь есть свои «столпы» (Виталий Волович и Михаил Брусиловский, Александр Новиков, «Чайф», Николай Коляда и одноименный театр, кинорежиссер Алексей Федорченко и др.).

В целом, Екатеринбург, обладая столичными амбициями, стоит на пути трансформации «города-завода» в «город-предприниматель». Образ города конструируется из множества образов и их интерпретаций, будут рождаться новые смыслы образов городской среды, продиктованные новым временным и знаковым потенциалом.

Литература

1. *Алексеева В.Л.* Образ города в культурном сознании // Университетская площадь: альманах. 2010. № 3. С. 174–176.
2. *Горелова Ю.Р.* Образ города: диалектическое единство реального и идеального // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. Вып. 4. (51–52). С. 353–354.
3. *Горелова Ю.Р.* Механизмы формирования и принципы классификации образов города. URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-257758.html> (дата обращения: 06.05.2017).
4. *Давыдкина Л.В.* Исследование образа города Самары студентов разных профессиональных групп // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1(09). С. 697–714.
5. *Логунова Е.Н.* Особенности формирования визуального образа крупного города (на примере Красноярска). URL: <http://elib.krasu.ru/handle/2311/7593> (дата обращения: 06.05.2017).
6. *Мальцев А.В.* Зрительное восприятие как фактор информации о стойкости развития городской структуры (на примере спуска Веснина в Харькове) // Коммунальное хозяйство городов: научно-техн. сб. М.: ХНАГХ, 2011. Вып. 97. С. 399–402.
7. *Отнюкова М.С.* Социальное конструирование достопримечательностей в туризме: автореф. дис ... канд. соц. наук. Саратов, 2005. 19 с.
8. *Ракевич Е.В.* Имидж Екатеринбурга: структура и потенциал // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: матер. междунар. конф.: в 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. Т. 1. С. 375–378.
9. *Степанова С.А.* Динамика визуального образа города: на примере г. Хабаровска: автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2006. 27 с.

Александр Владимирович Степанов
доцент кафедры дизайна интерьера,
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: S49@list.ru

Татьяна Михайловна Степанова
доцент кафедры культурологии и дизайна
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: S49@list.ru

ИММЕРСИОННЫЙ ПОДХОД В ОСВОЕНИИ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Рассматривается и обосновывается включение в учебные процессы нового подхода к усвоению визуальной культуры в рамках истории изобразительного искусства. Данный подход связан с погружением – иммерсией – в массив тематической визуальной информации, педагогически организованный в аспектах методологии, методики и технологии.

Ключевые слова: иммерсия; массив образной информации; аксиологический анализ; педагогическая трансляция; визуальная культура.

Alexander Stepanov
Russian State Professional Pedagogical University,
Russian Federation, Yekaterinburg

Tatyana Stepanova
Ural Federal University,
Russian Federation, Yekaterinburg

IMMERSIONAL APPROACH IN DEVELOPMENT OF VISUAL CULTURE

Abstract. The inclusion in educational processes of a new approach to the mastery of visual culture within the history of fine arts is examined and justified. This approach is related to immersion – immersion – in an array of thematic visual information, pedagogically organized in the aspects of methodology, methodology and technology.

Keywords: immersion; an array of imagery; axiological analysis; pedagogical translation; visual culture.

Современная визуальная культура обозначает себя многомерным и усложняющимся явлением. В ее многомерном образе проявляется необходимость освоения визуальной информации в рамках технологий, которые могли бы претендовать на роль средств, эффективно воздействующих на субъект, давали ему преимущества в интеграции необходимого визуального материала. Следует сказать, что современный объем этого материала постоянно возрастает.

Предметом статьи является рассмотрение возможностей включения в практику «общения» с визуальной информацией органично возникающих (эмержентных) средств ее освоения субъектом. Уточним, что вопрос этот будет рассматриваться в рамках взаимодействия субъекта и массива информации, связанной с изобразительным искусством. А конкретно с той визуальной информацией, которая предметно присутствует в истории изобразительного искусства и ее преподавании в образовательной системе (школа искусств, колледж /училище, вуз).

Преподавание истории искусств связано с необходимостью ознакомления, анализа, перцептивного освоения большого объема образной информации, что выражено не только в субъектном векторе, но и в субъект-субъектных отношениях, т.е. отношениях «обучающий – обучаемый».

Отсюда вытекает необходимость определения такого подхода к образовательному процессу, в котором бы присутствовали трансляционные модели, которые должны содержать отчетливо выраженный синтез исходного текста – массива произведений изобразительного искусства – с методологией, методикой и технологией его включения в субъект-субъектные отношения.

Формирование моделей в русле данного подхода – это задача актуальная как для педагогики, так и вообще для овладения человеком визуальной культурой в ее целостном понимании.

Если перейти к конкретике формирования модели освоения субъектом образного изобразительного материала, то в первую очередь надо обозначить характеристики того материала, который предназначен для «трансляционного педагогического синтеза».

Очевидно, что одной из ведущих характеристик такого материала будет его *информационный объем*, который, кстати, не является константной величиной, а продолжает постоянно нарастать. Здесь мы сталкиваемся с проблемой *необходимости концентрации трансляционного визуального (изобразительного) материала во времени как категории бытия*.

Другой характеристикой, представляющей большое значение в определении трансляционной ценности визуального (изобразительного) материала, будет именно его аксиологическая – ценностная – характеристика. И третьей существенной составляющей «трансляционного синтеза» (в соответствии с классическими принципами) будет *доступность содержания материала для субъекта обучения*.

Таким образом, мы выделяем три составляющих педагогической трансляции визуальной информации в области изобразительного искусства: *информационный объем – массив; ценность информации; доступность содержания информации для субъекта обучения*.

Наиболее сложную задачу представляет собой из данных трех пунктов изучение *информационного массива*. Полный объем информации, связанный с изобразительным искусством, объективно велик, что требует для его освоения не только значительных усилий, но и больших затрат времени. Это условие в образовательной практике (педагогике) определяет использование фрагментарной информации о том или ином стиле, направлении, течении, творчестве художника и т.д. Что выражается в отборе и изучении «ключевых» образцов из творческого визуального массива на соответствующую тему. Такой подход, при всем том, что метод индукции, применяемый в этих случаях, дает определенный позитивный эффект, все же следует посмотреть на дедуктивный подход с альтернативной точки зрения.

Ибо в освоении изобразительного материала существует своя специфика, которая связана с необходимостью ознакомления с как можно большим количеством визуальных образцов на рассматриваемую тему. Это дает совершенно другие «перспективы и горизонты» видения темы, представляет возможности для более широкого круга решений и выводов перцептивного и аналитического плана.

Здесь мы наблюдаем переход к новой ступени, приобретении качества в видении и понимании изобразительного искусства в его том, или ином фрагменте, а также и целостности. То есть деятельность по освоению массива изобразительной информации, будучи целенаправленной, дает субъекту реализацию его собственного *развития*. Безусловно, это определяется одним из общих законов развития – законом перехода количественных изменений в качественные.

Выводы из этого можно сделать следующие:

1. Развитие субъекта, связанное с изобразительным искусством, логично связать с его организационным погружением в массивы визуальной информации.
2. Следует определить стратегию и технологию реализации погружения субъекта в необходимые массивы визуальной образной информации.

Если перейти к моделированию условий осуществления «организованного погружения в массивы визуальной образной информации» – иммерсии, – то необходимо связать воедино в общих рамках погружения с понятие визуальной образной информации и другие составляю-

щие педагогической трансляции, а именно: *ценность визуальной образной информации, доступность содержания информации для субъекта обучения.*

Таким образом, мы фиксируем сложившуюся «триаду иммерсионной стратегии»: массив информации – его ценность – доступность содержания.

Данная «триада» не только является стратегической схемой, а органично переходит на технологический уровень иммерсии в массив визуальной образной информации. Но осуществление технологии иммерсии требует не только редукции (как сведения сложного к более простому) трех обозначенных установок, но и придания им особого рода наполнения. А именно: технологическую реализацию погружения в массив образной информации целесообразно производить в рамках, во-первых, организационной педагогической трансляции материала; во-вторых, организованного самостоятельного освоения материала субъектом обучения.

Именно такая – такая бифуркационная схема погружения может дать наиболее эффективный результат, так как в ее поле производится интеграция «активного» и «пассивного» состояний овладения виртуальным материалом. Конкретика реализации иммерсионной технологии связана с инструментарием компьютерной информации. Здесь. Безусловно, наиболее значимым является «интернет-инструментарий», дает возможность быстро и в большом объеме «добывать» и обрабатывать необходимую визуально-образную информацию.

Сочетание педагогической трансляции, самостоятельной работы субъекта обучения и компьютерных технологий при изучении истории искусства дает эффективный результат, в котором субъект обучения и компьютерных технологий при изучении истории искусства дает эффективный результат, в котором субъект обучения поднимается на уровень совершенно нового позитивного овладения информацией, что осуществляется, в том числе, благодаря использованию иммерсионного подхода в его целостном, развернутом, интегральном виде.

Если обратиться к подтверждению эффективности иммерсионного подхода в изучении истории изобразительного искусства, то здесь следует сослаться на опыт фрагментарного использования авторами статьи этого подхода в учебных процессах Российского профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург). Данный опыт по ориентировочным контрольным измерениям дал положительный результат в освоении студентами предложенного учебного материала.

Подводя итоги, обозначим существенные пункты предлагаемого иммерсионного подхода к изучению истории изобразительного искусства:

1. Осуществления погружения в массив образной информации в оптимальном объеме на основе компьютерных технологий.

2. Аксиологический анализ массива образной информации, выделение в нем наиболее существенных объектов и содержательно-формотворческих характеристик.

3. Интегральное использование педагогической трансляции материала и его самостоятельного изучения субъектом образовательного процесса.

4. Моделирование педагогических процессов освоения визуальной культуры на системном уровне с применением таких структурно-содержательных компонентов, как *стратегия, технология, массив, аксиология, современные средства информации* и др.

Александр Владимирович Степанов
доцент кафедры дизайна интерьера,
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: S49@list.ru

Александр Николаевич Маврин
старший преподаватель кафедры арт-дизайна,
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: ivanov@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОДХОДА К СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ОБЛАСТИ ДИЗАЙНА

Аннотация. В статье рассматривается проблема рефлексивного анализа инновации, внедряемой в области дизайн-образования; определяются векторы и параметры «стратегической рефлексии» нововведения; предлагается ориентированная модель-схема подхода к выявлению ценности инновационного внедрения.

Ключевые слова: инновация; псевдоинновация; базисная инновация; стратегия образовательной инновации.

Alexander Stepanov,
Alexander Mavrin
Russian State Professional Pedagogical University,
Russian Federation, Yekaterinburg

MODELING THE APPROACH TO THE STRATEGY OF INNOVATIVE EDUCATIONAL PROJECTS IN THE FIELD OF DESIGN

Abstract. The article deals with the problem of reflexive analysis of innovation, introduced in the field of design education; Vectors and parameters of the «strategic reflection» of innovation are determined; An oriented model-scheme of the approach to identifying the value of innovative implementation is proposed.

Keywords: innovation; pseudo-innovation; basic innovation; strategy of educational innovation.

Для современных инновационных образовательных проектов в области дизайна актуализируется задача выхода на новый уровень, в котором бы отражались не только «фрагментарные» улучшающие инновации, но и инновации базисного порядка, направленные на формирование принципиально новых подходов, приводящих к существенным позитивным изменениям в содержании образовательных процессов, демонстрирующие их объективную эффективность.

Для осуществления данной задачи, в которой зафиксированы установки т.н. макроуровня, необходима реализация ряда изменений, в которых бы отражались новые характеристики подхода к формированию того или иного образовательного дизайнерского проекта, проявляли себя взаимодействия теоретического и практического плана. Во взаимодействии теории и практики инновационного проектирования двум данным направлениям – теоретическому и практическому – принадлежат равные доли, фиксирующие не только равнозначность их приоритетов, но и их неразрывную интегральность в поле инновационного факта, достижения. Понимание инновации именно как факта и достижения – это также интегральная характеристика, представляющая инновационность в теоретическом и практическом аспектах, дающая определенный образ инновации, в том числе, и в рамках инновационного поля дизайн-проекта.

Вообще, дизайн перманентно несет в себе смысл, который, так или иначе, связан с инновацией. Данную содержательность дизайна определяет такая его категория, как проект. Сам проект определяется, как «бросок вперед», т. е. выход за пределы существующей реальной ситуации (теоретической, практической, предметной и т. д.). Причем этот выход «за пределы» должен нести те смыслы, которые маркируются, как позитивные, прогрессивные, перспективные и т.п. Для выявления значимости проекта, как инновационного достижения и факта, можно применить один из предлагаемых теоретиками классификационных подходов [1, с. 32]. В предлагаемой классификации обозначаются три пункта: базисная инновация, улучшающая инновация, псевдоинновация. К базисным инновациям в дизайн-проектировании (в том числе и образовательных процессов), как правило, относят принципиально новые проекты, приводящие к существенным структурно-содержательным изменениям в данной отрасли проектной деятельности, формированию такого нового продукта, который может оказывать длительное и активное «аналоговое внушение» на проектирование дизайн-продуктов подобного рода, вида, типа и т. п.

К улучшающим инновациям в дизайн-проектировании причисляют те, в которых отчетливо отражаются усовершенствованные параметры продукта того или иного назначения, улучшение технологии их производства, а в области образовательных процессов – формирование системы (системных модулей) методов, приемов, которые дают практико-образовательную эффективность в ее квалиметрическом виде (изменении). Позиционирование т.н. псевдоинноваций также имеет важное значение в силу того, что данная категория является симулятором, присутствует в самых разных социумных процессах, формируя деструктивные, ложные взгляды на сами инновационные процессы. Иногда к псевдоинновации относят «поддержку» устаревшего продукта (любого назначения) или технологии (в том числе образовательной), что также дезориентирует в понимании инновации как вектора включения новизны в те или иные деятельные процессы.

Таким образом, мы, опираясь на принятую классификацию инноваций, можем определить первый стратегический пункт инновационного проектирования, а точнее, формирования инновационного проекта, который определяет проектный вектор-задачу: выявление уровня инновационного проекта, в нашем случае – образовательно-дизайнерского. Зафиксируем это в схеме (табл. 1), адаптированной именно к инновационному проекту в области дизайн-образования.

Мы концептуально позиционируем необходимость как можно более точного определения уровня дизайн-образовательного проекта на самых первых этапах его проектирования, что даст возможность аксиологического (ценностного) видения проекта в перспективе, а, следовательно, и понимания его стратегических аспектов.

Таблица 1

Классификация дизайн-образовательных инновационных проектов

<i>Уровень инновации</i>	<i>Характеристики</i>
Базовый	Проект является принципиально новым, содержит подход, позволяющий обучаемым раскрыть свои субъективные качества на социально значимом теоретико-практическом уровне.
Улучшающий	Проект ведет к частичным объективно выраженным улучшениям процесса освоения субъектом дизайн-проектирования
Псевдоинновационный	Проект создает ощущение «видимости» инновации, заведомо строится на идее «культурного отставания»

Переходя к стратегическим аспектам инновационного дизайн-образовательного проекта, следует (после определения его уровня) обратиться к рассмотрению факторов, влияющих на развитие инновационной идеи. В этом плане существуют определенные рекомендации, которые дают возможность оценки совокупности влияющих на развитие инновационной идеи факторов и, соответственно, выбора «стратегического хода» [1, с. 43].

Среди факторов обычно выявляют две группы:

1. Факторы, препятствующие инновационной деятельности.
2. Факторы, способствующие инновационной деятельности.

Аналитическое рассмотрение этих факторов имеет значение для определения стратегических посылов планируемой инновационной деятельности, а также для осуществления последующей рефлексии инновационных процессов.

В совокупности к препятствующим факторам относят:

- недостаток финансовых средств;
- слабость материальной и научно-технической базы;
- устаревшие оборудование, технологии;
- отсутствие резервных средств;
- авторитарный стиль управления;
- ведомственная замкнутость;
- сложность в межорганизационных взаимоотношениях;
- жесткость в планировании, отсутствие гибкости;
- ориентация на краткосрочный, быстрый результат;
- сложность в согласовании интересов и т. д. и т. п.

К факторам, способствующим инновационной деятельности относят:

- наличие финансового резерва, материально-технических средств, передовых технологий;
- существование научно-технической инфраструктуры;
- реализация материального поощрения;
- законодательные и административные льготы;
- государственная и административная поддержка;
- гибкость организационных структур;
- демократический стиль управления;
- допущение корректировок инновационных процессов;
- поддержка самопланирования и т. д. и т. п.

В целом факторы, влияющие на развитие инновационной идеи, необходимо рассматривать комплексно, выявляя в их совокупности возможности и препятствия, приступая к планированию работы с учетом системного взаимодействия всех выявленных факторных влияний.

Еще один стратегический вектор дизайн-образовательного инновационного проектирования можно конфигурировать в рамках т.н. классификации рисков. Поскольку в нашем тексте рассматриваются инновации, касающиеся дизайн-образовательных проектов, то в комплекс возможных рисков следует внести риски специфического «характера», связанные с эффективностью образовательных процессов.

Данная задача зачастую является сложной проблемой, к тому же во многих случаях носящей гипотетический характер. Тем не менее, выделять категорию рисков в образовательно-дизайнерских инновационных проектах необходимо для осуществления прогноза результата образования, выявления возможных недостатков проекта.

Поскольку образовательные проекты должны носить субъектно-гуманистический характер, то круг рисков надо в первую очередь с рисками т.н. человеческого фактора.

В комплекс рисков подобного рода можно включить:

- риски, связанные с расчетом изменений прогрессивного характера в рамках образовательного дизайн-проекта;
- риски, связанные с расчетами параметров проекта и обусловленные неточностями в формировании моделей (модели) образовательного дизайн-проекта;
- риски, обусловленные инертностью субъекта образовательного процесса к поддержке образовательного проекта и др.

Безусловно, что комплекс факторов, рассматриваемых в нашей статье, не является исчерпывающим, а представляет собой, скажем так, «объем-схему», которая может быть опре-

деленной ориентировкой при генерировании, разработке и формировании инновационных образовательных дизайн-проектов. Материал данного комплекса может послужить ориентировочной основой для формирования стратегии модели инновационного образовательного проекта. Представим модель «стратегического образа» инновационного проекта в схематаблице (табл. 2).

Размышляя о «стратегическом образе» инновационной модели, мы имеем в виду общий характер рефлексии, связанной с конкретным инновационным предложением (разработкой) вообще и в частности – в области дизайна. Рефлексивный аспект любого инновационного предложения – необходимое звено в процессе инноватики, так как данный процесс выявляет ценностные (аксиологические) характеристики инновационной идеи, предложения, разработки, внедрения.

Таблица 2

Модель ориентировочной стратегии при проектировании инновационного дизайн-проекта

<i>Стратегическая ориентировка</i>							
<i>Уровень инновации</i>			<i>Факторы, влияющие на развитие инновационной идеи</i>		<i>Риски, связанные с инновациями</i>		
базовый	улучшающий	псевдоинновационный	факторы, препятствующие развитию инноваций	факторы, способствующие развитию инновации	неточность в оценке инновационного выделения	неточности в расчете параметров в инновации	инертность субъекта в восприятии инновации

Проблема рефлексии для инноватики на сегодня актуальна в силу того, что не всегда нововведения приносят реальную пользу, зачастую, являясь псевдоинновационной формой (симулятором) деструктивно влияю на инновационные процессы, формируют ложные взгляды и траектории. Требуется овладение рефлексивной культурой [2, с. 116] для коррелирования своего инновационного продукта с его подлинным, истинным аксиологическим состоянием. Рефлексивная организация личности должна проявляться в инновационной деятельности, прежде всего на стратегическом уровне, что позволит избежать ложных представлений и оценок инновационного продукта на любом этапе его формирования генерации идеи, ее разработки, внедрения.

В целом предлагаемая нами модель ориентировочной стратегии при проектировании инновационного дизайн-продукта носит «бифуркационный» характер и направлена:

1. На определение стратегии инновационного поиска через понимание, комплекса базовых характеристик инновационного проекта.

2. Рефлексивное осмысление аксиологической значимости инновационного продукта, как на начальном этапе (проектировании), так и на этапах его аналитической экспертизы (этапы формирования, внедрения), связанной с оценкой продукта, определение его целостной значимости, интегральных позитивных качеств.

Нововведение (инновация) не должно противоречить устоявшейся (устойчивой) эффективной структуре взаимосвязей внутри той системы (системного модуля, блока и т.п.), в которую инновация внедряется. Зачастую инновации носят т.н. точечный характер, что не всегда прогрессивно и эффективно определяет их значимость. Более того, во многих случаях точечные инновации негативно и деструктивно сказываются на системе, с которую они

внедряются. Отсюда следует сделать вывод, что в первую очередь необходимо определить стратегию инновационного акта, выраженную в рефлексии его ценностного содержания, возможностей его системного функционирования.

Таким образом, в статье предлагаются такие, относящиеся к инноватике понятия, как:

- стратегия образовательной инновации;
- системность образовательного инновационного внедрения;
- аксиология образовательной инновации;
- рефлексия образовательной инновации.

Данные понятия (категории) могут быть применимы как в области дизайн-образования, так и в любой другой области и сфере деятельности.

Литература

1. *Гончаренко Л.П., Арутюнов Ю.А.* Инновационная политика. М.: КНОРУС, 2009. 352 с.
2. *Деркач А.А., Зазыкин В.Г.* Акмеология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2003. 256 с.

Валерий Игнатьевич Куценков
доцент кафедры дизайна интерьера,
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: kvi-dpi@yandex.ru

ТИПОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА ИНТЕРЬЕРА НА ОСНОВЕ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Исследуя такое явление, как типология в области дизайна интерьера, необходимо использовать когнитивную деятельность человека, направленную на познавательную деятельность, используя логические и эмоционально-образные способности человека в творческой деятельности.

Ключевые слова: типология; классификация; когнитивная познавательная деятельность; пространство интерьера; визуальная культура.

Valeri Kucenkov
Russian State Professional Pedagogical University,
Russian Federation, Yekaterinburg

INTERIOR SPACE TYPOLOGY ON THE BASIS OF COGNITIVE ACTIVITY IN VISUAL CULTURE

Abstract. Investigating such phenomenon as typology in the field of interior design, it is necessary to use the cognitive activity of the person directed to cognitive activity, using logical and emotional and figurative abilities of the person in creative activity.

Keywords: typology; classification; cognitive cognitive activity; interior space; visual culture.

Понятие типология получило развитие из определения «классификация (лат. classis – разряд и facere – делать) особый случай применения логической операции деления объема понятия, представляющий собой некоторую совокупность делений (деление некоторого класса на виды, деление этих видов и т. д.)... Обычно в качестве оснований деления в классификации выбирают признаки, существенные для данных предметов... Классификация по существенным признакам называется типологией; она основывается на понятии типа как единицы расчленения изучаемой реальности, конкретной идеальной модели исторически развивающихся объектов (биологические, языковые, культурологические и т.п. типологии)» [4, с. 200].

Структурные элементы типологии профессионально-педагогической подготовки в области изобразительной, декоративно прикладной и дизайнерской деятельности студентов имеют функциональную значимость в классификации дизайн образования. Так вопросы творчества в дизайне, изобразительном искусстве, ДПИ, связаны с процессом не только профессиональной подготовкой, но также с формированием творческого и когнитивно-познавательного развития студентов. Эта классификация может быть вспомогательной, используя ...»возможность наиболее быстро и без особых затруднений отыскать по внешним, легко обозримым данным тот или иной индивидуальный объект какого-либо множества (напр., алфавитный порядок фамилий абонентов в телефонной книге)» [2, с. 98].

Процесс «когнитивно-познавательной сферы человека, в частности его восприятия, внимания, воображения, памяти, мышления и речи» [1, с. 125], направлен на когнитивное развитие личности. Когнитивная деятельность, направленная также на преобразование и получение новых результатов, которые имеют специфически мотивированный характер целесообразности, опосредованности и способности к преобразованию.

Для развития разносторонних способностей к творческой деятельности необходимы следующие факторы:

- актуализация творческой деятельности;
- готовность к деятельности;
- оценивание культурных ценностей региона и страны;
- восприятие современного и классического искусств;
- уровень художественной подготовки;
- развитие художественного и творческого потенциала личности.

Формирование и развитие личностного творческого потенциала связано с такими аспектами как:

- свобода творческой деятельности;
- владение традиционными и инновационными технологиями в творческой деятельности;
- развитие «чутья» в определении уровня культуры и мастерства художественного произведения;
- умение определять чистоту стиля в выполненной работе, отказ от применения «китча» как непрофессионализма в искусстве.

Особое внимание следует обратить на наблюдение и изучение природных явлений, которые влияют на творческое воображение, развитие тонких форм восприятия и ощущений, возникающих в результате связи с растительным и животным миром, укрепляя духовную составную личности. Непосредственная связь человека с природой осуществляется благодаря бинокулярному зрению, влияющего как на формирование и развитие творческого воображения, так и на восприятие создаваемого пространства интерьера. Природная среда, влияя на воображение, способствует формированию новых подходов в разработке визуализации искусственного пространства, опираясь на ощущения, имеющие индивидуальные особенности, характерные для данного дизайнера.

Эти разработки или изображения имеют уникальное значение, так как при повторении получить точную копию невозможно, лучше сделать новую работу на данную тему. Размышляя о процессе изображения, цели, конечном результате, возникает мысль о неповторимости происходящего творческого процесса в деятельности художника или дизайнера [3].

При визуализации проектируемых объектов возможно выделение некоторых фрагментов типологии, учитывая особенности и общие психологические принципы структурирования зрительного восприятия человеком. Построение изображаемого объекта позволяет использовать типологию как теоретическое обоснование присутствия объектов в пространственной среде.

Формирование и развитие процесса визуализации возможно при выполнении творческих разработок, владея структурой моделей деятельности, а также соблюдая когнитивную упорядоченность в примененном методе. Модель объекта может стать семиотическим средством организации пространства и проектной деятельности. Для сокращения ошибок в проектировании и получения нового результата, необходимо использование различных моделей деятельности, особенно при интегрировании пространства, имеющего оригинальное изобразительное решение.

Литература

1. *Коджастирова Г.М., Коджастиров А.Ю.* Словарь по педагогике М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2005. 448 с.
2. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник / 2-е изд. испр. и доп. М.: Наука, 1975. 717 с.
3. *Смирнова М.А.* Художественная роль точки и линии в графике // *Пространство диалогов: изобразительное искусство и дизайн: коллективная монография.* АМИ, Стерлитамак: АМИ, 2017. С. 110–119.
4. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1987. 590 с.

Александр Сергеевич Чувашов
старший преподаватель кафедры дизайна интерьера,
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Россия, г. Екатеринбург,
E-mail: aleksandrspi@yandex.ru

ФУД-ДИЗАЙН И ЕГО СТРУКТУРНАЯ СХЕМА

Аннотация. В статье приводятся факты, свидетельствующие о предпосылках формирования нового профессионального направления деятельности – фуд-дизайн. Объясняется понимание содержания нового вида деятельности, а также осуществляется попытка представить его структурно в виде схемы. Так предлагается рассматривать фуд-дизайн как симбиоз предметного и процессуального дизайна сферы питания. Например, предметный фуд-дизайн связан с дизайном упаковки, рекламы, мебели, интерьера, а также создания арт-объектов из еды. Процессуальный фуд-дизайн связывается со сценарным моделированием процесса питания, где важной компонентой становится время. Сценарии подачи еды, питания и отдыха, оформления и смены сервировки, интерактивного и мультимедийного сопровождения во многом зависят от тематического направления застолья (корпоративный вечер, свадьба, юбилей, презентация, дегустация и т. д.), а также от реставрации культурных традиций питания разных стран и эпох. Вместе с тем озвучивается идея интеграции дизайнерских аспектов сферы питания человека в рамки образовательной программы за счет прикладного бакалавриата.

Ключевые слова: фуд-дизайн; прикладной бакалавриат; туризм; предметный дизайн; процессуальный дизайн.

Alexander Chuvashov
Russian State Professional Pedagogical University,
Russian Federation, Yekaterinburg

FOOD-DESIGN AND BLOCKDIAGRAM

Abstract. The article presents evidence of the prerequisites for the formation of new professional activities – food design. Due to the understanding of the content of the new activity, and attempt to represent it structurally in the form of a diagram. So we are to consider the food design as a symbiosis of substantive and procedural design in the food sector. For example, the subject of food design is related with design packaging, advertising, furniture, interiors, and creating art objects out of food. Then procedure food associated with the design scenario simulation of the process of nutrition, where an important component is the time. Scenario, food flow, food and leisure, design and change serving, interactive and multimedia tools largely depend on the topics of the feast (corporate party, wedding, anniversary, presentation, tasting, etc.), as well as the restoration of cultural traditions of different countries and eras. However, voiced the idea of integration of design aspects of human nutrition in the framework of the educational program due to the applied baccalaureate.

Keywords: food design; applied baccalaureate; tourism; product design; procedural design.

За последние годы картина профессий, как и система образования в нашей стране претерпела существенные изменения. С развитием науки, технологий, а также с процессами свободного рынка, предлагающего невероятные услуги, ежегодно появляется много новых профессий с учетом их экономической востребованности, о которых общество раньше не могло и подумать. К примеру, совершенно недавно в екатеринбургской прессе появилась заметка об инновациях в сфере сервиса еды. «Наша газета» в октябрьском номере прошлого года в статье с говорящим названием «Печенье вместо инноваций: технарш из УрФУ занялась дизайнерской выпечкой» приведены фото печенья оригинальной формы и оформленные надписями глазурью [1, с. 7]. Это не единственный факт, дающий повод обсуждать появление перспективной модной профессии будущего – *фуд-дизайн* (от англ. food – еда) объединяющей дизайн внешнего вида готовых продуктов питания, представление их в меню, а так-

же дизайн столовых принадлежностей, способов сервировки и проектирование процесса питания в целом. Он уже неоспоримо входит в нашу жизнь сейчас. Модные журналы типа Vogue пишут статьи о зарождении нового направления дизайна, выделяют рейтинги фуд-стилистов и фуд-фотографов. В Москве создаются первые студии, выполняющие услуги приготовления, оформления и представления процесса питания. Еще одним актуализирующим фактором дизайна еды может стать туризм. Например, в статье «Лопну. Но очень вкусно», опубликованной в сентябрьском номере «Российской газеты» за 2016 год обсуждается возможность гастрономического туризма, в котором «изюминкой» станут региональные традиции в еде. «Мы всерьез подходим к теме гастрономического туризма и будем постепенно выходить на международный уровень. Российская кухня не только часть истории и культуры нашей Родины, но и очень перспективный бренд для продвижения нашей страны за рубежом», – цитирует газета заявление замглавы Ростуризма Сергея Евгеньевича Корнеева на открытии Международного гастрономического форума в Ярославле [4, с. 5].

Не удивим, если скажем, что веяние это пошло из Европы. Родиной его называется Италия, где ныне фуд-дизайну уже официально обучают в Istituto Europe odi Design с 2008 года. В России эта ниша пока пустует, но вряд ли она таковой останется в ближайшем будущем. Скорее всего, ее займут предприимчивые люди из различных областей профессиональной деятельности, т. к. специально фуд-дизайнеров в нашей стране не готовят. Сейчас область оформления и представления еды обеспечивают любители, художники, дизайнеры, повара, кондитеры, фотографы, и т. п. А между тем, у фуд-дизайна есть большой потенциал остаться в профессиональном перечне будущего в связи с тем, что питание захватывает одну из базовых человеческих потребностей. Вместе с тем, на современном этапе идет формирование основных направлений развития фуд-дизайна. Это обусловлено растущим интересом к когнитивному характеру деятельности во всех ее видах, а также и прежде всего появлением и широким развитием новых гибких пищевых технологий, синтетических безвредных пищевых добавок и продуктов, полностью эмитирующих натуральные. С другой стороны, прием пищи или напитков часто является сопровождающим компонентом частных, юбилейных, корпоративных, деловых и дружеских встреч. Особое место занимает дегустация вин, кулинарных, кондитерских и гастрономических продуктов питания. Эстетическая сторона этих мероприятий играет далеко не последнюю роль, а в отдельных случаях становится доминирующей.

Для качественного развития фуд-дизайна естественно требуется квалифицированная передача опыта. На подмогу должен придти *прикладной бакалавриат*, который с одной стороны призван готовить специалиста практика для реальной жизни, а с другой – не углубляется в фундаментальную науку, абсолютно не нужную для многих современных специальностей. Для понимания границ профессиональной деятельности и образовательных дисциплин представим примерную схему векторов приложения фуд-дизайна (схема).

Фуд-дизайн не ограничивается дизайном еды, ее объемно-пластической структуры. Это и организация процесса приготовления пищи и процесса ее поглощения. Его можно разделить на процессуальный и предметный, которые включают в себя несколько других видов дизайна, адаптированных к его целям.

В предметном фуд-дизайне есть возможность выделить дизайн материально-предметной среды хранения, продажи и обработки продуктов питания, а также *фуд-дизайн как искусство или еда как арт-объект*.

Первая названная группа – это и дизайн рекламы, и упаковки, и фото-дизайн, и дизайн предметов, связанных с едой (посуда, столовые приборы, мебель и пр.), а также сервировка, оформление витрины продуктового магазина, выставочного стенда ресторана, дизайн интерьера в зависимости от характера еды, тематики застолья, условий места и времени ее поедания. Например, могут создаваться образы приема пищи, воссоздающие атмосферу конкретных исторических эпох и народов для ознакомления не только с их кухней, но и с процессом приема пищи или с национальными обычаями и проведением национальных праздников.

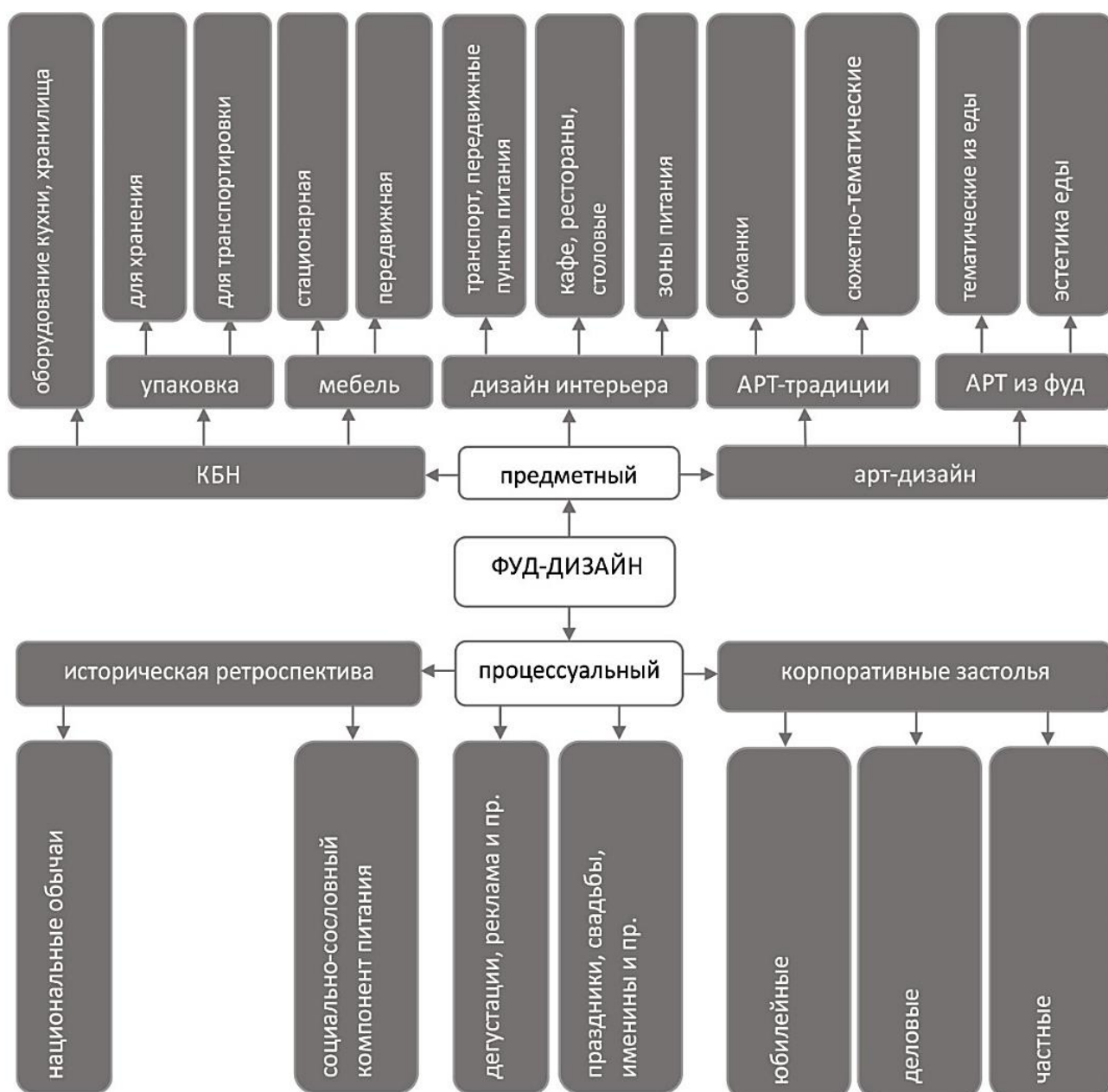

Схема составных элементов фуд-дизайна¹

Ко второй группе можно отнести картины из пищевых продуктов, арт-объекты. При создании абстрактной или предметной композиции из продуктов питания художественный компонент может стать настолько доминирующим, что произведение фуд-дизайна может быть приравнено к произведению искусства и станет произведением фуд-арта. При этом оно может быть, как съедобным, так и не съедобным, вызывающим лишь впечатление вкусной еды, а на самом деле лишь эмитирующим форму пищевого продукта. Это так называемые «обманки», которые в свое время находили широкое распространение в мировой художественной культуре.

Процессуальный фуд-дизайн существует в интеграции с предметным, в рамках которого может проводиться сценарное проектирование для организации и проведения различных мероприятий (свадеб, дегустаций, корпоративных и деловых встреч и т.п.). Сам процесс приема пищи уже говорит о том, что ситуация постоянно изменяется: одни блюда исчезают, другие появляются, постоянно меняется и сервировка стола. Прием пищи часто сопровождается активным общением участников между собой. Поэтому очень важную роль здесь играет вре-

¹ Автор схемы – Кикин Виктор Васильевич.

менная компонента. Должна быть продумана организация всего процесса вплоть до последовательной смены материально-предметной среды, в которой происходит мероприятие. Это могут быть как материально-предметные пространства, создающие различные образы, так и с использованием интерактивных средств. Особое место занимают театрализованные представления, связанные с процессами питания.

Литература

1. *Беляев С.* Печенье вместо инноваций: технарш из УрФУ занялась дизайнерской выпечкой // Наша газета. 2016. № 42 (1071), 27 окт.. С. 7.
2. *Кукенков В.И., Степанов А.В.* Фуд-дизайн: новая профилизация подготовки бакалавров профессионального обучения // Креативные основы художественного образования: материалы Международной научно-практической конференции, 11–17 марта 2013 г. Екатеринбург: РГППУ, 2013. С. 86–89.
3. *Степанов А.В., Степанова Т.М.* Фуд-дизайн как инновационное направление подготовки педагогов профессионального обучения // Инновационные процессы в образовании: стратегия, теория и практика развития: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: РГППУ, 2013. Т. 1. С. 227–229.
4. *Фомченков Т.* Лопну. Но очень вкусно // Российская газета. 2016. № 197 (7065). 2 сент. С. 5.